Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. СЕНТЯБРЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки Василія Антоновича Инсарскаго..... 481—504
II. Замѣтка о Константиновскомъ межевомъ институтѣ 1849 г. Виктора Павлова..... 505—506
III. Выписка изъ журнала главнаго училищъ правленія. Октября 23-го дня 1818 года о покупкѣ въ казну наборщика Степанова..... —531
IV. Тарговицкая конфедерація. В. В. Тимощукъ. 532—552
V. Ив. Серг. Тургеневъ въ Берлинскомъ университетѣ. (1838—1840 гг.). Н. Гутьяра..... 553—577
VI. Воспоминанія педагога. В. Г. фонъ-Вооля. 578—593
VII. П. А. Плетневъ и его отношенія къ Жуковскому и Пушкину. (Страница изъ жизни нашихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей первой половины XIX в.). Вячеслава Каминскаго..... 594—627
VIII. Записки Михаила Чайковскаго. (Мехметъ-Садыкъ-паши). Перев. В. В. Тимощукъ..... 628—642
IX. Изъ бумагъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. (Письма къ нему разныхъ лицъ). 643—667
X. Изъ архива А. В. Никитенко 668—687
XI. В. А. Жуковскій и А. И. Тургеневъ въ 1812 и 1814 годахъ. Сообщилъ И. А. Бычковъ..... 688—690
XII. Изъ рескриптовъ императора Павла I. Сообщилъ Александръ Успенскій..... 691—700
XIII. Къ біографіи В. Н. Каразина: I.—Письма В. Н. Каразина П. И. Кешену. Сообщ. В. И. Срезневскій. II.—Н. А. Мурзанова..... 701—707
XIV. Карлъ Карловичъ Зейдлицъ. П. Висковатова-Висковатаго..... 708—714
XV. Проектъ генералъ-интенданта Канкрина о новомъ способѣ поселенія войскъ. Сообщ. Михаилъ Соколовскій..... 715—716
XVI. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **генералъ-маіора Владиміра Георгіевича фонъ-Вооль.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Упрощённая русская азбука і правопісаніе Константіна Александровіча Сорокина. Спб. 1903 г. Цена 20 коп.

Въ виду возникшаго въ послѣднее время вопроса объ упраздненіи нѣкоторыхъ буквъ изъ русскаго алфавита и объ упрощеніи правописанія,—слѣдуетъ остановиться на книгѣ г. Сорокина.

Но прежде, чѣмъ разбирать книгу г. Сорокина, приведемъ мнѣніе графа Л. Н. Толстого по поводу реформы орѳографіи („Русь“ 15-го іюля № 212, фельетонъ г. А. Зенгера): „По-моему,—говорилъ графъ Л. Н. въ бесѣдѣ съ г. Зенгеромъ,—реформа эта нелѣпа... Да, да, нелѣпа... Это типичная выдумка ученыхъ, которая, конечно, не можетъ пройти въ жизнь. Языкъ—это послѣдствіе жизни; онъ создался исторически, и малѣйшая черточка въ немъ имѣетъ свое особое, осмысленное значеніе... Человѣкъ не можетъ и не смѣетъ передѣлывать того, что создаетъ жизнь; это безсмысленно—пытаться исправлять природу, безсмысленно... Говорятъ, гимназистамъ будетъ легче. Да, можетъ быть, но зато намъ будетъ труднѣе; да и имъ будетъ легче только писать, а читать они будутъ дольше, чѣмъ мы читаемъ.

„Для меня, напримѣръ,—продолжалъ графъ Толстой,—очень трудно разбирать письма безъ твердаго знака: сплошь да рядомъ читаешь и не знаешь, къ какому слову отнести промежуточную букву: къ предыдущему или послѣдующему... Что же касается до уничтоженія „э“, „ѣ“ и прочихъ буквъ, то ужъ это нелѣпо...

„Это, какъ я уже сказалъ, упроститъ, можетъ быть, письмо, но за то безусловно удлиннитъ процессъ чтенія: вѣдь мы только пишемъ по буквамъ, читаемъ же вовсе не по буквамъ, а по общему виду словъ. Мы беремъ слово сразу нашимъ взглядомъ, не разбивая его на слоги, и потому для всякаго читающаго каждое слово, обладая своеобразнымъ написаніемъ, имѣетъ свою особую физіономію, которую ей создаютъ именно эти „ѣ“ и „э“. И благодаря этой физіономіи, я узнаю это слово, даже не вникая въ него, какъ узнаю знакомое лицо среди сотни другихъ, менѣе знакомыхъ; и потому я такое слово воспринимаю легче другихъ... Вотъ, я очень бѣгло читаю, такъ что вижу всегда нѣсколько впередъ, и если, напримѣръ, я впереди вижу „ѣ“ въ словѣ „тѣнь“, то я уже знаю, что это именно „тѣнь“, а не „темя“ или что-либо другое; и, зная, что это „тѣнь“, я уже предугадываю всю фразу, и мнѣ это облегчаетъ процессъ чтенія.

„Однимъ словомъ, благодаря такимъ „личнымъ“ признакамъ, которыми одарены слова при современномъ правописаніи, я получаю возможность читать быстро. Если же написаніе станетъ однообразнымъ, т. е. каждое слово лишится своихъ личныхъ признаковъ, то узнавать мнѣ его будетъ труднѣе и, конечно, читать я буду медленнѣе“.

Вся книжечка г. Константина Сорокина заключаетъ въ себѣ 40 страницъ крупнаго, азбучнаго шрифта, за исключеніемъ двухъ страницъ предисловія, напечатанныхъ обыкновеннымъ шрифтомъ (оно-то и объясняетъ, въ чемъ состоитъ упрощеніе правописанія), съ рисунками и примѣрами, или, какъ ихъ называетъ авторъ,—образцами для чтенія,—понадерганными изъ различныхъ азбукъ и хрестоматій.

Обратимся къ заглавію. Самый текстъ его показываетъ, что авторъ взялся за непосильную для себя задачу. Не даромъ сказано: „Quod licet Jovi, non licet bovi“. Отчего онъ озаглавилъ книгу,—если можно примѣнить это названіе къ этому произведенію печати,—„Упрощённ*ая русская*“... и т. д.? Казалось бы, надо было употребить слово „упрощенн*ыя*“, такъ какъ, очевидно, если упрощается азбука, то упрощается и правописаніе.

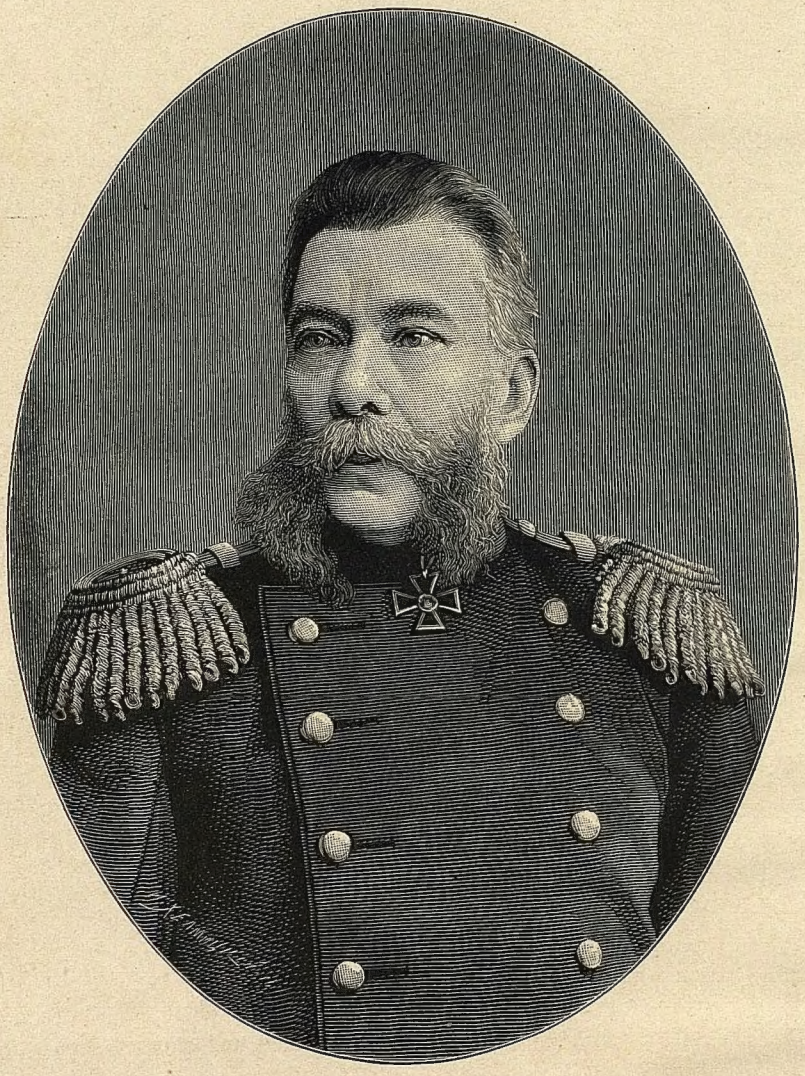
Но въ чемъ же заключается упрощеніе? Прежде всего г. К. А. Сорокинъ (ужъ очень хотѣлось ему видѣть напечатаннымъ свое имя: не только подъ предисловіемъ, но даже и подъ помѣщенными въ концѣ книги разгадками, стоитъ: К. А. Сорокінъ) упраздняетъ *и* и *ѵ*,—послѣднюю потому, что она встрѣчается только въ нѣсколькихъ словахъ.

„Буквы же *і*—*и*—заявляетъ авторъ,—хотя встрѣчаются одинаково часто (съ этимъ нельзя согласиться: скорѣе можно предположить,—да это такъ и на самомъ дѣлѣ,—что буква *і* встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ *и*, такъ какъ она ставится передъ гласными, полугласной *й* и еще въ немногихъ словахъ передъ согласными,—міръ и др.,—(тогда какъ *и* сопровождаетъ всѣ согласныя, которыхъ больше, чѣмъ гласныхъ, и этою буквою начинаются многія слова); по начертанію *і* проще (вполнѣ съ этимъ согласны!) (,) и въ иностранныхъ языкахъ этотъ звукъ изображается такимъ же образомъ“ (къ чему намъ здѣсь иностранные языки? Буквы

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 29 АВГУСТА 1904 г.

ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", Б. ПОДЪЯЧ., 39.



ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

ВЛАДИМІРЪ ГЕОРГІЕВИЧЪ

ФОНЪ-БООЛЬ.

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

III [1]).

Учрежденіе Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ.—Воззрѣнія князя на унизительное положеніе нашего духовенства.—Забота князя возвысить это положеніе.—Отсюда мысль объ Обществѣ.—Составленіе устава Общества и присвоеніе членамъ его особыхъ крестовъ, какъ способъ къ созданію огромныхъ матеріальныхъ средствъ.—Императрица, покровительница Общества.—Образованіе Совѣта и практическія его дѣйствія.—Энергическія дѣйствія императрицы.—Мое столкновеніе съ княземъ.—Интриги Ба—ея противъ меня, какъ управляющаго дѣлами Совѣта.—Стремленіе князя обогатить Общество.—Коварное участіе въ дѣлахъ Общества со стороны Головнина.—Послѣдствія этого участія.—Поѣздка моя въ Гатчинскій дворецъ.—Замѣчательный разговоръ съ княземъ.—Его грустное настроеніе.—Государь не утвердилъ доклада князя.—Громадное вліяніе этого обстоятельства на князя.—Моя поѣздка съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ на Кавказъ.—Замѣчательныя инструкціи, данныя мнѣ княземъ.—Графъ Левашовъ, замѣстившій меня въ дѣлахъ Общества.

Предварительно надобно замѣтить, что, обозрѣвая въ продолжительныхъ бесѣдахъ со мной настоящее положеніе государства, князь часто съ горечью христіанина и истинно-русскаго человѣка останавливался на бѣдномъ и унизительномъ положеніи нашего духовенства. Изображая главнѣйшія черты этого положенія съ тою прозорливостью, которая всегда составляла принадлежность его обширнаго ума, онъ приводилъ различные факты, сюда относящіеся, которые случалось ему замѣчать въ

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1904 г.

жизни. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что, въ бытность свою въ Лондонѣ или Парижѣ, онъ видѣлъ, какъ какой-то русскій баринъ, имя ужъ не помню, считалъ любимѣйшею забавою потѣшаться надъ какимъ-то изъ нашихъ церковно-служителей, который посѣщалъ его время отъ времени. По словамъ князя, господинъ этотъ изобрѣталъ различныя и въ высшей степени оскорбительныя для этой личности шутки; но тотъ не только не оскорблялся, но когда шутникъ, развалясь на диванѣ, хохоталъ надъ нимъ—онъ, какъ собака, смиренно и почтительно цѣловалъ у него руки и ноги. Передавая съ глубокимъ чувствомъ негодованія и отвращенія эти сцены, князь ставилъ въ параллель нашему духовенству духовенство преимущественно англійское, гдѣ духовныя лица и по рожденію, и по образованію, и по обезпеченности, стоятъ на-ряду со всѣми другими высшими классами и пользуются вполнѣ тѣмъ общимъ уваженіемъ, которое должно принадлежать духовнымъ лицамъ.

Соображенія, которыя князь развивалъ на эту тему, исполнены были мудрости истиннаго государственнаго человѣка. Ясно было, что поднять наше дворянство и поднять наше духовенство князь считалъ какъ будто одною изъ главныхъ задачъ своей жизни. Я говорилъ уже, что по первому вопросу онъ работалъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, будучи блестящимъ адъютантомъ наслѣдника. Нѣтъ сомнѣнія, что законъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ не чуждъ сильнѣйшаго участія князя, хотя законъ этотъ и не удовлетворялъ его вполнѣ именно въ томъ отношеніи, что предоставляетъ, въ случаѣ прекращенія прямой нисходящей мужской линіи, вступать во владѣніе маіоратными или заповѣдными имѣніями женщинамъ, тогда какъ, по убѣжденіямъ князя, въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ искать мужчинъ въ боковыхъ линіяхъ, а женщинамъ давать право владѣнія только въ случаяхъ неизбѣжной необходимости, когда во всѣхъ отрасляхъ и линіяхъ рода не осталось положительно ни одного мужчины. Что касается до вопроса о духовенствѣ, то, повидимому, князь хорошо сознавалъ, что здѣсь вмѣшательство молодаго адъютанта было бы болѣе чѣмъ страннымъ, и ожидалъ, когда карьера выдвинетъ его на такой постъ, съ котораго голосъ его по этому вопросу не будетъ казаться уже страннымъ и неумѣстнымъ. Всесильное положеніе намѣстника было именно такимъ положеніемъ, гдѣ князь имѣлъ уже полную возможность приложить свои завѣтныя идеи къ дѣлу.

Извѣстно, что христіанство на Кавказѣ имѣло нѣкогда сильное развитіе; но прежніе грузинскіе цари и правительства, слабосильные вообще и подавляемые извнѣ напоромъ исламизма, не имѣли возможности поддерживать, какъ должно, православную церковь, и потому христіанство гасло, а на мѣсто его водворялось магометанство. Во время знаменитаго похода 1859 г., въ нѣдрахъ непокорныхъ горъ, всѣ

мы видѣли кресты и многіе другіе слѣды угасшаго христіанства. Отсюда явилась мысль князя возстановить въ горахъ христіанство, тамъ, гдѣ оно существовало, и для этого создать особое Общество. Это была видимая и понятная цѣль; но за нею скрывалась другая главная цѣль князя поднять силою, богатствомъ и вліяніемъ этого Общества все русское духовенство.

Самому Обществу князь думалъ первоначально дать образованіе, подобное образованію тѣхъ знаменитыхъ орденовъ, которые пріобрѣтали въ чужихъ государствахъ страшную силу и нравственнымъ могуществомъ и матеріальнымъ богатствомъ. Князь отлично зналъ исторію всѣхъ этихъ орденовъ и много говорилъ о способахъ примѣненія ихъ устройства къ устройству нашего Общества. Но такое примѣненіе, на первыхъ же порахъ, признано было въ Петербургѣ неудобнымъ; тѣмъ не менѣе, князь крѣпко стоялъ на томъ, чтобы создать изъ этого Общества неисчерпаемый кладъ, изъ котораго бы первоначально наши кавказскіе миссіонеры и духовныя лица могли получать обезпеченное содержаніе, а потомъ такое же содержаніе могло быть распространено и на все русское духовенство.

У князя была, какъ онъ самъ выражался, манера пробовать людей для испытанія: къ чему и въ какой степени они способны. Составленіемъ устава для этого Общества онъ перепробовалъ многихъ. Началось съ Иваницкаго, этого умника, который на словахъ города бралъ и болѣе другихъ восхищался этимъ предположеніемъ князя. Ему именно князь, прежде всего, и предложилъ облечь это предположеніе въ форму устава. Вышла чепуха непроходимая, доказательствомъ которой можетъ служить одно то, что намѣстника, т. е. князя, онъ облекалъ чудовищнымъ наименованіемъ: «Великаго предсѣдателя Общества». Подобные опыты съ равнымъ успѣхомъ сдѣланы были съ нѣкоторыми другими лицами; наконецъ, дѣло было передано мнѣ.

Заваленный обычными дѣлами канцеляріи, я не имѣлъ физической возможности самъ лично и непосредственно заняться составленіемъ этого проекта; для этого надобно было бы положительно остановить теченіе всѣхъ другихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что, какъ я сказалъ уже выше, у меня не было вице-директора, который могъ бы замѣнить меня, хотя на нѣсколько дней. Поэтому мнѣ оставалось обдумать планъ проекта, составить программу и раздѣленіе частей и избрать изъ моихъ многочисленныхъ сотрудниковъ такого, который, подъ моимъ личнымъ руководствомъ, могъ бы съ наибольшимъ успѣхомъ исполнить этотъ предварительный трудъ. Выборъ мой остановился на Берже, который былъ секретаремъ Географическаго общества, управлялъ Тифлисскою публичною библіотекою, печаталъ различныя статьи о Кавказѣ и вообще имѣлъ репутацію ученаго человѣка. По канцеляріи онъ принадлежалъ

къ отдѣленію секретныхъ дѣлъ и, будучи однимъ изъ помощниковъ управляющаго этими дѣлами, со стороны дѣловой былъ мало мнѣ извѣстенъ, хотя при нѣкоторыхъ, рѣдкихъ впрочемъ, объясненіяхъ, оставлялъ во мнѣ выгодное впечатлѣніе, какъ человѣкъ умный и образованный. Поручивъ г. Берже эту работу, я сообщилъ ему личныя наставленія о порядкѣ, въ какомъ она должна быть сдѣлана, и передалъ самый планъ устава, мною на бумагѣ набросанный. Г. Берже чрезвычайно польстило это порученіе, и онъ съ энергіею принялся за этотъ трудъ, хотя, какъ мнѣ тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ, его смущало совершенное незнакомство его съ подобными работами. Какъ обыкновенно, по Тифлису пошелъ гулъ, что Берже сдѣлано такое важное порученіе, особенно между его сослужащими. Гулъ этотъ, тоже по обычаю, тотчасъ дошелъ до князя и къ удивленію не совсѣмъ благопріятно подѣйствовалъ на него.—Я слышалъ, что вы поручили составленіе устава Берже,—спросилъ однажды князь.—Такъ точно,—отвѣчалъ я. — Вы не знаете Берже, — началъ князь немножко капризнымъ тономъ—это ученый мужъ и напутаетъ такъ же, какъ Иваницкій!

Дѣйствительно, работа Берже оказалась чрезвычайно сложною и добросовѣстною, но мало практическою, такъ сказать; во всякомъ случаѣ, какъ матеріалъ, она была мнѣ полезна. Надобно было только освободить ее отъ многихъ отвлеченностей, которыми усердно преисполнилъ ее мой ученый сотрудникъ, и придать ей ту ясность, сжатость и опредѣлительность, которыя составляютъ принадлежность всякаго устава. Въ основаніе устава положены тѣ же существенныя черты, на которыхъ образованы разныя другія общества. Такъ, напр., оно должно составляться изъ членовъ, раздѣленныхъ на четыре категоріи: членовъ почетныхъ, членовъ дѣйствительныхъ, членовъ-сотрудниковъ и членовъ-ревнителей. Такъ какъ главная задача Общества заключалась въ образованіи обширныхъ матеріальныхъ средствъ, то для каждаго разряда членовъ установлены кресты различныхъ степеней и сообразно тому различные взносы въ кассу Общества. Почетные члены должны вносить 1.000 р. и получать крестъ золотой съ украшеніями для ношенія на шеѣ. Члены дѣйствительные, внося ежегодно по 500 р., получаютъ такой же золотой крестъ на шею, но безъ украшеній. Члены третьяго разряда, обязанные вносить по 200 р., получаютъ золотой крестъ для ношенія на груди; наконецъ, члены четвертаго разряда, внося только по 20 руб. ежегодно, получаютъ крестъ серебряный, также для ношенія на груди. Членами Общества могутъ быть лица всѣхъ званій, всѣхъ возрастовъ и обоего пола. Намѣстникъ имѣетъ званіе предсѣдателя Общества и направляетъ его дѣйствія. Внутренній распорядокъ въ дѣлахъ Общества принадлежитъ Совѣту, подъ предсѣдательствомъ

экзарха Грузіи, которому присвоено званіе вице-предсѣдателя Общества. Общество должно отправлять миссіонеровъ, строить церкви, учреждать школы и т. п. Наконецъ, Общество поставлено подъ августѣйшее покровительство государыни императрицы. Эти основныя черты сохранены неприкосновенными и при высочайшемъ утвержденіи устава; но до этого утвержденія онъ подвергался безчисленнымъ мытарствамъ и затрудненіямъ. Началось съ того, что князь, получивъ отъ меня проектъ устава, сталъ передавать его рѣшительно всѣмъ, отъ кого ожидалъ получить какое-нибудь дѣльное замѣчаніе. Само собою разумѣется, что каждый желалъ отличиться и сочинялъ замѣчанія. На мою долю, конечно, падало разбирать ихъ и разъяснять князю ихъ дѣльность или ихъ неосновательность. Потомъ образовался высшій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого князя изъ двухъ экзарховъ: бывшаго Исидора, назначеннаго уже въ это время кіевскимъ митрополитомъ, на поддержку котораго князь сильно разсчитывалъ, такъ какъ, при отправленіи своемъ къ новому мѣсту назначенія, онъ долженъ былъ видѣть государя и императрицу и по инструкціямъ князя лично объяснить имъ всю важность и пользу этого дѣла, и другаго—Евсевія, пріѣхавшаго уже на смѣну Исидора. Комитетъ этотъ собирался и засѣдалъ въ Боржомѣ, гдѣ князь проводилъ лѣто 1858 г. и порядкомъ меня мучилъ именно въ слѣдствіе моего разъединенія съ нимъ. Воззрѣнія этого комитета передавались мнѣ письменно состоявшимъ при князѣ чиновникомъ Булатовымъ, незнакомымъ со всѣми подробностями и интересами этого дѣла, отчего возникало много недоумѣній, требовавшихъ также письменныхъ съ моей стороны разъясненій, что, при моихъ обычныхъ занятіяхъ, страшно затрудняло меня. Наконецъ, уставъ и при немъ великолѣпная бумага въ Кавказскій комитетъ съ препровожденіемъ его были совершенно изготовлены.

Оставалось сочинить, такъ называемое, воззваніе къ народу или публикѣ принять живое участіе въ этомъ христіанскомъ дѣлѣ; это была самая труднѣйшая часть работы, именно потому, что должна была имѣть нѣкоторый характеръ проповѣди. Первымъ сочинителемъ этого воззванія былъ, по моему убѣдительному приглашенію, священникъ Романовъ, преподаватель Тифлисской гимназіи, проповѣдями котораго, краткими, сильными и эффектными, я постоянно любовался. Оказалось, что этотъ, во всякомъ случаѣ почтенный, священникъ писалъ далеко не такъ блистательно, какъ говорилъ. Вторымъ сочинителемъ этого воззванія былъ, также по моей просьбѣ, Кипіани, въ это время уже членъ Совѣта намѣстника, человѣкъ, отлично знавшій грузинскую исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію развитія и паденія тамъ христіанства, а въ то же время отлично владѣвшій перомъ. Къ сожалѣнію, и его сочиненіе оказалось, на мои глаза, мало удовлетворительнымъ.

Заботы и труды, съ которыми созидалось это воззваніе, не могли не сдѣлаться извѣстными новому экзарху, и онъ поспѣшилъ прислать на ту же тему свое сочиненіе; но оно оказалось положительно хуже обоихъ предъидущихъ. Не удовлетворяясь ни однимъ изъ этихъ сочиненій и въ то же время сознавая, что всѣ эти произведенія принадлежатъ людямъ значительнымъ и компетентнымъ, я не рѣшился передѣлывать ихъ и, представивъ подлинникомъ князю, присоединилъ съ нимъ свое собственное сочиненіе. Князь не плѣнился однако ни однимъ изъ представленныхъ ему проектовъ и составилъ свое воззваніе, слѣпивъ его изъ частей, взятыхъ изъ нашихъ сочиненій. Это произведеніе также нельзя назвать удачнымъ, тѣмъ не менѣе оно, конечно, восторжествовало и вмѣстѣ съ уставомъ вышло въ свѣтъ. Но, до выхода въ свѣтъ, дѣло это должно было выдержать много преткновеній разнаго рода въ высшей уже сферѣ. Когда Кавказскій комитетъ, по установленному порядку, передалъ это дѣло на предварительное заключеніе разныхъ государственныхъ лицъ, отовсюду посыпались различныя замѣчанія. Въ ряду этихъ замѣчаній особенною силою отличались замѣчанія графа Блудова, управлявшаго тогда II отдѣленіемъ Собственной его императорскаго величества канцеляріи, и московскаго митрополита Филарета. Но эти оффиціальныя замѣчанія не могли поколебать дѣла: мнѣ удалось написать одну изъ самыхъ удовлетворительнѣйшихъ бумагъ, въ которой, разобравъ всѣ эти замѣчанія и воздавъ имъ должную хвалу, я одни изъ нихъ, менѣе существенныя, принималъ къ исполненію и сообразно тому вводилъ въ уставъ соотвѣтственныя измѣненія, а въ отношеніи другихъ, болѣе существенныхъ, приводилъ энергическіе доводы, по которымъ невозможно было ихъ принять. Бумага была столь удачна, что князь—замѣчательное дѣло!—не измѣнилъ въ ней ни одного слова. Гораздо большій вредъ дѣлу приносили не эти оффиціальныя замѣчанія, но ядовитые протесты благопріятелей князя, царедворцевъ, въ ряду которыхъ особенною дѣятельностью въ этомъ отношеніи отличались князь Горчаковъ и князь Долгоруковъ. Они положительно смѣялись надъ придуманною княземъ продажею крестовъ и энергически утверждали, что такая продажа не только унижаетъ правительство, но профанируетъ самое христіанское дѣло, съ которымъ она связана. Однимъ словомъ, протестъ при дворѣ противу этого дѣла былъ такъ силенъ, что, сколько можно было заключать по разнымъ признакамъ, колебалъ государя и императрицу. Но князь въ то время былъ въ блестящей полосѣ своего счастія, и ему все, несмотря ни на какія препятствія, ни на какіе протесты—удавалось. Такъ было и тутъ. Я ужъ не помню, сами-ли обстоятельства такъ расположились, старался-ли князь направить дѣло такимъ образомъ, или ловкій и преданный въ то время князю Бутковъ устроилъ такъ, а не иначе—только все это

предположеніе, со всѣми замѣчаніями, противу него сдѣланными, и всѣми объясненіями, противу этихъ замѣчаній написанными, докладывалось и рѣшалось окончательно именно въ тотъ моментъ, когда, покоривъ и прославъ въ Петербургъ знаменитаго и казавшагося необоримымъ Шамиля, князь, вслѣдъ за тѣмъ, самъ явился сюда свѣтиломъ первой величины. Объ этомъ самомъ высокомъ моментѣ въ существованіи князя я буду говорить въ свое время и въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же достаточно сказать, что добрый государь, желая осыпать всевозможными почестями героя, какъ будто старался—вещь мало вѣроятная!—самъ держаться на второмъ планѣ. Такой моментъ славы и могущества повториться не могъ. Понятно, какое громадное вліяніе онъ имѣлъ на дѣло объ Обществѣ возстановленія христіанства на Кавказѣ и если не на совершенное уничтоженіе царедворскихъ интригъ противу него, то на значительное ослабленіе ихъ, хотя съ внѣшней стороны.

Князь Александръ Ивановичъ самъ разсказывалъ мнѣ подробности придворной войны, происходившей за Общество между нимъ и его врагами. Изъ его словъ видно было, что война эта не представляла серьезнаго государственнаго характера, но имѣла видъ остроумныхъ стычекъ между царедворцами, окружающими государя и императрицу. Князь, по его словамъ, въ присутствіи своихъ противниковъ, просилъ государя, въ особенную ему милость, никогда и ни зачто не давать ни князю Горчакову, ни князю Долгорукову знаковъ Общества, если оно состоится. «Это будетъ самымъ сильнымъ для нихъ наказаніемъ, ваше величество»,—прибавлялъ князь—«за ихъ упорство и противодѣйствіе этому святому дѣлу. Тогда они будутъ мучиться желаніемъ пріобрѣсти эти знаки, и мученіе будетъ продолжаться вѣчно, потому что вы, государь, не можете присоединить къ христіанскому Обществу такихъ лицъ, которыя стараются его разрушить». Само собою разумѣется, что мысль эту князь облекалъ въ ту изящную, шутливую форму, которой, кажется, одинъ князь и владѣлъ. Между тѣмъ наединѣ со мной онъ придавалъ ей весьма серьезное значеніе.

Надо замѣтить, что независимо отъ крестовъ различныхъ степеней, которые онъ усвоялъ Обществу, онъ имѣлъ твердое намѣреніе ввести въ немъ ленты и звѣзды также различныхъ степеней. Но, видя многоразличные протесты противу самого учрежденія Общества, а можетъ быть и не встрѣтивъ должнаго сочувствія со стороны государя, онъ рѣшился мысль о лентахъ и звѣздахъ отложить до времени и осуществить впослѣдствіи, когда Общество уже установится и пріобрѣтетъ нѣкоторую силу; но никакъ не отмѣнить, потому что именно на ней, преимущественно, князь и созидалъ свои обширные планы, вѣрные или мечтательные, это другой вопросъ. Останавливаясь часто на этой мысли, князь подробно развивалъ, какое значеніе и вліяніе будутъ

имѣть эти звѣзды Общества. Онъ разказывалъ мнѣ, какую страшную цѣну пріобрѣли ордена «Золотаго руна», «Подвязки» и какихъ-то другихъ, именно оттого, что ихъ умно и скупо раздаютъ; какъ сами государи жаждутъ ихъ получить и не всѣ, однако же, получаютъ. Такими же, въ своихъ мечтаніяхъ, князь хотѣлъ сдѣлать и звѣзды Общества. По его планамъ надобно было, чтобы государь жаловалъ ихъ самымъ высшимъ лицамъ и въ особенно рѣдкихъ случаяхъ. Тогда эти звѣзды станутъ если не выше, то и не ниже Андрея, и честь принадлежать Обществу будетъ считаться величайшею честью. Но трудно передать здѣсь всѣ соображенія, какія князь развивалъ на этотъ мотивъ. Достаточно сказать, что князь искренно вѣрилъ, что князь Горчаковъ, князь Долгоруковъ и др. будутъ дѣйствительно испытывать мученія, не получая этихъ звѣздъ и лентъ. Увы! мечтамъ объ этихъ звѣздахъ, подобно многимъ другимъ мечтамъ князя, не суждено было осуществиться. Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди. Обращаюсь къ первоначальному утвержденію устава Общества. Для этого предназначалось составить особенный совѣтъ въ комнатахъ императрицы; но это предназначеніе не могло состояться вслѣдствіе болѣзни князя, лишавшей его возможности подняться вверхъ въ комнаты императрицы изъ комнатъ Зимняго дворца, въ которыхъ князь помѣщался; послѣ довольно продолжительнаго и тщетнаго ожиданія, что князь поправится, предполагалось учредить засѣданіе въ комнатѣ князя, куда и императрица изъявляла готовность спуститься; но это предположеніе отклонено самимъ княземъ. Тогда, послѣ различныхъ переговоровъ, рѣшено было сдѣлать засѣданіе совѣта въ другой, тоже нижней, части Зимняго дворца, куда императрица изволитъ сойти сверху, а князя, который не могъ ходить, атакованный подагрой, подвезутъ туда на особыхъ катающихся креслахъ. Я помню живо день, въ который происходило это достопамятное засѣданіе. Всѣ министры, долженствовавшіе участвовать въ немъ, заходили къ князю. Въ числѣ ихъ былъ и Муравьевъ, бывшій тогда министромъ государственныхъ имуществъ и впослѣдствіи прославившійся въ Западномъ краѣ. Какъ теперь смотрю на его болѣзненно расплывшуюся фигуру, которой, казалось, дни уже сочтены. Мнѣ тогда, конечно, и въ голову не приходило, что въ этомъ, повидимому разваливающемся, тѣлѣ, найдется столько энергіи, чтобы сослужить государству, въ трудныя минуты, большую службу, тѣмъ болѣе, что уже и въ то время поговаривали объ оставленіи имъ министерства, именно вслѣдствіе болѣзненнаго его состоянія. Я могъ довольно продолжительно любоваться его личностью, ибо до пріема его княземъ и послѣ пріема, онъ что-то долго разглагольствовалъ съ другими, ожидающими очереди пріема, господами, въ той сосѣдней съ кабинетомъ князя комнатѣ, гдѣ находились постоянно дежурные и состоящіе при князѣ. Къ

назначенному моменту всѣ эти господа перешли въ комнаты, назначенныя для засѣданія, а вслѣдъ затѣмъ покатили туда больнаго, безногаго и задумчиваго князя... Результатъ этого засѣданія угадать было не трудно: уставъ Общества былъ утвержденъ.

По возвращеніи нашемъ на Кавказъ, князь на меня же возложилъ осуществленіе всего того, что требовалось уставомъ. Прежде всего надобно было образовать Совѣтъ, для управленіи дѣлами Общества. На первое время князь желалъ сохранить личное предсѣдательство въ этомъ Совѣтѣ. Членами были: экзархъ, старикъ Фадѣевъ и я, облеченный въ то же время обязанностями управлять дѣлами Общества. Ясно было, что князь желалъ вести дѣло со мною, по-прежнему; остальное составляло одну декорацію. При моихъ прямыхъ обязанностяхъ дѣла Общества были бы для меня страшнымъ обремененіемъ, если бы я не позаботился тотчасъ пріобрѣсти собственно для этихъ дѣлъ надежнаго и нѣкоторымъ образомъ спеціальнаго помощника, такъ какъ они имѣли значительною частію священный или духовный характеръ. Въ этомъ отношеніи я былъ особенно счастливъ. Надо замѣтить, что до учрежденія Общества въ Тифлисѣ существовала уже, въ исключительномъ завѣдываніи экзарха, такъ называемая Осетинская коммиссія, о которой я почти не имѣлъ никакого понятія. Когда дѣла Общества были возложены на мою отвѣтственность, явилась необходимость, именно по духовному характеру этихъ дѣлъ, въ частныхъ сношеніяхъ и совѣщаніяхъ моихъ съ экзархомъ. Оба экзарха Грузіи, съ которыми я былъ знакомъ въ Тифлисѣ, бывшій Исидоръ, потомъ митрополитъ кіевскій, а потомъ митрополитъ с.-петербургскій, и заступившій его мѣсто Евсевій, бывшій, кажется, до того времени подольскимъ архіепископомъ, по убѣжденію моему, принадлежали къ золотой посредственности. Разница была въ томъ только, что Исидоръ, человѣкъ, повидимому, крайне простой, умѣлъ какъ-то ладить съ намѣстниками, какъ Воронцовымъ, такъ и Барятинскимъ, и безспорно только этому былъ обязанъ сначала возведеніемъ еще въ Тифлисѣ въ санъ митрополита, а затѣмъ занятіемъ высшихъ духовныхъ степеней въ государствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что готовность и искусство сего мужа ѣздить верхомъ съ княземъ Воронцовымъ въ его обычныхъ и продолжительныхъ прогулкахъ имѣли здѣсь не малое значеніе. Между тѣмъ красивый, полный, съ великолѣпнымъ теноромъ, Евсевій былъ положительно противенъ князю Александру Ивановичу, который не находилъ даже нужнымъ скрывать своихъ ощущеній и постоянно отзывался о немъ неблагосклонно. Здѣсь также не малое значеніе имѣли козни Ба—мея, который, будучи потомъ введенъ княземъ въ составъ Совѣта Общества, по своему неизмѣнному обычаю, считалъ долгомъ перессорить князя со всѣми.

Такимъ образомъ, при одномъ изъ моихъ совѣщаній съ экзархомъ

Евсевіемъ, когда представилась надобность въ ближайшемъ разъясненіи какого-то вопроса, онъ приказалъ позвать нѣкоего господина. Явилась личность, поразившая меня прежде всего красотою туземнаго характера. Прекрасные глаза съ умнымъ, какимъ-то задумчивымъ выраженіемъ, вьющіеся волоса, стройный станъ дѣлали изъ него положительнаго красавца. Но болѣе всего располагала въ его пользу та сдержанность, милая скромность, которая отличала всю его фигуру. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня замѣчательною внѣшностью этого господина, приняло громадные размѣры, когда я услышалъ требуемое отъ него экзархомъ объясненіе, каждое слово котораго было полно ума и самаго точнаго знанія дѣла. Смотря на него и слушая его, я видѣлъ, что Богъ посылаетъ мнѣ истинный кладъ въ этомъ человѣкѣ. Когда онъ ушелъ, я спросилъ только, кто это? Экзархъ отвѣчалъ: дѣлопроизводитель Осетинской коммиссіи.

Возвратясь въ свой департаментъ (въ это время, между прочимъ, я былъ и директоромъ департамента общихъ дѣлъ, гдѣ и находился мой рабочій кабинетъ), я тотчасъ распорядился пригласить ко мнѣ этого господина на другой день, въ назначенный часъ. Оказалось, что это уроженецъ Имеретіи, Пурцеладзе, отлично кончившій курсъ сначала въ Тифлисской семинаріи, а потомъ въ С.-Петербургской духовной академіи; что въ настоящее время онъ состоитъ профессоромъ семинаріи и въ то же время дѣлопроизводителемъ Осетинской коммиссіи, что всѣ подробности вопроса о первоначальномъ развитіи христіанства на Кавказѣ, о паденіи его и о способахъ къ возстановленію его тамъ, гдѣ оно существовало, ему извѣстны, какъ свои пять пальцевъ, на томъ основаніи, что Осетинская коммиссія имѣетъ совершенно тѣ же цѣли, для которыхъ учреждено Общество, но мало заботится о достиженіи ихъ, ограничиваясь образованіемъ изъ ежегодно отпускаемыхъ ей казною значительныхъ суммъ (цыфры уже не помню) капитала, который и теперь уже достигъ большаго размѣра (цыфры тоже не помню).

При разсужденіяхъ о задачѣ, предлежащей Обществу, Пурцеладзе выказалъ удивительныя практическія знанія въ томъ, гдѣ и что сдѣлано, какъ принялось и что нужно сдѣлать; разсказывалъ, въ какомъ аулѣ въ какомъ положеніи церкви; гдѣ и съ какимъ успѣхомъ существуютъ учрежденныя школы; кто изъ миссіонеровъ нашихъ хорошъ и кто не надеженъ; изображалъ ихъ затруднительное матеріальное положеніе, способы къ улучшенію ихъ быта и къ утвержденію ихъ вліянія на народъ. Словомъ, если бы стали, какъ говорится, со свѣчею искать человѣка, наиболѣе пригоднаго для дѣлъ нашего Общества, лучше Пурцеладзе найти было невозможно.

Слушая его, я тотчасъ рѣшилъ завладѣть самымъ Пурцеладзе, а

кстати и деньгами Осетинской коммиссіи, разрушивъ самое ея существованіе, какъ уже не совмѣстное съ существованіемъ нашего Общества. Соотвѣтственно тому, я сдѣлалъ выгодное предложеніе Пурцеладзе при переходѣ его въ мою команду и, получивъ его согласіе, представилъ на другой же день свои предположенія князю Александру Ивановичу, который вполнѣ и одобрилъ ихъ. Пріобрѣтя, въ лицѣ Пурцеладзе, такого драгоцѣннаго помощника, я живо повелъ дѣло Общества и сознавалъ въ себѣ дѣйствительно, въ отношеніи этого дѣла, значительную силу, которой никто у меня не оспаривалъ, потому что мои сочлены были слабоваты и рады, что я не привлекалъ ихъ къ личной съ ихъ стороны дѣятельности, а князь Александръ Ивановичъ, какъ и всегда, облекалъ меня полнѣйшимъ довѣріемъ.

Занятія Совѣта располагались такимъ образомъ: я обрабатывалъ различные вопросы, стоящіе на очереди, заготовлялъ относящіяся къ нимъ бумаги, потомъ составлялъ реестръ или программу этихъ вопросовъ и представлялъ ее, съ принадлежащими къ ней бумагами, князю, который, разсмотрѣвъ все это, назначалъ день и часъ для засѣданія Совѣта. Въ назначенное время члены Совѣта собирались въ комнатахъ князя и слушали то, что я имъ читалъ и предлагалъ. Совѣтъ, выслушавъ все, что было ему предъявлено, расходился; программа засѣданія обращалась въ журналъ, и на основаніи этого журнала составлялось донесеніе императрицѣ.

Первое время нашихъ дѣйствій, естественно, должно было посвятить преимущественно различнымъ вопросамъ по внутреннему устройству и образованію Общества. Въ ряду этихъ вопросовъ—вопросъ о рисункѣ крестовъ для членовъ Общества и о цвѣтѣ ленты, на какой эти кресты должны быть носимы—занималъ не послѣднее мѣсто. Рисунки крестовъ изготовлены были у насъ въ Тифлисѣ подъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ самого князя. Основаніе этого рисунка—крестъ изъ виноградной лозы, съ которымъ Св. Нина проповѣдывала Евангеліе въ Грузіи, обвитый ея волосами. Избраніе цвѣта ленты предоставлено было августѣйшей покровительницѣ, и выборъ ея величества палъ на модный въ то время цвѣтъ: groselle des Alpes.

Императрица, съ первыхъ дней существованія Общества, стала принимать въ немъ самое живѣйшее участіе и дѣлать всевозможное съ своей стороны, чтобы дать ему прочное существованіе Она подарила Обществу свой собственный капиталъ болѣе ста тысячъ руб. и высылала нѣсколько разъ богатыя церковныя вещи для Закавказскихъ горскихъ церквей. Энергія ея величества достойна была истинной христіанки и простиралась до такой степени, что она скоро начала находить наши мѣстныя дѣйствія довольно слабыми и медленными. Отзывы ея величества въ этомъ отношеніи стали доходить разными путями до насъ

и не лишены были нѣкоторой справедливости. И, дѣйствительно, князь Александръ Ивановичъ, неспособный, какъ я много разъ уже выше замѣчалъ, къ продолжительному и упорному труду, въ то же время осаждаемый постоянно недугами, значительно самъ тормозилъ это дѣло, хотя никакое другое изъ гражданскихъ дѣлъ не пользовалось съ его стороны такимъ, какъ оно, вниманіемъ. Князь какъ-будто считалъ свои личныя обязанности совершенно исполненными, побѣдивъ своихъ петербургскихъ враговъ и достигнувъ утвержденія устава, возбуждавшаго такую могущественную оппозицію, и полагалъ, что все остальное должно было сдѣлаться само собою или другими уже подчиненными ему людьми.

Взглядъ этотъ не былъ бы лишенъ основанія, если бы князь не вздумалъ удержать за собою личнаго предсѣдательства въ Совѣтѣ и первоначальнаго руководства дѣйствіями Общества, для чего требовалась нѣкоторая дѣловая стойкость, которой не оказывалось. Отъ этого происходило то, что, представивъ ему программу засѣданія Совѣта, я долженъ былъ напоминать о ней князю нѣсколько разъ потомъ. При подобныхъ напоминаніяхъ, князь всегда говорилъ: «хорошо, хорошо! не сердитесь! сегодня непремѣнно просмотрю!» и опять забывалъ. Понятно, что дѣла не могли идти быстро, хотя я съ своей стороны посвящалъ имъ обычную свою энергію, хорошо зная, что они лежатъ на моей преимущественно отвѣтственности и что сама императрица живо интересуется ими.

Въ уставѣ Общества опредѣлены уже были главныя черты его дѣятельности: постройка церквей, учрежденіе школъ, отправленіе миссіонеровъ и т. п. Слѣдуя этому уставу, я поручилъ опытному Пурцеладзе разработать эти предметы отдѣльно и по каждому изъ нихъ составить подробный планъ: что, когда и какъ должно сдѣлать Общество? Съ глубокимъ сознаніемъ могу сказать, что это была самая солидная, самая капитальная работа по Обществу, за время управленія моего дѣлами его. Но—удивительная вещь!—именно эта работа не только не была оцѣнена по достоинству, но принята даже неблагосклонно, вслѣдствіе интригъ.

Однажды князь Александръ Ивановичъ говоритъ мнѣ: «какъ вы думаете, не взять-ли намъ въ Совѣтъ Ба—мея? Вы вѣдь знаете, что это ученый мужъ, археологъ, нумизматъ! Быть можетъ, онъ будетъ намъ полезенъ?» Что было отвѣчать на это? Въ этотъ моментъ я зналъ Ба—мея только, какъ человѣка, весьма вѣжливаго, предупредительнаго и дѣйствительно образованнаго. Нѣкоторыя его свойства сдѣлались мнѣ уже потомъ извѣстными, частію по словамъ самого князя, частію по общимъ отзывамъ, а главное по собственному опыту, именно при общемъ нашемъ участіи въ дѣлахъ Общества. Кромѣ того ясно было,

что въ самыхъ этихъ вопросахъ князя заключалось собственное его предрѣшеніе, противъ котораго идти было невозможно, хотя бы я имѣлъ на то самыя уважительныя причины. Поэтому и я сказалъ, что участіе такого спеціальнаго человѣка въ Обществѣ дѣйствительно будетъ полезно. На этомъ основаніи Ба—мей и сдѣланъ былъ членомъ Совѣта.

Трудно изобразить ту предупредительность, которою онъ окружалъ меня, и которая, своею утонченностью, ставила меня въ затрудненіе. Онъ утверждалъ, что только желаетъ быть моимъ подчиненнымъ и помогать мнѣ, если я найду его къ тому достойнымъ; и, дѣйствительно, на первыхъ порахъ, держалъ себя совершенно согласно этому заявленію. Введенный мною въ глубину дѣлъ, онъ, при свиданіяхъ съ княземъ, говорилъ уже съ нимъ о дѣлахъ Общества, какъ знатокъ, и тѣмъ самымъ произвелъ на него впечатлѣніе. Затѣмъ ему оставалось, по его обычаю, разстроить другихъ съ княземъ и выступить самому, какъ сильному дѣятелю. Однажды онъ, въ самыхъ почтительныхъ впрочемъ выраженіяхъ, передалъ мнѣ, что онъ представилъ князю какую-то мысль, что князю она понравилась, но что онъ приказалъ ему переговорить о ней со мной. Это было именно въ то время, когда я готовилъ тѣ капитальныя работы, о которыхъ говорилъ выше, которыми разсчитывалъ прославиться, и которыя, по глубокому моему убѣжденію, должны были составить самое вѣрное и прочное основаніе всѣмъ дѣйствіямъ Общества. Мысль, которую передавалъ мнѣ Ба—мей, кромѣ того, что была на мои глаза совершенно не практична, но шла рѣшительно въ перерѣзъ тому плану, который я уже составилъ, и тѣмъ обширнымъ работамъ, которыя изготовлялись. Я живо выразилъ ему полнѣйшее мое несочувствіе къ этой мысли, онъ началъ развивать и подкрѣплять ее, а я опровергать его доводы, такъ что у насъ образовалось довольно оживленное преніе, среди котораго, подъ вліяніемъ моего нѣсколько заносчиваго характера, я объявилъ ему положительно, что «если онъ съ княземъ, среди моихъ обдуманныхъ и систематическихъ работъ, будетъ путать меня сообщеніемъ различныхъ своихъ мыслей и проектовъ, то онъ собьетъ меня съ толку».

Этихъ неосторожныхъ словъ было слишкомъ достаточно для такого ловкаго человѣка. Въ сношеніяхъ съ княземъ я тотчасъ замѣтилъ, что они, дополненныя и пріукрашенныя, дошли уже до него и значительно воздѣйствовали на его гордость и самостоятельность. Кромѣ того видно было, что Ба—мей, ужъ непонятно какими путями, средствами и доводами—успѣлъ убѣдить князя, что я въ союзѣ съ экзархомъ и нахожусь подъ его вліяніемъ и что Пурцеладзе не что иное, какъ агентъ экзарха, введенный имъ въ Общество именно для проведенія и поддержанія его видовъ. Отсюда еще большее нерасположеніе къ экзарху, ко-

торый, по правдѣ сказать, при своей посредственности, не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ особенныхъ видовъ; отсюда предубѣжденіе противу неповиннаго Пурцеладзе; отсюда, наконецъ, значительное, хотя временное, охлажденіе ко мнѣ по дѣламъ Общества. При всѣхъ этихъ условіяхъ тѣ обширные, капитальные планы, которые представлены мною по каждому роду дѣятельности Общества, какъ я сказалъ уже, не нашли должной оцѣнки, такъ какъ князь видѣлъ уже въ нихъ идеи экзарха, который, хотя рѣшительно не зналъ ничего, что здѣсь мною разсказано, тѣмъ не менѣе, какъ-то инстинктивно, возненавидѣлъ и съ своей стороны Ба—мея.

Такимъ образомъ, хотя главнымъ центромъ дѣятельности Общества все-таки оставался я, но уже значительно охлажденный къ нему этимъ столкновеніемъ. Впрочемъ, это продолжалось не долго. Князь, осаждаемый болѣе и болѣе недугами, собирался уѣхать изъ Тифлиса; въ то же время и я предполагалъ удалиться оттуда подъ видомъ семейныхъ обстоятельствъ. При этомъ общемъ нашемъ предположеніи князь совѣтовался со мною: какимъ образомъ лучше распредѣлить многія мои должности и, между прочимъ, должность управляющаго дѣлами Общества. Я энергически доказывалъ, что для этого лучше Ба—я и вообразить ничего нельзя, тѣмъ болѣе, что кромѣ его и на самомъ дѣлѣ некому было поручить эту должность. За нимъ она и осталась.

Во время двухлѣтняго отсутствія своего изъ Тифлиса, князь два раза появлялся въ Петербургѣ: въ первый разъ, въ 1861 г., изъ Дрездена, куда и я былъ вытребованъ, но тогда князя занимало преимущественно мингрельское дѣло, о которомъ частію уже я разсказывалъ, а потомъ участіе въ разныхъ политическихъ вопросахъ, участіе, какъ оказалось, не совсѣмъ удачное, какъ въ видахъ государственныхъ, такъ и для него собственно. Общество возстановленія христіанства на Кавказѣ, со всѣми его интересами, было совершенно забыто; по крайней мѣрѣ я не помню ни дѣлъ, ни разговоровъ въ этотъ моментъ, сюда относящихся. Не то совсѣмъ было во второй его пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1862 году. Съ видимымъ и непонятнымъ для всѣхъ окружающихъ князя охлажденіемъ ко всѣмъ кавказскимъ дѣламъ, онъ чрезвычайно сильно занимался именно дѣлами Общества.

Главною его заботою было упрочить и для того обогатить Общество, и въ этомъ отношеніи княземъ, дѣйствительно, сдѣлано весьма много. Я говорилъ уже, что у Общества былъ уже значительный капиталъ, подаренный императрицею; потомъ мы успѣли, упразднивъ существованіе Осетинской коммиссіи, завладѣть запаснымъ ея, довольно значительнымъ, капиталомъ и ежегодною суммою, изъ казны на эту коммиссію отпускаемою; точно также мы, еще въ бытность въ Тифлисѣ, завоевали значительную часть той ежегодной суммы, какая соста-

вилась отъ возвышенія платежей за ордена. Остальную часть этой суммы, которую хотѣли обратить куда-то въ другую сторону, князь присвоилъ тоже Обществу именно въ этотъ пріѣздъ. Кромѣ того князь выпросилъ у государя въ собственность Обществу 100/т. десятинъ земли изъ свободныхъ земель Кавказскаго и Закавказскаго края.

Князь любилъ высчитывать со мною богатство и будущіе доходы Общества. Самою громадною частію этихъ доходовъ считались взносы членовъ Общества. Но осуществленію этихъ доходовъ препятствовали въ этотъ моментъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, хотя кучи крестовъ для раздачи членамъ Общества были уже заготовлены при содѣйствіи секретаря императрицы, Морица, но дипломы не только не были готовы, но даже и не сочинялись. Дѣло это было предоставлено искусству вице-президента Императорской академіи художествъ, стараго кавказца, князя Гагарина, и хотя его постоянно осаждали, съ одной стороны, письменныя напоминанія изъ Тифлиса, а съ другой личныя настоянія того же Морица, однако же князь, какъ подобаетъ истинному артисту, оставался къ тѣмъ и другимъ совершенно равнодушнымъ и только, вслѣдствіе моихъ энергическихъ представленій, будучи вызванъ лично княземъ Барятинскимъ, обѣщалъ ему заняться изготовленіемъ дипломовъ; во-вторыхъ, почти въ одно время съ утвержденіемъ Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, началось переселеніе туземныхъ мусульманъ въ Турцію, и хотя переселеніе это возникло изъ причинъ, почти не имѣющихъ ничего общаго съ учрежденіемъ Общества, тѣмъ не менѣе, при тогдашнемъ настроеніи кавказкаго мусульманства, признано было полезнымъ пріостановить на нѣкоторое время раздачу крестовъ, дабы, какъ говорится, «не подлить масла въ огонь»; во время пріѣзда князя въ Петербургъ, причины эти если не совершенно уничтожились, то значительно ослабли, такъ что раздача крестовъ могла бы начаться, если бы не остановка за дипломами; въ третьихъ, и это едва-ли не главное, при самомъ учрежденіи Общества и изданіи въ свѣтъ извѣстнаго воззванія къ христолюбивой публикѣ, дѣйствительно общественное вниманіе было значительно возбуждено къ этому учрежденію, и желающихъ принадлежать къ нему и получать извѣстные кресты явилось значительное число; но почти двухлѣтнее молчаніе Общества и отсутствіе столь ожидаемыхъ крестовъ въ публикѣ—имѣло естественнымъ послѣдствіемъ почти совершенное исчезновеніе прежняго общественнаго вниманія къ дѣлу. Объ Обществѣ почти совсѣмъ забыли.

Вотъ тутъ-то именно и развернулись сложныя и немножко затѣйливыя комбинаціи князя. Онъ находилъ необходимымъ появленіе въ нашей прессѣ нѣкоторыхъ нападокъ на бездѣйствіе Общества, и потомъ, какъ бы вызванныхъ этими нападками, сильныхъ статей, кото-

рыя должны были, пользуясь присланнымъ князю, именно въ это время, отчетомъ Общества, развернуть блистательнымъ образомъ разумную дѣятельность его и тѣмъ самымъ, т. е. этой искусственной журнальной битвой, привлечь снова сочувствіе народа къ Обществу. Для исполненія этихъ сокровенныхъ замысловъ, князь пригласилъ Головнина, въ то время министра народнаго просвѣщенія, который охотно пошелъ въ заговорщики и часто пріѣзжалъ къ князю въ Царское Село. Ужъ не знаю, въ слѣдствіе-ли этого плана или независимо отъ него, дѣйствительно въ какой-то газетѣ было напечатано что-то въ томъ родѣ, что объ Обществѣ ничего не слышно. Очевидно, что такой пріемъ вовсе не соотвѣтствовалъ идеямъ князя, и потому онъ просилъ Головнина изготовить что-нибудь болѣе солидное и серьезное. Головнинъ и изготовилъ!!.

Когда, однажды, по требованію князя, я вошелъ къ нему въ кабинетъ, князь схватилъ со стола какія-то бумаги и, подавая ихъ мнѣ, голосомъ, въ которомъ замѣтно смѣшивались чувства какой-то горечи и досады, сказалъ мнѣ: «Посмотрите! какъ хорошо понялъ меня Головнинъ!». Это были корректурные листы изготовленной по желанію князя статьи, присланные къ нему на предварительный просмотръ при самомъ любезнѣйшемъ письмѣ Головнина. Пробѣгая коротенькія строки этой корректуры, я глазамъ своимъ не вѣрилъ... Существенная задача князя состояла въ томъ: надо выстрѣлить въ Общество изъ пистолета для того, чтобы оно могло отвѣчать пушками. Князь былъ чрезвычайно доволенъ этимъ уподобленіемъ, когда, въ пространныхъ нашихъ объясненіяхъ я именно этими словами опредѣлялъ его задачу. Трудно было не понять ее, особенно такому умницѣ, какимъ слылъ Головнинъ или какимъ по крайней мѣрѣ долженъ быть министръ народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ въ статьѣ его приводились такія злѣйшія нападки не только на дѣятельность Общества, но на самыя основанія его учрежденія, какія только могли быть созданы совокупными стараніями пятидесяти самыхъ закоренѣлыхъ враговъ князя. Такъ, напр., въ ней говорилось, что въ исторіи не было примѣра, чтобы подобныя общества находились подъ руководствомъ не высшаго какого-нибудь духовнаго сановника, а военнаго человѣка; что князь Барятинскій, быть можетъ, отличный полководецъ, но ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ компетентенъ въ дѣлѣ распространенія христіанства; что неограниченное командованіе имъ цѣлымъ Обществомъ составляетъ также явленіе необычайное, ибо Совѣтъ, составленный изъ лицъ, не избранныхъ цѣлымъ Обществомъ, а имъ назначенныхъ и ему подчиненныхъ, составляетъ пустую декорацію и т. п.

Я не знаю, какъ самъ князь, говоря, что Головнинъ его не понялъ, въ душѣ смотрѣлъ на эту продѣлку, но я лично смотрѣлъ на нее, какъ

на насмѣшку надъ самимъ княземъ. Результатомъ нашего объясненія съ княземъ было то, что мнѣ поручено было написать изложеніе, во-первыхъ того, какъ неудобна эта статья, полная такихъ сильныхъ нападокъ на Общество и на князя, противу которыхъ защищаться и трудно, и не прилично, во-вторыхъ, того, въ чемъ именно состоитъ настоящая идея князя, въ третьихъ, того, что сдѣлано Обществомъ со времени его учрежденія.

Вопросъ о томъ, что сдѣлано Обществомъ, былъ значительно затемненъ самимъ Головнинымъ, ибо именно онъ преимущественно своими восторженными похвалами тому, что сдѣлано, положилъ основаніе сложному плану князя. Дѣло въ томъ, что еще до учрежденія Общества извѣстный нашъ кавказскій ученый генералъ Усларъ давно уже посвятилъ себя изученію различныхъ туземныхъ нарѣчій, не имѣвшихъ письменнаго языка, и составленію для нихъ словарей. Потому-ли, что Б—ей считалъ и себя знатокомъ этого же дѣла, или потому, что онъ не могъ видѣть спокойно никакого успѣха, кѣмъ бы то ни было и въ чемъ бы то ни было достигаемаго, только онъ постоянно врывался въ области ученыхъ и добросовѣстныхъ занятій Услара, и на этомъ поприщѣ происходили у нихъ ожесточенныя стычки, памятныя всему Тифлису. Вступивъ въ составъ Совѣта Общества, сдѣлавшись управляющимъ дѣлами его, и, главное, получивъ въ команду такого образованнаго, добросовѣстнаго и скромнаго господина, какъ Пурцеладзе, Ба—ей предпринялъ подставить, подъ прикрытіемъ оффиціальнаго плана, ногу Услару и на казенныя деньги сдѣлать то, чего тотъ достигалъ упорно и медленно, исключительно собственными трудами и средствами. Въ этихъ видахъ онъ нашелъ необходимымъ образовать письменный языкъ для тѣхъ племенъ, среди которыхъ должно распространяться христіанство, и для того составить словари нарѣчіямъ, у нихъ существующимъ. Сообразно этому посланы были чиновники для отысканія по краю людей, способныхъ для этого дѣла, т. е. знающихъ туземныя нарѣчія и въ то же время русскій языкъ грамматически. Потомъ эти отысканные знатоки вызваны были въ Тифлисъ, обезпечены значительнымъ содержаніемъ и, образовавъ особую коммиссію, должны были заняться осуществленіемъ задачи и въ то же время переводомъ на туземные языки различныхъ священныхъ книгъ.

Я уже, конечно, не могу припомнить положительно, что именно сдѣлано этою коммисіею; помню только, что въ отчетѣ Общества, присланномъ сюда князю и составленномъ, разумѣется, если не самимъ Ба—емъ, то подъ ближайшимъ его руководствомъ и наблюденіемъ, эта сторона дѣятельности Общества озарена блистательнымъ свѣтомъ и этотъ свѣтъ, казалось, ослѣпилъ Головнина, дѣйствительно или ложно,— это опять другой вопросъ. По словамъ его, это дѣло государственной

25218

важности, дѣло всеобщей цивилизаціи, дѣло, касающееся самого сердца министерства народнаго просвѣщенія, которое одною изъ священныхъ своихъ обязанностей должно считать: сочувствовать, содѣйствовать цивилизующей дѣятельности Общества. Положительно не знаю, но думаю, что именно въ этихъ восторгахъ зародилась у князя мысль сдѣлать Головнина своимъ соучастникомъ и сотрудникомъ въ предпринятомъ ослѣпленіи публики.

Но пока мы возились съ этимъ коварнымъ сотрудникомъ, который притворился непонимающимъ задачи и собирался въ своей ложной наивности печатать такія статьи, которыя, если бы и не убили наповалъ, то неизбѣжно нанесли бы тягчайшія раны не только Обществу, но и самому князю, произошелъ нѣкоторый скандалъ собственно по вопросу: что сдѣлано Обществомъ? Слѣдилъ-ли Усларъ за своимъ врагомъ, или сама судьба такъ распорядилась, только, вслѣдъ за полученіемъ отъ Ба—ея отчета по Обществу, въ которомъ онъ изображалъ, надо замѣтить, широкими только чертами, подвиги по составленію словарей для туземныхъ нарѣчій, Усларъ прислалъ въ военное министерство Д. А. Милютину самые эти словари, имъ уже составленные, а Милютинымъ переданные князю. Явился вопросъ: кто же составлялъ эти достославные словари: Ба—ей-ли, именемъ Общества, или Усларъ? Но вопросъ этотъ нисколько не затруднялъ прозорливаго князя, слишкомъ хорошо знакомаго съ личностями Ба—ея и Услара. Я, кажется, говорилъ уже выше, что вся невыгода въ этомъ вопросѣ осталась на сторонѣ Ба—ея. «Я очень хорошо понимаю все это»,—воскликалъ князь. «Это все дѣла Ба—ея. Боже мой! что за человѣкъ! всегда и всюду интригуетъ!» Я замѣтилъ князю, что полезно было бы и Услара сдѣлать также членомъ Совѣта Общества, «тогда»,—прибавилъ я, «предъ лицомъ вашимъ они не осмѣлятся враждовать и интриговать, а оба соединятъ свои знанія и усилія, чтобы исполнить такое важное дѣло».

— По возвращеніи нашемъ надо что-нибудь сдѣлать—какъ-то задумчиво отвѣчалъ князь,—вѣроятно, придется пожертвовать Б а—емъ.

Въ моемъ же сочиненіи, изготовляемомъ для Головнина, вопросъ этотъ объясненъ такимъ образомъ, что дѣло по составленію словарей совершилось въ Обществѣ при дѣятельномъ участіи Услара. Это хотя и не совсѣмъ было вѣрно съ дѣйствительностью, но хоть сколько-нибудь сглаживало ужасающія противорѣчія. Тетрадь, мною написанная, поступила къ Головнину. Чтобъ не прерывать рѣчи, я долженъ тутъ же сказать, что она поставила меня въ личныя отношенія къ Головнину. Ужъ не помню, какъ это случилось, только дальнѣйшіе переговоры между нимъ и княземъ какъ-то пріостановились и возобновились только тогда, когда мы, передъ самымъ отправленіемъ на Кавказъ, переѣхали изъ Царскаго Села въ Зимній петербургскій дворецъ. Именно въ это время Головнинъ опять сталъ ѣздить къ князю, и я былъ призванъ

принять участіе въ ихъ совѣщаніяхъ. Головнинъ, какъ водится, объявилъ, что ему очень пріятно со мною познакомиться; составленную мною тетрадь называлъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, изъ котораго только онъ и могъ уразумѣть сущность дѣла, а въ заключеніе просилъ меня пріѣхать къ нему, для дальнѣйшихъ объясненій и совѣщаній. Я отвѣчалъ, что радъ буду всегда явиться къ нему, когда онъ только назначитъ; но что это будетъ для него совершенно потерянное время, потому, что у меня никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ помѣщенныхъ въ тетради, рѣшительно нѣтъ и что если ему угодно глубже войти въ дѣло, то отличные для этого матеріалы онъ всегда можетъ получить, во-первыхъ, отъ г. Буткова, такъ какъ въ дѣлахъ Кавказскаго комитета заключается вся исторія образованія Общества, а во-вторыхъ, отъ г. Морица, у котораго хранятся всѣ донесенія Общества императрицѣ, изображающія дѣятельность Общества.

Головнинъ совершенно удовлетворился указаніемъ этихъ богатыхъ источниковъ и развилъ ту мысль, что въ замѣнъ печатанія различныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ, по его мнѣнію, было бы лучше и полезнѣе напечатать одну общую статью объ Обществѣ въ Академическомъ календарѣ, который расходится въ 40 т. экземпляровъ. Эта мѣра, по убѣжденію Головнина, разомъ ознакомитъ огромную массу публики съ дѣломъ Общества, чего нельзя достигнуть, при посредствѣ періодическихъ изданій, не имѣющихъ такого громаднаго количества подписчиковъ, и въ то же время избавитъ Общество отъ значительныхъ расходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Головнинъ изъявилъ готовность постоянно печатать въ календаряхъ отчеты Общества, если только они будутъ доставляться заблаговременно. Князь, вѣроятно, разсчитывая, что если въ его присутствіи и при его вліяніи вопросъ о статьяхъ противъ Общества, а потомъ въ пользу Общества, такъ дурно принялся, то въ его отсутствіи онъ можетъ совершенно запутаться, вынужденъ былъ согласиться съ предложеніемъ Головнина, послѣдствіемъ котораго было дѣйствительно появленіе въ Академическомъ календарѣ 1862 г. обширной и хорошей статьи объ Обществѣ. Затѣмъ, дальнѣйшая судьба печатанія отчетовъ Общества, какъ говорится, остается уже для меня покрытою мракомъ неизвѣстности, такъ какъ, вслѣдъ затѣмъ, отношенія князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мои отношенія къ Кавказу совершенно измѣнились.

Задумалъ-ли самъ князь это измѣненіе, или сама судьба предупредила и исполнила его,—вопросъ трудный, хотя въ свое время я посвящу ему много страницъ моего слабаго произведенія. Здѣсь же достаточно сказать, что если было много данныхъ, наклоняющихъ рѣшеніе этого вопроса въ одну сторону, то было также много данныхъ, притягивающихъ это рѣшеніе въ противоположную сторону. Ясно было только одно, что князь желалъ упрочить и укрѣпить Общество всевозможными средствами.

*

Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Петербургъ, князь сначала жилъ въ Царскомъ Селѣ; потомъ, въ обычное время, вмѣстѣ съ дворомъ, переѣхалъ въ Гатчино, куда, по приказаніямъ его, я долженъ былъ довольно часто являться. Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ, я долженъ былъ довольно долго дожидаться князя, который, какъ мнѣ сказали, былъ у государя съ докладомъ. Когда князь возвратился, то тотчасъ потребовалъ меня. Привыкнувъ на лицѣ его читать внутреннее его состояніе, я тотчасъ замѣтилъ, что состояніе это не нормально. Въ подобныхъ случаяхъ князь всегда начиналъ говорить съ какимъ-то меланхолическимъ оттѣнкомъ, какъ будто ему особенно нужно было сочувствіе преданнаго человѣка. На столѣ лежали принесенныя имъ отъ государя бумаги, тутъ же находились нѣсколько звѣздъ и лентъ, значеніе которыхъ, конечно, я не могъ понять. Князь, по обычаю, началъ какимъ-то общимъ разговоромъ о ходѣ дѣлъ, о составѣ высшаго управленія; въ словахъ его замѣтно было чувство какого-то недовольства. Сужденія его, какъ и всегда, исполнены были величайшей мудрости, и въ моемъ истинномъ, глубокомъ благоговѣніи предъ его великими государственными воззрѣніями я замѣтилъ князю: какъ было бы хорошо, если бы эти воззрѣнія были приняты въ руководство нашимъ высшимъ правительствомъ. «Что вы говорите?»—какъ-то грустно воскликнулъ князь,—вѣдь я же сижу въ Совѣтѣ министровъ, по желанію государя. Я по лицамъ ихъ вижу, что я не могу одолѣть ихъ, что они въ грошъ меня не ставятъ. Да вѣдь печатаютъ же, что изъ всѣхъ нашихъ бездарностей самый бездарный—фельдмаршалъ». Я сталъ было доказывать, что князю необходимо одолѣть свое недовѣріе къ собственнымъ силамъ, что клевета, напечатанная въ какомъ-нибудь «Колоколѣ», ругающемъ всѣхъ наповалъ, не можетъ имѣть никакого значенія; что на самыхъ высокихъ государственныхъ людей Англіи и Франціи постоянно сыпятся всевозможныя нападки и т. п.; но все это не имѣло успѣха и вовсе не дѣйствовало на князя. Какъ бы слѣдуя исключительно направленію собственныхъ своихъ мыслей, онъ продолжалъ:

— Милютинъ говоритъ, что даже нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они не признаютъ во мнѣ ничего. Вы совсѣмъ другаго круга, говоритъ онъ, и никогда къ нимъ не принадлежали; поэтому естественно, что они не признаютъ въ васъ значенія. Я, напротивъ, изъ ихъ же толпы; несмотря на это, они и на меня также постоянно нападаютъ и точно также не признаютъ и во мнѣ никакого значенія.

Передавая эти слова князя, въ возможной точности, я и тогда не понималъ объясненія Милютина, которое князь приводилъ; точно также не понимаю и теперь. Кто эти «они», которые на него нападаютъ и не признаютъ въ немъ никакого значенія? Весьма естественно, что у него могли происходить, какъ у министра, какія-нибудь дѣловыя ошибки съ своими товарищами-министрами; но онѣ никакъ не могли быть

поставлены въ параллель съ тѣмъ общимъ непріязненнымъ настроеніемъ, которое князь видѣлъ во всемъ составѣ тогдашняго высшаго управленія по отношенію къ нему. Иногда маленькія черты объясняютъ многое. Точно также и теперь, для объясненія мрачнаго настроенія князя, я приведу маленькую черту изъ внѣшняго поведенія, такъ сказать, того же маленькаго Головнина. Въ предъидущіе пріѣзды князя въ Петербургѣ, доступъ къ нему не былъ простъ и легокъ для кого бы то ни было. Я видѣлъ и многіе видѣли, что не только какой-нибудь вновь испеченный министръ, члены императорской фамиліи, почтительно ожидали въ его пріемной. Тутъ же этотъ самый Головнинъ, въ сюртукѣ, въ какихъ-нибудь сѣрыхъ штанахъ, шелъ прямо въ кабинетъ князя, проходя въ шляпѣ почти чрезъ всю пріемную, гдѣ находилось постоянно много людей. Поведеніе этого господина вообще было такъ неприлично, что у насъ, окружающихъ князя, являлась мысль остановить его при входѣ въ пріемную, или при выходѣ оттуда и «заставить снять шляпу», но она не осуществилась въ отвращеніе скандала, который могъ не понравиться князю, чего мы болѣе всего боялись; между тѣмъ мы видѣли ясно, что поведеніе Головнина, чуждое простыхъ приличій, было явно преднамѣренно. Онъ видимо хотѣлъ показать самому князю и его приближеннымъ: «вотъ, дескать, ты фельдмаршалъ, намѣстникъ Кавказа, да еще другъ государя, а я этого знать не хочу и прихожу къ тебѣ въ сюртукѣ и сѣрыхъ штанахъ». Если таково было отношеніе къ князю и другихъ господъ, на всѣхъ другихъ точкахъ, то ясно, что оно не представляло ничего сходнаго съ отношеніями, въ которыхъ находился Д. А. Милютинъ, и слова его, переданныя мнѣ княземъ, вѣроятно, были сказаны имъ, какъ нѣкое утѣшеніе, не совсѣмъ удачно приведенное.

Такое оппозиціонное настроеніе этихъ господъ, безспорно, непріятное само по себѣ для человѣка, вкусившаго уже сладость всеобщаго поклоненія, все-таки далеко было отъ того, чтобы тягаться съ силой, которую князь имѣлъ въ любви и довѣріи къ нему государя. Но кажется именно въ этотъ моментъ, въ моментъ гатчинскихъ моихъ объясненій съ княземъ, онъ замѣтилъ, что сила эта тоже начинаетъ немного колебаться. Среди этихъ объясненій, въ которыхъ князь жаловался, что онъ не можетъ «одолѣть» этихъ господъ, а я утверждалъ, что онъ непремѣнно одолѣетъ ихъ точно такъ же, какъ одолѣлъ оппозиціонныхъ представителей Кавказа, если только станетъ на твердую точку среди петербургскаго управленія, князь, вдругъ, внезапно подошелъ ко мнѣ и какъ-то таинственно сказалъ мнѣ: «знаете, что я вамъ скажу?» Послѣ минутной паузы онъ добавилъ: «Государь не утвердилъ моего доклада!» Видно было, что это обстоятельство, не привычное и не ожиданное для него, произвело на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Я молчалъ, съ одной стороны, не зная, въ чемъ государь не утвердилъ

доклада, а съ другой, не видя ничего поразительнаго въ томъ, что государь выразилъ свое мнѣніе и остался при немъ. Чрезъ нѣсколько секундъ князь продолжалъ: «Я просилъ государя учредить звѣзды для нашего Общества; государь не согласился!» Тутъ только я понялъ значеніе кучи звѣздъ и лентъ, которыя князь носилъ государю вмѣстѣ съ своимъ докладомъ. На мои собственно глаза бѣда была еще не велика. Я тотчасъ заявилъ князю ту мысль, что государь, безъ сомнѣнія, согласится на это впослѣдствіи, когда князь приведетъ Общество въ то блестящее положеніе, которое онъ ему предназначилъ; но по всему было замѣтно, что князь пораженъ былъ не тѣмъ, что учрежденіе звѣздъ не состоялось, а тѣмъ собственно, что государь не утвердилъ его доклада. Трудно утверждать, но предполагать можно, что мнительный и подозрительный князь провидѣлъ въ этомъ фактѣ нѣкоторую связь съ тою оппозиціею, которую онъ, по собственному его выраженію, читалъ на лицахъ министровъ.

Когда мы отправились изъ Петербурга и съ трудомъ добрались до Вильны, гдѣ и совершилась передача Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу, то и тамъ, несмотря на то, что князь былъ поглощенъ, можно сказать, сложными комбинаціями, которыя связаны были съ этимъ переворотомъ, онъ удѣлялъ значительную часть своихъ заботъ тому же Обществу. Князь Гагаринъ началъ намъ высылать туда проекты и рисунки дипломовъ и печати Общества. Мы передѣлывали эти проекты и пересылали ихъ князю Гагарину; завязалась довольно жаркая и сложная корреспонденція вслѣдствіе того, что князь Гагаринъ держался исключительно стороны художественной, а князь Александръ Ивановичъ—стороны своихъ видовъ и предположеній, что̀ представляло поводъ къ различнымъ недоумѣніямъ. Наконецъ, при самой передачѣ Кавказа великому князю, князь Александръ Ивановичъ выразилъ величайшую заботливость относительно будущности Общества.

Началъ онъ съ того, что, зная мою рѣшимость, по случаю этого переворота, не возвращаться уже на Кавказъ, онъ предпринялъ сломить это упорство. Какъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ князь и какъ дѣйствовалъ я, будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ и подробно; здѣсь же, придерживаясь собственно исторіи Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, я приведу только то, что сюда относится. Князь, послѣ общихъ разсужденій о томъ, что я, не ограничиваясь собственно семейными интересами, долженъ думать и объ интересахъ отечества,—сказалъ: «въ отношеніи различныхъ вашихъ должностей я нѣсколько безпокоюсь; ихъ можно замѣстить и другими лицами, но вы знаете, какъ много посвятили мы съ вами труда и заботъ устройству Общества. Это лучшій мой памятникъ на Кавказѣ, и вы были, можно сказать, единственнымъ моимъ сотрудникомъ. Вы только одни знаете мои виды и идеи, которыя я желалъ осуществить. Если я оставлю Кавказъ,

да и вы туда не вернетесь—все разрушится. Вы для меня должны туда возвратиться»... На мои доводы о затрудненіяхъ разнаго рода, препятствующихъ мнѣ продолжать службу на Кавказѣ, которую я и принялъ единственно по настояніямъ князя, князь сказалъ: «ну, поѣзжайте туда съ великимъ княземъ на время по крайней мѣрѣ, чтобы поддержать и установить прочно наши начала. Въ этомъ, надѣюсь, вы мнѣ не откажете»...

Трудно было бороться съ княземъ. Если личность его вообще подавляла всѣ другія личности, то на мою она имѣла особенно могущественное вліяніе. Я никогда и не умѣлъ и какъ-то не успѣвалъ высказывать предъ нимъ все, что бы хотѣлъ и что должно было. Такъ точно и тутъ. Хотя въ прошедшемъ уже были данныя, которыя ясно показали мнѣ, что обаятельный князь думаетъ исключительно о своихъ интересахъ, а о моихъ или вовсе не думаетъ, или думаетъ очень, очень мало, и хотя при этомъ сознаніи я имѣлъ твердую рѣшимость не поддаваться многорѣчивымъ убѣжденіямъ ѣхать на Кавказъ, чтобы подчинять тамъ себя совершенно новому начальству, которое меня не знало и котораго я не зналъ, тѣмъ не менѣе я не могъ устоять противу настояній князя и какъ-то смутно выразилъ согласіе вернуться на Кавказъ только на время. Надо замѣтить, что я уже, кажется, замѣтилъ выше, что между княземъ и моею женою шла постоянная борьба за мою личность: одинъ тянулъ меня постоянно на Кавказъ, а другая въ Петербургъ. Князь зналъ, что жена моя за это его ненавидитъ; она знала, что и онъ ее недолюбливалъ. Эта интересная борьба въ свое время выступитъ на сцену; здѣсь же достаточно сказать, что жена слѣдила съ живѣйшимъ интересомъ за совершающимся въ Вильнѣ переворотомъ и благодарила уже Бога, что, отзывая князя съ Кавказа, Онъ посылаетъ и намъ неизреченную милость и развязываетъ меня разомъ и съ княземъ, и съ Кавказомъ. Какъ я ни старался въ письмахъ къ ней смягчить результатъ нашихъ переговоровъ съ княземъ, указывая преимущественно на временный только характеръ новой поѣздки моей на Кавказъ и на совершенную невозможность дальнѣйшимъ моимъ упорствомъ разорвать окончательно и навсегда всѣ свои отношенія съ княземъ, отвѣтъ ея былъ исполненъ невообразимаго, по силѣ и энергіи, протеста. Дѣлать было однако нечего.

Къ величайшему счастію, у князя образовалась привычка читать всѣ письма, какія я получалъ въ этотъ періодъ изъ Петербурга. Съ одной стороны любопытство, что говорятъ тамъ о немъ, а съ другой праздность и скука, въ которой онъ преимущественно пребывалъ въ Вильнѣ, были вѣроятною тому причиною. Какъ-то однажды онъ спросилъ: «что вамъ пишутъ изъ Петербурга?» Я прочиталъ ему какой-то отрывокъ изъ какого-то письма. На другой день опять тотъ же вопросъ, и когда я отвѣчалъ, что есть письмо отъ жены, но мало инте-

ресное, князь сказалъ: «прочитайте, если можно». Я прочиталъ. Такъ какъ у меня съ женой въ это время шла самая жаркая переписка, то князь, привыкнувъ къ тѣмъ днямъ, въ которые я получалъ письма изъ Петербурга, самъ уже призывалъ меня и спрашивалъ: «есть письма?» Я отвѣчалъ, что есть, да читать нельзя. И, дѣйствительно, не зная вовсе этого порядка, жена нисколько не церемонилась въ отношеніи князя и высказывала многія горькія для него истины. «Ничего»,—отвѣчалъ князь,—«читайте! Я вѣдь знаю, что жена ваша ненавидитъ меня». И я читалъ. Когда во время чтенія наткнешься на слишкомъ уже сильныя фразы и постараешься какъ-нибудь перескочить черезъ нихъ, князь замѣчалъ это и капризно говорилъ: «Боже мой! да читайте все; что вы тамъ сочиняете?» Между прочимъ было одно письмо просто невозможное для чтенія князю, что̀ я и заявилъ ему на обычный его вопросъ. «Да прочитайте, прошу васъ; что вы нѣжничаете со мною, какъ съ барышней; развѣ вы меня не знаете!» Я долженъ былъ прочитать и это письмо.

Безошибочно можно сказать, что оно произвело на князя сильное впечатлѣніе и повернуло дѣло. На другой или на третій день, утромъ, онъ призываетъ меня къ себѣ: «ну, я вижу, что съ вами ничего не подѣлаешь. Жена совершенно завладѣла вами. Вы просто у ней подъ башмакомъ»,—шутливо началъ говорить князь,—«ну, оставайтесь, Богъ съ вами; давайте подумаемъ, какъ устроить Общество. Какъ вы полагаете, что если съ одной стороны Ба—ей, а съ другой Пурцеладзе, взятые вмѣстѣ»... Князь видимо затруднялся выразить свою мысль, и потому я прервалъ его словами: «Ваше сіятельство желаете знать, могутъ-ли Ба—ей и Пурцеладзе, взятые вмѣстѣ, замѣнить меня?» «Ну да! да!»—живо отвѣчалъ князь. «Не могутъ»—рѣшительно сказалъ я. «Ба—ей, при всей его учености, мало дѣловитъ, въ чемъ онъ и самъ сознается. Поэтому онъ не можетъ быть хорошимъ докладчикомъ и руководителемъ, однимъ словомъ—центромъ дѣлъ Общества. Кромѣ того онъ со всѣми членами Общества перессорился. Экзархъ его ненавидитъ; Фадѣевъ тоже»... «Правда, правда!»,—замѣтилъ князь. «Пудцеладзе»,—продолжалъ я,—«напротивъ очень дѣловитъ, но онъ хорошъ какъ работникъ, и не имѣетъ ни способности, ни опытности для высшаго положенія какъ докладчика; кромѣ того Ба—ей и не дастъ ему хода»... «Правда, правда»,—снова замѣтилъ князь,—«да кого же вы думаете назначить на это мѣсто?»—спросилъ князь. «Позвольте подумать, ваше сіятельство».—отвѣчалъ я. Вслѣдъ затѣмъ я представилъ ему двухъ или трехъ кандидатовъ; но они почему-то не понравились князю, а пока я пріискивалъ четвертаго—пріѣхалъ въ Вильно великій князь Михаилъ Николаевичъ уже въ качествѣ намѣстника кавказскаго, а я остался при великомъ князѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка о Константиновскомъ межевомъ институтѣ 1849 года.

Въ «Русской Старинѣ» 1887 года, № 12, въ статьѣ Н. М. Колмакова «Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ», на 758 стран., почтенный авторъ, передавая о натянутыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между графомъ Панинымъ и Михаиломъ Николаевичевъ Муравьевымъ (впослѣдствіи графъ), говоритъ о желаніи послѣдняго, какъ завѣдывающаго межевою частью въ Имперіи, избавиться отъ подчиненія министру юстиціи, къ чему Муравьевъ «принималъ разныя мѣры, къ числу которыхъ относится и то, что межевой корпусъ получилъ военное устройство». По словамъ г. Колмакова, это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ бытность въ Москвѣ императора Николая Павловича въ концѣ 40-хъ годовъ, Муравьевъ, какъ директоръ межеваго корпуса, успѣлъ показать государю Константиновскій институтъ въ отличномъ видѣ, чѣмъ государь остался доволенъ, При этомъ Муравьевъ успѣлъ убѣдить государя, что корпусу не достаетъ одного — военнаго устройства. Разсказъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ и требуетъ разъясненія. Авторъ, живя въ Петербургѣ, вѣроятно слышалъ этотъ разсказъ не изъ первыхъ рукъ и со словъ другихъ помѣстилъ его въ свою статью. Мнѣ, какъ бывшему воспитаннику Константиновскаго межеваго института, почти современнику преобразованія межеваго корпуса, извѣстенъ поводъ преобразованія института и корпуса въ военное устройство. Начать съ того, что Муравьевъ никогда не назывался директоромъ ни корпуса, ни института, а былъ управляющимъ и попечителемъ межеваго института. Директоромъ же института, въ концѣ 40-хъ годовъ, былъ Николай Павловичъ Смецкій, прежде служившій ротнымъ командиромъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ,— человѣкъ до педантизма любившій во всемъ порядокъ и нѣмецкую чистоту, строгій къ себѣ и другимъ, но крайне справедливый, ненавидящій ложь и неправду. Онъ и никто другой былъ причиною преобразованія института. Со времени учрежденія этого заведенія до лѣта 1849 года никто изъ государей не посѣщалъ института. Въ концѣ августа этого года, императоръ Николай, проѣзжая изъ Лефортова по старой Басманной улицѣ, замѣтилъ на парадномъ крыльцѣ института браваго

швейцара—отставнаго гвардейца, отдающаго ему честь. Взглянувши на верхъ, государь увидѣлъ вывѣску института, и ему захотѣлось взглянуть на неизвѣстное, до этого времени, заведеніе. Остановивъ экипажъ, онъ, быстрыми шагами, вбѣжалъ на верхъ прямо въ рекреаціонныя залы, гдѣ, въ то время по окончаніи классовъ, находились воспитанники съ своими наставниками,—вовсе не ожидавшіе такого высокаго посѣтителя. По счастію директоръ былъ въ зданіи и немедленно явился передъ государемъ. Бодрый и веселый видъ воспитанниковъ, прекрасныя залы и другія помѣщенія, вездѣ необыкновенный порядокъ и чистота, произвели впечатлѣніе и вызвали полное одобреніе государя, который въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ директора, разговаривалъ съ дѣтьми и въ заключеніе замѣтилъ, что не нашелъ такого порядка въ кадетскихъ корпусахъ. На это директоръ Смецкій сказалъ: что если было бы дано институту военное устройство, то можно было бы надѣяться представить въ будущемъ институтъ еще въ лучшемъ видѣ. Государь тутъ же обѣщалъ дать институту всѣ права военно-учебнаго заведенія наравнѣ съ институтами: путей сообщенія, горнаго и лѣснаго. Осмотръ продолжался болѣе получаса, при чемъ государь заглянулъ на дворъ, заходилъ въ больницы, въ садъ и осмотрѣлъ все до послѣдней мелочи и всѣмъ остался доволенъ. На прощанье поцѣловалъ директора и, сопровождаемый воспитанниками въ неописанномъ восторгѣ съ криками «ура», выбѣжавшими всею гурьбою провожать его на улицу,—сѣлъ въ коляску, гдѣ долго раскланивался съ провожавшими. Впечатлѣніе этого высокаго посѣщенія долго жило въ сердцахъ и до сихъ поръ вспоминается современниками. Дальнѣйшій ходъ преобразованія намъ неизвѣстенъ; по всей вѣроятности, когда дѣлу объ устройствѣ института на правахъ военно-учебнаго заведенія данъ былъ по волѣ государя ходъ, то возникъ вопросъ о преобразованіи всѣхъ межевыхъ чиновъ, и при этомъ все дѣло велось Муравьевымъ, какъ управляющимъ межевою частью въ Имперіи. При посѣщеніи же государемъ въ 1849 году Константиновскаго межеваго института, достовѣрно извѣстно, что Муравьева не было, а слѣдовательно института онъ не могъ показывать. Считаю въ заключеніе нужнымъ добавить, что бывшее помѣщеніе института на старой Басманной было устроено прежнимъ его владѣльцемъ княземъ А. Б. Куракинымъ, со всею роскошью и прихотями вельможи XVIII столѣтія. Порядокъ во всемъ и вездѣ соблюдался во все время управленія директора Смецкаго, который, къ крайнему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его, вынужденъ былъ выйдти въ отставку въ 1856 году въ чинѣ генералъ-маіора.

Викторинъ Павловъ.

Копія.

Выписка изъ журнала главнаго училищъ правленія. Октября 23-го дня 1818 г. о покупкѣ въ казну наборщика Степанова.

XII. Представленіе хозяйственнаго комитета главнаго училищъ правленія отъ 2-го сентября № 1461, о томъ, что въ слѣдствіе опредѣленія главнаго правленія училищъ 26-го іюня, сносился оный съ госпожею Фелькнеръ въ разсужденіи продажи въ казну принадлежащаго ей дворового человѣка Якова Степанова, разумѣющаго типографское наборное искусство. Госпожа Фелькнеръ на сіе отвѣтствовала, что она согласна продать его въ казну за двѣ тысячи рублей, за ту же самую цѣну, каковая взимается казною за рекрута, то есть необразованнаго крестьянина. Наборщикъ Яковъ Степановъ былъ испытанъ въ искусствѣ своемъ факторомъ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, который донесъ, что хотя онъ имѣетъ первоначальныя только познанія, но что онъ замѣтилъ въ немъ расположеніе и охоту къ усовершенію себя, хорошее поведеніе и благонравіе, почему и думаетъ, что пріобрѣтеніе его можетъ впредь быть очень полезно для типографіи. Въ послѣдствіи времени по рекомендаціи фактора и по недостаточному числу наборщиковъ, принятъ онъ къ типографіи съ платою по добровольному условію, по 25 р. въ мѣсяцъ. Управляющій же типографіею донесъ Комитету, что со времени принятія сего наборщика къ типографіи, онъ не замѣтилъ въ его поведеніи ничего, кромѣ похвалы достойнаго. Комитетъ, уважая свидѣтельство управляющаго типографіею и фактора и находя цѣну, просимую госпожею Фелькнеръ, умѣренною, мнѣніемъ полагаетъ: наборщика Якова Степанова пріобрѣсти покупкою за двѣ тысячи рублей.

Вѣрно: Вице-директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Эзовъ.
Съ подлиннымъ свѣрялъ: Дѣлопроизводитель М. Новицкій.

№ 3443.

Сія выписка изъ журнала главнаго правленія училищъ, отъ 23-го октября 1818 г. о покупкѣ въ казну наборщика Степанова, выдана изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, съ приложеніемъ казенной печати, дочери бывшаго печатника Якова Степанова, Маріи Степановой, вслѣдствіе ея прошенія. Причитающійся гербовый сборъ уплаченъ. С.-Петербургъ, марта 14-го дня 1883 г.

Вице-директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Эзовъ.
(М. П.)
Дѣлопроизводитель М. Новицкій.

Тарговицкая конфедерація [1]).

I.

Въ первыхъ числахъ марта 1792 г., ровно за два мѣсяца до вступленія въ Польшу русскихъ войскъ, посланныхъ Екатериною II для возстановленія порядка, нарушеннаго конституціей 3-го мая 1791 г. [2]), въ Петербургъ прибыли «недовольные» конституціей польскіе магнаты, для свиданія съ императрицей и ходатайства у нея о помощи въ ихъ борьбѣ съ утвердившеюся въ Варшавѣ новою формою правленія.

На берегахъ Невы зародилась, такимъ образомъ, конфедерація, прозванная Тарговицкой, по мѣсту, гдѣ заложили свой станъ конфедераты 7-го (18-го) мая, въ тотъ день, когда русскія войска переступили границу Рѣчи Посполитой.

Конфедераціи, какъ средство борьбы «недовольныхъ» съ существующимъ правительствомъ, издавна были въ Польшѣ явленіемъ столь обычнымъ, что установилось даже понятіе, будто конфедерація не есть бунтъ, а вполнѣ легальное и справедливое явленіе политической жизни.

«Появляясь въ Рѣчи Посполитой, конфедерація считала себя законною властью, а прежнюю, существующую и признаваемую выставляла незаконною, требовала ото всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, отъ войска и частныхъ лицъ покорности и присяги на вѣрность себѣ;

---

[1]) Władysław Smoleński. „Konfederacya Targowicka“. Kraków. 1903. Костомаровъ. „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“. Соловьевъ. „Исторія паденія Польши“.

[2]) См. „Конституція 3-го мая 1791 г. и отношеніе къ ней Россіи“. „Рус. Стар.“, іюнь 1904 г.

при такомъ взглядѣ, весьма естественно, исчезало различіе между законною властью и мятежнымъ скопищемъ»[1]).

Творцами Тарговицкой конфедераціи, которая была устроена по общему образцу, существовавшему въ давнія времена, были: генералъ-артиллеріи Станиславъ (Щенсный) Потоцкій, польный гетманъ Северинъ Ржевусскій, генералъ-маіоръ польской службы Симонъ Косаковскій и великій гетманъ Францискъ-Ксаверій Браницкій, вокругъ которыхъ группировалось нѣсколько второстепенныхъ лицъ.

Для характеристики дѣятелей конфедераціи, не безъинтересно будетъ ознакомиться вкратцѣ съ ихъ прошлымъ.

Станиславъ-Щенсный Потоцкій женился совсѣмъ юношей, по любви и противъ воли отца, и, лишившись жены, когда ему не было и двадцати лѣтъ, былъ такъ потрясенъ этой потерею, что впалъ въ меланхолію, почти лишился разсудка и не могъ до конца жизни оправиться отъ этого недуга; былъ всегда задумчивъ, разсѣянъ и ко многому равнодушенъ.

Человѣкъ мало развитой и довольно лѣнивый, онъ не задавался обширными планами, но сосредоточивался обыкновенно на одномъ предметѣ; руководствовался въ своихъ поступкахъ семейными традиціями и, главнымъ образомъ, личной выгодою и тщеславіемъ, былъ доступенъ похваламъ и лести и легко поддавался совѣтамъ близкихъ ему людей, при чемъ наибольшее вліяніе имѣли на него не столько умные и доброжелательные люди, сколько низкопоклонные.

Отъ природы добрый и мягкій, онъ становился упрямъ и запальчивъ, когда имъ овладѣвала какая-нибудь мысль, которую онъ отстаивалъ обыкновенно съ упорствомъ маніака. Отказаться отъ высказаннаго однажды мнѣнія не позволяло ему тщеславіе, которое было развито въ немъ до болѣзненности.

Послѣ перваго раздѣла Польши, когда странѣ нужны были люди для дѣятельности на общественномъ поприщѣ, Потоцкій не заявилъ себя ничѣмъ. Въ то время онъ былъ занятъ, главнымъ образомъ, увеличеніемъ своего состоянія. Управляя своими обширными помѣстьями въ Украйнѣ, которыя занимали вмѣстѣ съ его староствами 3.000.000 морговъ, и гдѣ жило 130.000 крестьянъ, онъ руководствовался не столько передовыми взглядами, сколько узкими своекорыстными цѣлями и поэтому смотрѣлъ съ опасеніемъ на сосѣднія русскія земли, гдѣ помѣщики, заботясь о заселеніи своихъ земель, давали переселенцамъ всевозможныя привилегіи и льготы. Желая удержать своихъ крестьянъ отъ переселенія, Потоцкій убавилъ имъ барщину, довольствуясь двѣ-

[1]) Костомаровъ, 465.

надцатью грошами чинша за рабочій день, и прослылъ такимъ образомъ благодѣтелемъ народа.

Слава его возросла еще болѣе въ 1784 г., когда онъ подарилъ Рѣчи Посполитой 24 орудія съ запряжкою и снарядилъ отрядъ въ 400 человѣкъ пѣхоты, которыхъ онъ обязался содержать на свой собственный счетъ. Его превозносили за это пожертвованіе въ печати и въ рѣчахъ, которыя произносились на сеймѣ.

Въ 1786 г. Щенсному снова воздавались публично похвалы за усмиреніе крестьянскаго бунта въ Украйнѣ и за помощь, оказанную народу во время чумы.

Такимъ образомъ онъ заслужилъ славу человѣка добродѣтельнаго и безупречнаго.

Въ 1788 году Потоцкій принялъ въ качествѣ посла Брацлавскаго воеводства участіе въ засѣданіяхъ сейма, съ цѣлью пропагандировать мысль о союзѣ Рѣчи Посполитой съ Россіей, съ которой его связывали интересы имущественные и нравственные. Въ союзѣ Польши съ Россіей, которая вела въ то время войну съ Турціей, онъ видѣлъ не только безопасность своихъ украинскихъ владѣній, но также и средство обогатиться, поставляя продовольствіе для императорской арміи. Нравственно Щенснаго связывали съ Россіей льстивыя увѣренія, которыя императрица расточала ему, послѣ свиданія съ нимъ въ Каневѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, подавая ему, между прочимъ, надежду получить по смерти Станислава-Августа польскую корону. Когда большая часть сейма, подъ вліяніемъ Пруссіи, выразила желаніе освободиться отъ опеки Россіи, Щенсный, возмущенный этимъ, уѣхалъ изъ Варшавы, а вслѣдъ затѣмъ и изъ Польши. Обнародованіе конституціи 3-го мая побудило его вступить сначала тайно, а затѣмъ открыто въ сношеніе съ Россіей.

Мнѣніе поляковъ о гражданскихъ доблестяхъ Щенснаго было такъ велико, что его не могло поколебать даже извѣстіе о тайныхъ сношеніяхъ, которыя Потоцкій имѣлъ съ Безбородко въ Яссахъ.

«Я не могу себѣ представить,—писалъ королю епископъ Каменецкій,—чтобы генералъ Потоцкій хотѣлъ видѣть отечество объятое огнемъ и пламенемъ. Я всегда зналъ его за человѣка въ высокой степени честнаго и увѣренъ, что онъ не приметъ участія ни въ какихъ недостойныхъ происках; но кто поручится, что Москва не постарается найти въ лицѣ его втораго Понинскаго» [1]).

Роль, которую старикъ-епископъ предназначалъ второму Понин-

---

[1]) Письмо отъ 16-го (27-го) января 1792 г. (Рукоп. арх. кн. Чарторыйск., № 928).

скому [1]), принялъ на себя «добродѣтельный» Потоцкій. Его влекло въ Петербургъ желаніе удовлетворить свои оскорбленныя чувства и тщеславіе, возбужденное лестью императрицы.

Въ этомъ поддерживалъ его польный гетманъ Ржевусскій.

Когда, въ 1788 г., князь Потемкинъ, говоря о полякахъ, которые были готовы помочь Россіи въ войнѣ съ турками, назвалъ Ржевусскаго, то императрица спросила его: не тотъ-ли это Ржевусскій, который былъ арестованъ въ 1767 г. и содержался въ Калугѣ? Если это онъ,—прибавила она,—то на него трудно разсчитывать».

Дѣйствительно, кто бы могъ думать, что Северинъ Ржевусскій предложитъ свои услуги правительству, по повелѣнію котораго онъ былъ арестованъ въ ночь съ 13-го на 14-е октября 1767 г. и сосланъ въ Калугу, гдѣ онъ провелъ безвыѣздно пять лѣтъ.

По возвращеніи въ 1773 году въ отечество, онъ питалъ непримиримую ненависть и злобу къ Россіи.

«Слава Богу, — писалъ онъ подольскому воеводѣ Замойскому,— продолжительное пребываніе въ суровой неволѣ не убило во мнѣ любви къ нашей вѣрѣ и къ польской вольности. Я возвратился въ свое отечество тѣмъ же, какимъ былъ ранѣе; угнетеніе, которое мнѣ довелось испытать такъ долго, послужило лишь къ тому, что моя любовь къ отечеству и моя невинность воспылали еще ярче.... Я буду всегда дѣйствовать заодно съ тѣми, кои будутъ работать для блага отечества, и никогда не буду помогать тѣмъ, кто захочетъ дѣйствовать противъ него. Я научился у отца носить съ честью имя поляка и не могу мыслить иначе».

Первый раздѣлъ Польши выводилъ его изъ себя. Его любимою мечтою было поднять Польшу и за возвращеніе отнятыхъ земель произвести всеобщую войну. Онъ заводилъ тайные клубы, съ цѣлью образовать заговоръ, и вооружалъ соотечественниковъ противъ Россіи.

«Гордый и необузданный въ страстяхъ, самолюбивый, впечатлительный, пылкій и неразсудительный,—онъ былъ всегда готовъ увлечься и вести дѣло до крайности, но на первомъ планѣ у него, какъ у польскаго пана, стояло собственное честолюбіе и своекорыстіе». Онъ не могъ, какъ и другіе, вынести паденія, которое угрожало магнатству, а еще болѣе униженія, которое постигло носимый имъ санъ польнаго гетмана, послѣ преобразованій, сдѣланныхъ въ военномъ управленіи. Врагъ Браницкаго и Щенснаго Потоцкаго, онъ сошелся съ ними ради общаго для всѣхъ дѣла; врагъ Россіи, онъ для этого же дѣла опирался на ея помощь.

[1]) Адамъ Понинскій польскій политическій дѣятель († 1798 г.). Во время Барской конфедераціи хотѣлъ стать на сторону короля, во главѣ реконфедераціи, но не успѣлъ выполнить этого плана. Въ качествѣ великаго коронаго маршала съ 1773—1775 гг. управлялъ краемъ какъ дактаторъ.

Рѣчь Посполитая щедро вознаградила Ржевусскаго за пятилѣтнее томительное изгнаніе, отдавъ въ его владѣніе Ковельское староство на Волыни, въ которое входило три города и 30 селъ; его отцу была дана гетманская булава, а ему самому—званіе польнаго гетмана. Отецъ передалъ булаву Браницкому и удалился отъ дѣлъ; сынъ же поставилъ себѣ цѣлью защищать свободу народа или, лучше сказать, добиваться всѣми силами усиленія гетманской власти.

По мнѣнію Ржевусскаго, всякій патріотъ обязанъ защищать ту форму правленія, при которой онъ родился.

«Кого судьба бросила въ монархію, пусть живетъ въ ней спокойно,—говорилъ онъ,—такъ какъ монархія имѣетъ для многихъ свои преимущества. Но тотъ, кто родился свободнымъ, долженъ и умереть свободнымъ; только выродокъ можетъ пожелать лишиться свободы; измѣнникомъ отечества былъ бы тотъ, кто захотѣлъ бы лишить свободы и другихъ».

Сперва Ржевусскій боролся перомъ противъ мысли о необходимости для Польши наслѣдственнаго правленія и издалъ съ этой цѣлью рядъ брошюръ. Хотя онъ и признавалъ въ душѣ, что наслѣдственность престола усилила бы могущество Польши, сдѣлала бы ее государствомъ независимымъ и грознымъ для сосѣдей, однако онъ не хотѣлъ чтобы престолъ былъ наслѣдственнымъ, увѣренный въ томъ, что усиленіе Польши встрѣтитъ противодѣйствіе со стороны сосѣднихъ державъ.

«Наслѣдственность польскаго престола не можетъ быть утверждена безъ кровопролитной и продолжительной войны,—говорилъ онъ.—Европа обагрится скорѣе кровью, нежели сосѣднія съ Польшею державы согласятся добровольно на то, чтобы польскій престолъ сдѣлался наслѣдственнымъ. Перемѣна формы правленія, происшедшая въ Польшѣ касается ихъ слишкомъ близко и угрожаетъ ихъ спокойствію, поэтому они не преминутъ воспрепятствовать ей, или же, давъ ей утвердиться, постараются ниспровергнуть ее».

«Въ полякахъ еще не угасла любовь къ свободѣ; многіе изъ нихъ считаютъ по-прежнему свободное избраніе короля краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждется народная вольность. Они не могутъ смотрѣть равнодушно на наслѣдственность престола: почувствовавъ, что они утратили свободу, они возьмутся, быть можетъ, за оружіе».

Ржевусскій прельстилъ ограниченнаго Потоцкаго, рисуя ему заманчивый политическій идеалъ будущаго. Ему было не трудно склонить его на свою сторону, тѣмъ болѣе, что онъ предоставилъ Потоцкому главную роль въ дѣлѣ спасенія отечества, взявъ на себя роль совѣтника и безкорыстнаго участника. Вообще, Ржевусскій имѣлъ обыкновеніе скрываться за спиною другихъ и дѣйствовать исподтишка.

Потоцкій не только усвоилъ его политическіе взгляды, но даже самый способъ его мышленія; онъ сталъ даже подражать слогу гетмана и ссылался на его доказательства и доводы.

Современники отлично знали, какое огромное вліяніе имѣлъ Ржевусскій на Потоцкаго. Король даже послалъ нарочно въ Вѣну Станислава Потоцкаго, поручивъ ему вырвать Щенснаго изъ подъ опеки гетмана. Этимъ объясняется, почему во время преній, вызванныхъ на сеймѣ пребываніемъ «недовольныхъ» пановъ въ русскомъ лагерѣ, гнѣвъ патріотовъ обрушился, главнымъ образомъ, на Ржевусскаго, который, по ихъ мнѣнію, подстрекалъ ко всему Щенснаго.

Безупречная слава, которой пользовался Потоцкій, не позволяла осудить его.

Въ Яссахъ Потоцкій и Ржевусскій встрѣтились съ Симономъ Косаковскимъ, который уже въ 1790 г. былъ предназначенъ для той роли, которую они взяли на себя послѣ провозглашенія конституціи 3-го мая.

Во время Барской конфедераціи, Косаковскій, подъ предлогомъ преслѣдованія русскихъ, производилъ въ Литвѣ грабежи; послѣ перваго раздѣла Польши онъ поступилъ въ ряды польской арміи, неоднократно былъ посломъ на сеймѣ и вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ, епископомъ инфляндскимъ, находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ русскимъ посланникомъ, и въ то время, какъ епископъ получалъ ежегодно изъ русскаго посольства 1.500 дукатовъ секретной пенсіи, Симонъ Косаковскій выразилъ желаніе служить въ рядахъ русскаго войска.

Князь Потемкинъ рекомендовалъ его императрицѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

«Польской службы генералъ-маіора Косаковскаго, въ разсужденіи вашего объ немъ свидѣтельства, позволяемъ принять въ армію нашу бригадиромъ, считая старшинствомъ въ семъ чинѣ съ того времени, какъ онъ въ генералъ-маіоры пожалованъ»,—отвѣчала на ходатайство Потемкина Екатерина [1]).

Откланиваясь королю передъ отъѣздомъ въ русскую армію, Косаковскій далъ слово, что «ежели, чего Боже упаси, дѣло дойдетъ до непріязненныхъ дѣйствій между Москвою и Польшею, то онъ оставитъ русскую службу» [2]).

---

[1]) Потемкинъ—императрицѣ 10-го (21-го) марта 1790 г. (Бумаги князя Гр. Ал. Потемкина-Таврическаго. Спб. 1895, стр. 14). Рескриптъ императрицы Потемкину 8-го (19-го) апрѣля 1790 г. (Сборникъ ист. общ., т. 42, стр. 73).

[2]) Король—Деболи 14-го (25-го) апрѣля 1792. (Popiel. Powstanie i upadek konstytucie 3-go maja. Kraków, 1891, стр. 68).

Отправляясь въ Яссы къ Потемкину, онъ уже зналъ себѣ цѣну, какъ видно изъ письма Булгакова къ генералу Каховскому:

«Поведеніе его, я думаю, по пріѣздѣ къ вамъ, удивитъ васъ,—писалъ русскій посланникъ. Онъ, думаю, вовсе не имѣетъ въ головѣ быть въ нашей службѣ, если не быть первымъ по князѣ человѣкомъ» [1]).

Хотя Косаковскій и не сдѣлался первымъ, по Потемкинѣ, человѣкомъ, но онъ былъ вскорѣ произведенъ въ генералъ-поручики и съумѣлъ сдѣлаться нужнымъ человѣкомъ при Петербургскомъ дворѣ, не говоря уже о томъ, что онъ былъ атестованъ Потоцкимъ какъ «человѣкъ, могущій играть большую роль въ Польшѣ», и съумѣлъ снискать расположеніе Платона Зубова, вѣдавшаго дѣла польскія вмѣстѣ съ Аркадіемъ Ивановичемъ Морковымъ. Въ Петербургѣ Косаковскаго считали вѣрноподданнымъ императрицы, хотя онъ не выразилъ ничѣмъ публично своего враждебнаго отношенія къ конституціи 3-го мая; его неодобреніе къ новому порядку вещей, установившемуся въ Польшѣ, проявилось только въ томъ, что онъ не былъ съ визитомъ у польскаго посланника при Петербургскомъ дворѣ—Деболи. Готовясь выступить съ своимъ корпусомъ къ польской границѣ, онъ объяснялъ это движеніе Станиславу-Августу чрезъ посредство своего младшаго брата, воеводы витебскаго, тѣмъ, что онъ рѣшилъ расположиться на квартирахъ въ Полоцкѣ, чтобы быть ближе къ своимъ литовскимъ помѣстьямъ [2]). Двуличностью, которая составляла отличительную черту Косаковскихъ, превосходилъ его только одинъ епископъ инфляндскій А въ отношеніи нахальства, грубости и цинизма ему не было подобнаго.

Таковы были, по отзывамъ современниковъ, главные дѣятели Таговицкой конфедераціи.

Въ половинѣ марта къ Потоцкому и Ржевусскому присоединился гетманъ Браницкій, который получилъ трехмѣсячный отпускъ, давъ королю честное слово и письменное обязательство въ томъ, что онъ останется вѣренъ конституціи и возвратится въ Варшаву по первому требованію Рѣчи Посполитой. Хотя въ Петербургѣ не особенно полагались на него, зная его непостоянство, тѣмъ не менѣе желали, чтобы онъ пріѣхалъ, принимая во вниманіе занимаемое имъ въ Польшѣ высокое оффиціальное положеніе, но, впрочемъ, не возлагали надеждъ на его иниціативу и на правильность его сужденія. Для Потоцкаго онъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи помѣхою, но въ глазахъ Ржевусскаго имѣлъ большое значеніе, какъ единомышленникъ въ его домогатель-

---

[1]) „Рус. Арх.“ 1865, стр. 553.

[2]) Король—Деболи 14-го (25-го) апрѣля. (Popiel, стр. 68).

ствахъ объ усиленіи гетманской власти. При переговорахъ «недовольныхъ» съ Петербургскимъ дворомъ Браницкій не игралъ никакой роли, тѣмъ болѣе, что со смертью Потемкина онъ лишился связей и утратилъ свое значеніе.

Кромѣ этихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Петербургъ пріѣхали одновременно съ ними: каштелянъ перемышльскій князь Антоній Четвертинскій, кавалеръ польскихъ орденовъ Юрій Віельгорскій, червоноградскій хорунжій Антоній Злотницкій, брацлавскій хорунжій Адамъ Мощенскій, владимірскій подчашій Янъ Загорскій, цеховскій войскій Янъ Сухоржевскій, полковникъ коннаго полка польской булавы Михаилъ Кобылецкій, воевода подольскій Янъ Свѣйковскій, ловчій черниговскій Францишекъ Гулевичъ и Томашевскій.

Мощенскій, Свѣйковскій, Злотницкій, Загорскій и Сухоржевскій были послами на послѣднемъ сеймѣ.

Всѣ эти господа были люди близкіе къ Потоцкому. Мать Гулевича была нѣкогда камерфрейлиной у его матери, его отецъ управлялъ имѣніемъ Потоцкаго Гуманщизной, а онъ самъ сопровождалъ Щенснаго въ его путешествіяхъ за границу. Мощенскій управлялъ имѣніями Потоцкаго и вмѣстѣ съ Томашевскимъ, который жилъ постоянно въ Тульчинѣ, имѣлъ большое вліяніе на Потоцкаго. Свѣйковскій, сестра котораго была замужемъ за Мощенскимъ, Злотницкій и Загорскій подслуживались къ Потоцкому, для достиженія своихъ личныхъ служебныхъ и матеріальныхъ выгодъ. Въ близкихъ отношеніяхъ къ Тульчину состоялъ также Віельгорскій, бывшій польный литовскій писарь, давно уже знакомый петербургскому свѣту.

Ржевусскій привлекъ съ собою въ Петербургъ только одного близкаго къ нему человѣка—Кобылецкаго, который былъ въ чинѣ полковника, но служилъ въ имѣніи гетмана. Къ ихъ компаніи принадлежалъ также Сухоржевскій; онъ не преслѣдовалъ никакихъ личныхъ цѣлей; но, страстный поклонникъ старинныхъ республиканскихъ учрежденій, былъ еще болѣе ярымъ противникомъ наслѣдственности престола, нежели самъ Потоцкій и Ржевусскій.

Потоцкій продолжалъ по-прежнему титуловаться генераломъ-артиллеріи, хотя сеймъ лишилъ его этого званія, а Ржевусскій подписывался гетманомъ, несмотря на то, что это званіе было уничтожено.

«Какъ ихъ не принять?»,—сказала Екатерина II, когда ей доложили о пріѣздѣ Потоцкаго и Ржевусскаго. «Одинъ тридцать лѣтъ намъ вѣренъ и преданъ, а другой изъ непріятеля сдѣлался, по обстоятельствамъ, намъ другъ, потому что республика не можетъ устоять безъ Россіи» [1]).

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. XII, стр. 86.

Потоцкому и Ржевусскому было отведено помѣщеніе во дворцѣ; Браницкій съ женою занялъ аппартаменты князя Потемкина. Всѣ они, вмѣстѣ съ Симономъ Косаковскимъ, бывали ежедневно на малыхъ пріемахъ у императрицы; Платонъ Зубовъ относился къ нимъ съ довѣріемъ; сановники угощали ихъ роскошными обѣдами.

Русскіе министры часто совѣщались съ польскими панами; но императрица и П. А. Зубовъ нерѣдко бесѣдовали съ ними и наединѣ, и на эти тайныя совѣщанія не приглашались даже гр. Безбородко и вице-канцлеръ Остерманъ. Императрицу особенно интересовали жалобы польскихъ магнатовъ на сеймъ и ихъ разсказы о томъ, что въ Варшавѣ усиливается якобинскій духъ. Въ началѣ апрѣля въ кругу императрицы разсказывали, будто Станиславъ-Августъ, желая организовать въ Варшавѣ клубъ якобинцевъ, пригласилъ изъ Парижа итальянца Массея (Mazzei), который, будто-бы, бился объ закладъ, что императрица будетъ вскорѣ убита. Петербургское общество относилось къ полякамъ недоброжелательно, опасаясь, что они вовлекутъ своими интригами Россію въ новую войну; имъ ставили въ укоръ, что они прибѣгали къ иноземной помощи противъ своего собственнаго отечества; но поляки, имѣя надежду достигнуть своей цѣли, подкупленные любезнымъ пріемомъ, который былъ имъ оказанъ при дворѣ, продолжали дѣйствовать въ томъ же духѣ.

По мнѣнію императрицы, ея министрамъ надлежало выработать совмѣстно съ польскими панами республиканскую форму правленія и обезпечить ее новымъ трактатомъ, который замѣнилъ бы прежній договоръ, уничтоженный послѣднимъ сеймомъ.

«Мы признаемъ,—писала Екатерина графу Безбородко,—одну республику, съ нею дѣло общее имѣемъ противу революціи, въ томъ обязаны трактатами, съ нею заключенными, кои свято и ненарушимо содержать желаемъ, яко дружественнѣйшій поступокъ, который ей оказать можемъ; всякъ же, съ нами одномыслящій, будетъ намъ другъ, такъ какъ разномыслящій съ нами будетъ намъ и республикѣ противящимся» [1]).

И дѣйствительно, результатомъ совѣщаній петербургскихъ министровъ съ польскими панами явился выработанный проектъ новаго правленія Польши, которое должно было замѣнить конституцію 3-го мая; кромѣ того былъ выработанъ планъ дѣйствій «недовольныхъ» совмѣстно съ русской арміей.

Будущая польская конституція должна была состоять изъ двадцати трехъ пунктовъ, изъ коихъ важнѣйшими были нижеслѣдующіе:

Чтобы ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какія времена не до-

---

[1]) Екатерина—Безбородкѣ, безъ даты. (Сборникъ ист. общ., т. 42, стр. 253, 254).

пускалось предлагать или учреждать престолонаслѣдіе, подъ страхомъ строжайшаго наказанія.

Чтобы равномѣрно запрещено было подъ страхомъ таковаго же наказанія избирать преемника королю во время его жизни.

Чтобы всѣ верховныя права, утвержденныя вторымъ актомъ, отдѣльно отъ трактата, заключеннаго въ 1768 г. между Россіей и Польшей, были подтверждены и возобновлены, и преимущественно статья 21-я этого акта.

Чтобы преимущества должностей высшихъ генераловъ были возстановлены въ томъ видѣ, какъ было въ 1717 году, или въ царствованіе Августа III, какъ необходимый противовѣсъ королевской власти.

Чтобы все, что было утверждено на послѣднемъ сеймѣ ко вреду союза съ Литвою, было уничтожено и все оставлено на прежнемъ положеніи.

Чтобы законъ, отмѣняющій должность старостъ, былъ уничтоженъ.

Чтобы никто не могъ быть приговоренъ къ лишенію жизни, чести имущества и званія безъ суда.

Чтобы воспитаніе юношества никогда не находилось въ рукахъ короля и чтобы оно сообразовалось съ основными законами республики

Чтобы никакой вопросъ, противный религіи, свободѣ и верховнымъ законамъ, не могъ быть предложенъ сейму.

Чтобы не дозволялось печатать ничего противозаконнаго.

Чтобы налоги, установленные съ 1787 г., были уменьшены въ размѣрѣ.

Чтобы въ армію республики допускались офицерами только поляки изъ дворянъ.

Чтобы liberum veto соблюдалось во всѣхъ случаяхъ, предписанныхъ закономъ.

Чтобы опредѣлено было: какіе предметы должны рѣшаться единогласно и какіе большинствомъ голосовъ, и чтобъ война, миръ, усиленіе войскъ, налоги, договоры и другіе предметы подобной важности рѣшаемы были большинствомъ или на свободномъ, или на конфедераціонномъ сеймѣ.

Чтобы актъ относительно гражданскихъ и политическихъ правъ всѣхъ диссидентовъ въ Польшѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ измѣненъ законами 1775 г., былъ соблюдаемъ ненарушимо и во вѣки.

Чтобы всѣ эти статьи были включены въ pacta conventa (ограничительныя условія) будущихъ королей Польши [1]).

Послѣ того какъ выработанный такимъ образомъ проектъ будущей польской конституціи и планъ дальнѣйшихъ дѣйствій были одобрены Ека-

[1]) Сборн. ист. общ., т. 47, стр. 303.

ториною, былъ составленъ въ Петербургѣ и актъ генеральной коронной конфедераціи. Начальникомъ или маршаломъ конфедераціи былъ избранъ Щенсный-Потоцкій. Браницкому и Ржевусскому поручалось, сообразно занимаемымъ ими должностямъ, номинальное начальство надъ войскомъ. Они же должны были привести все польское войско къ присягѣ конфедераціи.

Маршаломъ генеральной литовской конфедераціи былъ избранъ извѣстный своимъ богатствомъ и многочисленными связями канцлеръ князь Александръ Сапѣга, котораго, впрочемъ, не успѣли еще извѣстить объ этомъ и заручиться его согласіемъ. Если бы Сапѣга отказался отъ предложеннаго ему званія, то его мѣсто долженъ былъ занять коронный маршалъ Потоцкій. Начальникомъ литовскихъ войскъ былъ назначенъ генералъ-поручикъ Косаковскій, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ императрицы. Ему поручалось привлечь къ конфедераціи литовскіе воеводства и повѣты; онъ же долженъ былъ отвезти письмо, которое графу Безбородко поручено было написать отъ имени императрицы канцлеру Сапѣгѣ съ предложеніемъ принять званіе маршала.

Относительно нѣкоторыхъ новыхъ пунктовъ конституціи и своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, Браницкій и Ржевусскій высказывали взгляды, которые не особенно нравились ни императрицѣ, ни Щенсному Потоцкому. Между прочимъ, они домогались, чтобы имъ было предоставлено право собирать съ жителей Польши подати на содержаніе войскъ, коими они должны были командовать.

Актъ генеральной коронной конфедераціи былъ подписанъ и скрѣпленъ въ Петербургѣ 16-го (27-го) апрѣля 1792 г.

Того же числа императрицею былъ данъ слѣдующій рескриптъ М. В. Каховскому:

«Находящіеся здѣсь благонамѣренные поляки, установивъ между собою и утвердивъ ихъ подписаніемъ и присягою актъ конфедераціи и формальнаго прошенія о помощи и покровительствѣ нашихъ, поднесли намъ оные; по совершеніи сего избранный по волѣ и предназначенію нашему генеральнымъ маршаломъ коронной конфедераціи, артиллеріи генералъ графъ Потоцкій, разсудилъ за благо, не теряя времени, отправить отсюда въ Подольское воеводство старосту и ордена Святаго Станислава кавалера Злотницкаго, и въ Брацлавское воеводство хорунжаго и также кавалера ордена Святаго Станислава Мощенскаго, для благовременнаго тамъ расположенія умовъ къ приступленію къ сей конфедераціи. Соизволивъ на сію мѣру, мы повелѣваемъ вамъ не только принять ласково и дружелюбно помянутаго г. Злотницкаго, когда онъ у васъ съ симъ явится, предписавъ равномѣрно командующему Ольвіопольскимъ корпусомъ нашему генералъ-поручику Дерфельдену, чтобъ и онъ также былъ снисходителенъ къ

г. Мощенскому; но и преподать имъ всѣ зависящія отъ васъ пособія къ успѣху на нихъ возложеннаго дѣла».

Мысли, изложенныя въ актѣ конфедераціи, были развиты подробнѣе въ брошюрѣ, озаглавленной «Mémoires sur la révolution de Pologne» и написанной съ цѣлью очернить сторонниковъ конституціи и показать, какія благодѣянія были оказаны польскому народу Россіей. Брошюра эта принадлежала перу секретаря Платона Александровича Зубова, Альтести.

Въ толпѣ приближенныхъ, окружавшей фаворита, было три «дѣльца», которые дѣлали, подъ эгидой могущественнаго покровителя, все, что имъ было угодно. Это были секретари Платона Александровича: Альтести, Грибовскій и Рибасъ.

Альтести, уроженецъ Рагузы, котораго Булгаковъ взялъ изъ купеческой конторы для занятій въ своей канцеляріи, въ то время, когда онъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ, при объявленіи войны съ Турціей, переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ къ Зубову [1]), а теперь, желая прислужиться ему, написалъ вышеупомянутую брошюру, въ которой онъ доказывалъ, что Польша была ранѣе пустыней, наполненной толпою дикихъ людей, и только благодаря Россіи дошла до той степени цивилизаціи, на которой она находилась въ то время. По словамъ автора, она была всѣмъ обязана гарантіи Россіи. Императрица защитила Польшу отъ вторженія татаръ и гайдамачины, положила основаніе ея благоустройству и спокойствію, покровительствовала развитію въ ней земледѣлія и торговли. Въ 1788 г. кучка безнравственныхъ людей, подкупленныхъ недоброжелателями, ниспровергла гарантированное ею правительство и дѣйствовала заодно съ разными бездѣльниками и негодяями. Императрица оказала безкорыстно помощь народу, коимъ завладѣла эта кучка бездѣльниковъ. Только одни злодѣи считаютъ русское войско непріятельскимъ. Императрица ничего болѣе не желаетъ, какъ только снискать признательность польскаго народа. Интриганы и негодяи не найдутъ помощи и поддержки ни у одной изъ европейскихъ державъ. Просвѣщенная Европа будетъ смотрѣть съ презрѣніемъ на постыдную гибель тѣхъ, кои стараются подорвать основы цивилизаціи.

Таково было содержаніе пасквиля Альтести, которому придавали въ Петербургѣ значеніе манифеста и который былъ разосланъ повсюду въ то время, какъ русскія войска вступили въ Польшу.

---

[1]) Князь А. П. Зубовъ. «Рус. Стар.», т. XVII, 1876, стр. 455.

II.

По заключеніи, 29-го декабря 1791 г. (9 -го января 1792) въ Яссахъ мира съ Турціей, командующему молдавской арміей генералу Каховскому было повелѣно вывести войска изъ Молдавіи двумя корпусами, такимъ образомъ, чтобы къ 1-му (12-му) мая они прибыли на Днѣстръ и вступили въ Польскую Украйну, «заблаговременно наискрытнѣйшимъ образомъ принявъ мѣры къ переправѣ чрезъ рѣку такъ, чтобы учинить оную нечаянно и въ неожиданномъ поляками мѣстѣ» [1]). Первый корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика Михаила Голенищева Кутузова, долженъ былъ перейти рѣку противъ Могилева, а второй подъ командою генерала Дунина, у Сорокъ.

Въ то же время третьему корпусу, расположенному въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, подъ начальствомъ генерала Дерфельдена, было приказано перейти въ польскія владѣнія черезъ рѣку Бугъ у Ольвіополя, и четвертому, генерала Леванидова, находившемуся въ окрестностяхъ Кіева, двинуться изъ Василькова.

Дальнѣйшихъ распоряженій о движеніи войскъ въ мартѣ мѣсяцѣ сдѣлано не было, въ виду высказаннаго Государственнымъ Совѣтомъ мнѣнія о необходимости для Россіи дѣйствовать въ дѣлахъ польскихъ совмѣстно съ Австріей и Пруссіей.

Императрица утвердила окончательно планъ вступленія русскихъ войскъ въ границы Рѣчи Посполитой только тогда, когда исчезла необходимость считаться съ Австріей, вовлеченной въ войну съ Французской республикой.

Назначивъ, указомъ отъ 1-го (12-го) мая Каховскаго главнокомандующимъ украинской арміей, состоявшей изъ четырехъ вышеупомянутыхъ корпусовъ, Екатерина дала ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, подробную инструкцію, въ которой говорилось, что вышеупомянутые корпуса пойдутъ внутрь Польши и будутъ дѣйствовать совмѣстно.

Кутузову, переправясь черезъ Днѣстръ при Могилевѣ, повелѣвалось слѣдовать къ Винницѣ, Леванидову отъ Василькова къ Бердичеву, отдѣливъ часть отряда къ Овручу.

Дунинъ же отъ Сорокъ долженъ былъ идти въ Немировъ, сохраняя сообщенія съ Кутузовымъ и Дерфельденомъ, который отъ Ольвіополя пойдетъ на Умань и Погребище.

Каховскому предписывалось постараться отрѣзать и окружить польскія войска, находившіяся въ Брацлавскомъ и Кіевскомъ воеводствахъ, и принудить ихъ положить оружіе. А если бы поляки, чувствуя свою слабость и безсиліе, заблаговременно отступили и не препятство-

---

[1]) Рескриптъ Екатерины II отъ 14-го (25-го) марта 1792 г. (Сборникъ ист. общ., т. 47, стр. 241).

вали движенію русской арміи, въ такомъ случаѣ кіевскій корпусъ Леванидова, сверхъ Овручскаго поста, долженъ былъ какъ можно скорѣе занять Улику и учредить сильный постъ въ Мстиславѣ и Олеснѣ, а Дунинъ долженъ былъ идти изъ Немирова въ Житоміръ и подкрѣплять Васильковскій корпусъ, если въ томъ встрѣтилась бы надобность.

Такимъ образомъ, Брацлавское и Кіевское воеводства «могли удержаться въ нашихъ рукахъ, и границы россійскія въ сей сторонѣ были бы совершенно закрыты, и въ случаѣ нужды эти два корпуса могли бы дѣйствовать соединенно».

Ольвіопольскому корпусу Дерфельдена было приказано остаться во воеводствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ для заведенія магазиновъ и удержанія въ повиновеніи жителей въ занятыхъ русскими земляхъ.

Одновременно съ движеніемъ молдавской арміи въ Польшу, рѣшено было двинуть въ Литву бѣлорусскую армію. 2-го (13-го) апрѣля состоялся высочайшій указъ, коимъ командованіе этой арміи было ввѣрено генералу Кречетникову и ему повелѣно сосредоточивать войско въ слѣдующихъ пунктахъ:

Главный корпусъ, подъ личнымъ предводительствомъ Кречетникова, долженъ былъ собраться при Полоцкѣ и, раздѣлившись на двѣ части, идти въ Гродно.

Въ то же время первый корпусъ долженъ былъ идти въ Вильно и, занявъ этотъ городъ, послать часть своего отряда на Ковно, а остальную часть разсѣять по Литвѣ, чтобы удержать жителей въ повиновеніи, лѣвый же корпусъ, собранный при Рогачевѣ, назначался въ помощь украинской арміи генерала Каховскаго. Онъ долженъ былъ идти форсированнымъ маршемъ чрезъ Слуцкъ, Слонимъ, сквозь лѣса и болота въ Волынь, гдѣ, занявъ выгоднѣйшія позиціи и пользуясь трудностью проходовъ, стараться отрѣзать польскія войска, находившійся въ Украйнѣ, и своимъ присутствіемъ ободрить и подкрѣпить населеніе Волынскаго воеводства, не сочувствовавшее конституціи 3-го мая.

Когда лѣвый флангъ литовской арміи примкнулъ бы такимъ образомъ къ украинской арміи, занявъ большую часть Польши и литовская конфедерація соединилась бы съ коронною, то Каховскій и Кречетниковъ, дѣйствуя совмѣстно, должны были двинуть одновременно большія силы къ Варшавѣ, «для занятія этой столицы и разогнанія скопища, собраннаго тамъ подъ именемъ сейма» [1]).

Таковъ былъ, въ главныхъ чертахъ, планъ, коимъ должны были

[1]) Рескрипты Екатерины Каховскому и Кречетникову. (Сборникъ ист. общ., т. 47, стр. 245, 256).

руководствоваться при вторженіи въ Польшу главнокомандующіе русскими силами.

Обоимъ генераламъ повелѣвалось избѣгать всякихъ насилій, «употреблять угрозы только тамъ, гдѣ они встрѣтятъ сопротивленіе и недоброхотство»; и даже въ томъ случаѣ, если бы они вынуждены были дѣйствовать оружіемъ и «силу отражать силою», имъ настоятельно предписывалось дѣйствовать осторожно и такъ, чтобы «начинъ», или, такъ сказать, первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ не ими, а непріятелемъ.

Хотя императрица и выражала желаніе, чтобы русская армія обращалась дружески съ мѣстнымъ населеніемъ, но оно должно было все же удовлетворять надобности войска, хотя при этомъ главнокомандующимъ повелѣвалось строго слѣдить за тѣмъ, чтобы размѣръ требуемаго провіанта и фуража не былъ обременителенъ для жителей. При этомъ православное населеніе повелѣвалось щадить болѣе другихъ, не показывая однако этого явно.

Конфедераты должны были вступить въ Польшу одновременно съ русской арміей, составляя какъ бы ея передовой отрядъ, если не въ матеріальномъ, то въ нравственномъ смыслѣ.

Покончивъ свои совѣщанія съ русскими министрами, подписавъ актъ конфедераціи и давъ присягу соблюдать его въ точности, Потоцкій, Ржевусскій и ихъ сотоварищи уѣхали изъ Петербурга на границу Польши.

Извѣщая Каховскаго рескриптомъ отъ 16-го (27-го) апрѣля 1792 г.[1]) о томъ, что «избранный по волѣ и предначертанію» ея генеральнымъ коронным маршаломъ конфедераціи генералъ-артиллеріи Потоцкій рѣшилъ отправить Злотницкаго въ Подольское воеводство, а Мощенскаго въ Брацлавское, для того чтобы расположить заблаговременно умы мѣстнаго населенія въ пользу конфедераціи, императрица повелѣвала главнокомандующему не только принять этихъ господъ «ласково и дружелюбно», но дать имъ всѣ зависящія отъ него пособія къ успѣшному выполненію возложеннаго на нихъ дѣла.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ, Екатерина увѣдомила генерала Кречетникова о томъ, что къ нему посылается на границу Литовскаго княжества генералъ-поручикъ Косаковскій, для составленія въ Литвѣ конфедераціи, и что онъ везетъ письма къ великому канцлеру литовскому князю Сапѣгѣ, къ епископу виленскому князю Масальскому и къ епископу инфляндскому Коссаковскому[2]).

---

[1]) Сборн. ист. общ., т. 47, стр. 275.

[2]) Рескриптъ М. Н. Кречетникову отъ 11-го (22-го) апрѣля 1792. (Тамъ же, стр. 270).

«Перваго изъ сихъ,—писала императрица,—мы назначемъ въ маршалы генеральной литовской конфедераціи и поручили генералу Косаковскому учинить ему о томъ формальное предложеніе... двухъ же послѣднихъ приглашаемъ участвовать въ семъ предпріятіи и оному споспѣшествовать зависящими отъ нихъ способами».

Одновременно съ этимъ рескриптомъ Екатерина препроводила Кречетникову присланный ей Булгаковымъ изъ Варшавы списокъ «полякамъ, живущимъ въ Польшѣ и княжествѣ Литовскомъ», на которыхъ, по мнѣнію посланника, можно было разсчитывать и ожидать отъ нихъ единомыслія и содѣйствія, и которыхъ можно было поэтому опредѣлять къ разнымъ должностямъ при собираемой конфедераціи.

Булгаковъ насчитывалъ 15 сенаторовъ и 36 пословъ сеймовыхъ, которые открыто высказывали свое неодобреніе майской конституціи, и 19 сенаторовъ и 20 пословъ, которые были недовольны ею, но выжидали удобнаго момента выказать свои чувства. Какъ видимъ, число этихъ лицъ было невелико, но императрица не создавала себѣ никакихъ иллюзій и считала, что партія конфедератовъ состояла всего изъ 15—16 человѣкъ, такъ какъ единомышленники ихъ были подавлены господствующей силой и не въ состояніи что-либо предпринять; впрочемъ, она допускала, что можно было разсчитывать, что со вступленіемъ въ Польшу русскихъ войскъ къ нимъ присоединятся недовольные конституціей 3-го мая, преимущественно изъ числа шляхты воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Подольскаго. Не желая пренебречь ничѣмъ, чтобы набрать себѣ сторонниковъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, императрица приказала гр. Безбородко приготовить съ этой цѣлью и послать Булгакову письма къ великому коронному канцлеру Малаховскому, къ надворному маршалу Рачинскому, къ кастеляну винницкому Ожаровскому и къ воеводѣ серадскому Валевскому, изъ коихъ первые три издавна были преданы Россіи, а Валевскій всегда заявлялъ о своемъ сочувствіи прежней конституціи. Хотя, разумѣется, нельзя было сказать, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ непремѣнно примкнетъ къ конфедераціи.

Бо́льшаго результата императрица ожидала отъ писемъ, посланныхъ чрезъ Косаковскаго въ Литву къ епископамъ виленскому и инфлянтскому.

Небольшая горсть людей, составившихъ конфедерацію, была, конечно, слишкомъ слаба, чтобы дѣйствовать сами по себѣ. Только, при помощи русскихъ войскъ, которыя должны были войти въ Польшу съ разныхъ сторонъ, и при матеріальной поддержкѣ со стороны Россіи эта партія могла пріобрѣсти ту устойчивость, которая необходима для представительной корпораціи.

Императрица вполнѣ понимала это и приказала на удовлетвореніе

*

особыхъ нуждъ конфедераціи, въ особенности первое время, ассигновать и выдать Каховскому 300.000 и Кречетникову 200.000 рублей, которыми они были уполномочены располагать по востребованію со стороны маршаловъ конфедераціи и для продовольствія и содержанія польскихъ войскъ, которыя присоединятся къ конфедераціи, а также для привлеченія на сторону русскаго войска бѣднѣйшихъ жителей Польши и польскаго войска, державшаго сторону новой конституціи.

Екатерина предвидѣла, что съ конфедератами будетъ много хлопотъ, и что для преданія ихъ дѣйствіямъ законной силы недостаточно будетъ одной военной опоры, а придется прибѣгнуть и къ другимъ средствамъ, какъ-то: къ сношеніямъ и перепискѣ съ тѣми изъ поляковъ, которыхъ надо будетъ привлечь на сторону Россіи по причинѣ ихъ вліянія на народъ въ провинціяхъ или съ пограничнымъ начальствомъ сосѣднихъ державъ, или, наконецъ, съ главными членами конфедераціи, и поэтому императрица сочла нужнымъ дать въ помощь генералу Каховскому, которому она довѣрила не только командованіе войсками, но и руководство политическими операціями,—человѣка, котораго способности и привычка къ такого рода дѣламъ были бы ручательствомъ успѣха.

Выборъ палъ на дѣйствительнаго статскаго совѣтника барона Бюллера, который былъ извѣстенъ императрицѣ своимъ усердіемъ и дарованіями, къ которымъ присоединялась та заслуга, что онъ долго служилъ и частью по дѣламъ Польши, подъ начальствомъ князя Гр. Ал. Потемкина-Таврическаго.

Польскіе паны не предчувствовали, какія предосторожности были приняты по отношенію ихъ императрицей, и не подозрѣвали той роли, которую она предназначала имъ играть.

Уже такія фразы, встрѣчавшіяся въ рескриптахъ, какъ напр. «избранный по волѣ и предназначенію нашему генеральнымъ маршаломъ коронной конфедераціи, артиллеріи генералъ Потоцкій», или «великаго канцлера литовскаго князя Сапѣгу мы назначаемъ въ маршалы генеральной литовской конфедераціи» [1]), ясно показывали Каховскому и Кречетникову, какъ относилась императрица къ небольшой кучкѣ людей, которые воображали, что они будутъ главными дѣйствующими лицами въ этомъ дѣлѣ и что оно доставитъ Екатеринѣ только славу безкорыстной возстановительницы республиканскихъ учрежденій.

Тактика императрицы по отношенію къ этимъ людямъ выразилась еще яснѣе въ инструкціи, данной 19-го (30-го) апрѣля дѣйстви-

---

[1]) Рескрипты отъ 16-го (27-го) апрѣля М. В. Каховскому и 11-го (22-го) апрѣля 1792 г. М. Н. Кречетникову (Сборн. ист. общ., т. 47, стр. 275—276).

тельному статскому совѣтнику барону Бюллеру при назначеніи его состоять при генеральной коронной конфедераціи.

«Достоинство императрицы не позволяетъ ей», — говорилось въ этой инструкціи,—«придать дѣятельности барона Бюллера какой-либо оффиціальный характеръ, какъ это обыкновенно дѣлается въ сношеніяхъ съ самостоятельными и признанными державами; но такъ какъ все-таки необходимо, чтобы онъ имѣлъ какой-нибудь явный знакъ довѣрія ея величества императрицы, ему будетъ дано письменное удостовѣреніе съ приложеніемъ собственной ея величества печати, которое и послужитъ ему для утвержденія въ полномочіи относительно конфедераціи».

Съ того момента, когда конфедерація вступитъ подъ охраною русскаго войска въ Польшу, барону Бюллеру повелѣвалось находиться при конфедератахъ безотлучно, за исключеніемъ того времени, когда онъ долженъ будетъ выѣхать для свиданія съ генераломъ Каховскимъ.

Главное его дѣло должно было состоять въ томъ, чтобъ наблюдать за дѣйствіями конфедератовъ и направлять ихъ цѣли сообразно съ желаніями императрицы.

Барону Бюллеру поручено было сообщить генералу Каховскому декларацію, которую Булгакову было повелѣно передать варшавскому правительству отъ имени императрицы, а также актъ конфедераціи и письмо, поданное Екатеринѣ польскими панами съ просьбою о помощи.

«Эти документы съ заключающимися въ нихъ мотивами и аргументами должны были служить ему руководствомъ и темой во всѣхъ объясненіяхъ съ поляками изустно или письменно».

На обязанности Бюллера лежало, послѣ открытія правильныхъ засѣданій конфедераціи, удалять изъ нихъ злоупотребленія всякаго рода, на которыя могли бы покуситься нѣкоторые члены общества въ видахъ своего личнаго интереса или мщенія, или вліянія какихъ-либо страстей. Особенное вниманіе повелѣвалось ему обратить на то, чтобъ налоги, взимаемые съ воеводствъ и уѣздовъ, покорныхъ конфедераціи, были распредѣлены съ умѣренностью и справедливостью, не вымогались бы черезъ силу и находились подъ контролемъ и присмотромъ конфедераціи.

Эта статья требуетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, — говорилось въ инструкціи,—что начальники конфедеративныхъ войскъ уже требовали права самимъ собирать налоги, назначенные на содержаніе командуемыхъ ими войскъ. Въ случаѣ, если бы объ этомъ снова зашла рѣчь, Бюллеръ долженъ былъ вмѣстѣ съ маршаломъ конфедераціи отвергнуть вновь это требованіе. Вообще, онъ долженъ былъ, ссылаясь на

непремѣнную волю императрицы, входить съ представленіями во всѣхъ случаяхъ, гдѣ понадобилось бы поддержать порядокъ и повиновеніе, предписанные правилами конфедеративнаго сейма, въ чемъ его долженъ былъ поддерживать графъ Потоцкій, «добродѣтельный гражданинъ, не имѣвшій другой цѣли, кромѣ блага отечества, и достойный довѣрія во всѣхъ отношеніяхъ».

Баронъ Бюллеръ долженъ былъ съ полной откровенностью условиться съ нимъ на счетъ всѣхъ дѣйствій, клонившихся къ сохраненію порядка въ нѣдрахъ конфедераціи, или къ расширенію и распространенію ея, сообразуясь съ совѣтами графа Потоцкаго, относительно сношеній съ особами, которыхъ нужно было привлечь въ конфедерацію, или относительно перемѣщенія русскихъ войскъ съ одного пункта на другой. Въ этомъ случаѣ онъ былъ обязанъ сообщать изустно или письменно свои предположенія генералу Каховскому, которому было повелѣно принимать къ исполненію всѣ его представленія, имѣвшія цѣлью съ одной стороны положительную пользу, а съ другой не представлявшія какихъ-либо неудобствъ.

Настоящая миссія и дѣятельность барона Бюллера должна была начаться лишь съ момента соединенія литовской конфедераціи съ коронной, а для того, чтобы онъ могъ достигнуть результатовъ, предположенныхъ императрицей, ему было подробно объясненъ ея взглядъ на дѣло.

«Главная цѣль Россіи — возстановленіе въ Польшѣ прежняго свободнаго правленія, счастливо сходится съ желаніемъ, по крайней мѣрѣ, трехъ четвертей населенія самой этой націи», — говорилось въ его инструкціи. Этотъ обоюдный интересъ Россіи и Польши состоитъ въ томъ, чтобы разрушить то, что совершено 3-го мая.

«Это есть единственная цѣль настоящей конфедераціи и содѣйствія, какимъ удостоиваетъ ее императрица. Несомнѣнно, что замѣтная перемѣна, произведенная временемъ въ нравахъ, взглядахъ и характерѣ польской націи, не допускаетъ ее искать въ примѣрѣ древнихъ республикъ образца правленія, которому она стала бы подражать, при томъ болѣе современные законы, принятые въ 1768 и 1775 г., были не столько дурны и недостаточны сами по себѣ, сколько по тому, что въ нихъ вкрались неточности и злоупотребленія. Поэтому ея величество думаетъ, что, возстановивъ часть этихъ законовъ и упрочивъ ихъ возобновленіемъ прежняго равновѣсія, существовавшаго между властями государства, не трудно будетъ согласить ихъ съ цѣлью, предположенною ею и тѣми изъ поляковъ, которые просили ея покровительства».

Поэтому обязанностью барона Бюллера было постоянно имѣть въ виду

23 статьи будущей польской конституціи и не допускать ничего, что было бы несогласно съ ними.

Но между этими статьями, были и такія, которыя не вполнѣ согласовались съ видами нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ конфедераціи; такова, между прочимъ, была статья, касающаяся отмѣны налоговъ, которая «косвенно возставала противъ умноженія арміи, опредѣленнаго декретомъ послѣдняго сейма..... «Было бы неумѣстно,—говорилось въ инструкціи,—пожертвовать тщеславію этихъ лицъ или другому какому-нибудь, можетъ быть, еще болѣе предосудительному мотиву самымъ существеннымъ пунктомъ, необходимымъ для благосостоянія республики и спокойствія ея сосѣдей. Съ другой стороны, нѣкоторые воспротивятся, можетъ быть, увеличенію власти, присвоенной этимъ самымъ начальникамъ. Но такъ какъ этотъ пунктъ не такъ важенъ, какъ предыдущій, то можно будетъ согласиться на нѣкоторыя измѣненія, въ особенности относительно раздачи жалованья войскамъ, которое можно будетъ поручить въ другія руки, лишь бы только главная цѣль, ограничить власть короля властью начальниковъ войскъ,—была достигнута».

Такъ какъ проектъ новой конституціи, который долженъ былъ обсуждаться на совѣщаніяхъ конфедератовъ, долженъ былъ подходить какъ можно болѣе къ принципамъ прежнихъ договоровъ, заключенныхъ между Россіей и Польшею и къ намѣченнымъ въ Петербургѣ 23 пунктамъ будущей конституціи, то Бюллеру повелѣвалось, если онъ замѣтитъ отступленіе отъ этихъ принциповъ, то чтобы онъ старался направить умы, «дѣйствуя то убѣжденіемъ, то принимая властительный тонъ», на который онъ имѣлъ право, какъ довѣренное лицо императрицы.

Вообще, онъ долженъ былъ знать, что «характеръ поляковъ состоитъ изъ смѣси хвастовства, изворотливости и лукавства, которому надо противопоставлять твердость, ловкость и благоразумное недовѣріе».

Вслѣдствіе этого ему повелѣвалось быть постоянно насторожѣ, слѣдить за дѣйствіями конфедератовъ, за ихъ отношеніями между собою и за ихъ перепиской съ друзьями, «чтобы быть въ состояніи остановить во-время уклоненія, которымъ они могли предаться».

Онъ долженъ былъ стараться излѣчить ихъ «отъ предразсудковъ, которыми многіе были заражены противъ гарантіи, установленной предшествующими трактатами между Россіей и республикой», и вести дѣло такъ, чтобы они сами просили объ этой гарантіи и приняли ее для новой конституціи, которую они себѣ выработаютъ».

Изъ вышеприведенной инструкціи видно, что на барона Бюллера была возложена обязанность не только наблюдать за конфедератами, но опекать ихъ и направлять ихъ дѣйствія согласно волѣ и желаніямъ императрицы, въ рукахъ которой они являлись такимъ образомъ лишь

орудіемъ для достиженія намѣченныхъ ею цѣлей. По мѣрѣ надобности Бюллеру было повелѣно посылать въ Петербургъ «аккуратныя донесенія» и вести въ то же время послѣдовательную переписку съ Булгаковымъ, для чего коллегія иностранныхъ дѣлъ снабдила его шифромъ, такъ какъ всѣ его дѣйствія должны были держаться въ величайшей тайнѣ.

Участіе шляхты, присоединившейся къ конфедераціи, въ достиженіи цѣлей, намѣченныхъ императрицею, было по ея мнѣнію желательно, но не составляло безусловной необходимости.

«Военныя силы, коими мы располагаемъ,—писала она Бюллеру,—служатъ достаточнымъ ручательствомъ успѣха въ нашемъ предпріятіи».

7-го (18-го) мая Булгаковъ передалъ польскимъ министрамъ декларацію о вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу и «два русскихъ Сципіона» (какъ ихъ назвалъ Завадовскій) [1]: Каховскій и Кречетниковъ, начали военныя дѣйствія, первый съ 64.000, а второй съ 32.000 арміей.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) «Для поглощенія Польши идутъ два новые россійскіе Сципіоны: Каховскій и Кречетниковъ», писалъ Завадовскій графу С. Р. Воронцову 14-го (25-го) мая 1792 г. (Архивъ кн. Воронцова, т. XII, стр. 79).

И. С. Тургеневъ въ Берлинскомъ университетѣ.

(1838—40 гг.).

Чѣмъ было то «нѣмецкое море», въ которое «бросился внизъ головою» И. С. Тургеневъ въ концѣ 30-хъ годовъ? Чѣмъ было оно въ то время, когда русская молодежь съ особенной силой начала стремиться туда, подобно древнимъ славянамъ, искавшимъ начальниковъ у заморскихъ варяговъ, по выраженію того же Тургенева?

Іюльская революція 1830 года, взволновавшая западно-европейское общество, возбудившая надежды однихъ и напугавшая другихъ, вызвала сильную реакцію въ Германіи, особенно въ Прусскомъ королевствѣ. Реакція эта, объявивъ походъ противъ всего французскаго, противъ всѣхъ ученій и взглядовъ, исходившихъ изъ «очага всякаго нечестія», достигла вполнѣ своихъ результатовъ во второй половинѣ 30-хъ годовъ. Все протестующее, недовольное притаилось по уголкамъ, скрываясь отъ зоркихъ глазъ полиціи, и только такъ называемая «молодая Германія» нарушала общую благопристойную тишину своей критикой общественной жизни, не выступая, впрочемъ, изъ границъ тѣсной литературной партіи и не касаясь прямо щекотливыхъ вопросовъ политики.

Мудрено было идеализировать дѣйствительность, окрашенную въ такія сѣренькія краски. Но прогрессъ нѣмецкой науки и философіи, прогрессъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательный для того времени, могъ вызвать сочувственное отношеніе къ германскому міру 30-хъ годовъ; и нигдѣ это сочувствіе не выразилось столь горячо и сильно, какъ у насъ въ Россіи. Журналъ «Московскій Наблюдатель», ставшій въ 1838 году органомъ молодыхъ русскихъ писателей и ученыхъ, стремившихся къ германской наукѣ и германской философіи, такъ выра-

жалъ свои симпатіи къ Пруссіи и ея столицѣ: «Пруссія есть государство протестантское и потому по преимуществу германское, и такъ какъ оно при томъ еще и самое могущественное изъ германскихъ государствъ, слѣдовательно, оно сосредоточиваетъ въ себѣ, такъ сказать, всѣ нравственныя силы Германіи и есть представитель ея народнаго духа. Высокая образованность прусскаго народа, могущая служить образцомъ всей Европѣ, и просвѣщенное покровительство ея правительства наукѣ были также причиною утвержденія въ Берлинскомъ университетѣ германскаго просвѣщенія. Лучшимъ этому доказательствомъ можетъ служить то, что въ этотъ университетъ перешла изъ Іены, въ лицѣ великаго Гегеля, новѣйшая философія и оттуда осіяла своими свѣтозарными лучами всю Германію». Такъ выражался журналъ, гдѣ сотрудничалъ рядомъ съ Бѣлинскимъ Константинъ Аксаковъ, рядомъ съ Бакунинымъ—Катковъ. Такое почти восторженное отношеніе къ Пруссіи исключало, конечно, возможность вліянія «молодой Германіи» на русское общество, и тотъ же журналъ свысока отнесся къ «этой смѣшной юной Германіи, которая хотѣла передѣлать свое умное отечество по своимъ дѣтскимъ фантазіямъ» [1]).

Ни въ одной странѣ, повторяемъ, не проявлялось такъ много симпатій къ Пруссіи 30-хъ годовъ, какъ у насъ. Кромѣ общихъ причинъ тутъ дѣйствовала и спеціальная: русское правительство поощряло интересъ въ нашей молодежи къ «умному отечеству» тогдашнихъ нѣмцевъ, особенно къ Берлину. Пруссія была въ то время передовымъ бойцомъ противъ вѣчно волнующейся, либеральной Франціи, и въ Берлинѣ вплоть до 1848 г. сочинялись проповѣди, выходили ученые трактаты, создавались философіи и искусство для борьбы съ французскимъ «нечестіемъ». Борьба эта велась и представителями власти, и церковными проповѣдниками, и профессорами, и художниками [1]). Король Фридрихъ-Вильгельмъ III, освобожденный Россіей отъ цѣпей Наполеона, былъ на положеніи почти вассала императора Николая I. Подъ крылышкомъ прусскаго короля, въ стѣнахъ консервативнѣйшаго изъ университетовъ нечего было бояться ни вліянія «изувѣра Дидерота», ни системы Сенъ-Симона, ни уже выступавшей на литературномъ горизонтѣ Жоржъ-Зандъ.

Берлинъ конца 30-хъ годовъ, конечно, не представлялъ ничего подобнаго тому, что видимъ теперь въ столицѣ Германской имперіи съ ея полуторамилліоннымъ населеніемъ. Даже въ 1847 г. Тургеневъ характеризовалъ прусскую столицу весьма сдержанно: «что прикажете сказать о городѣ, гдѣ встаютъ въ 6 часовъ утра, обѣдаютъ въ 2 и ло-

---

[1]) „Жизнь и труды Погодина". Н. Барсукова V, 136 и 149.

[2]) Авненковъ „Воспом. и критич. очерки". III, 58—61.

жатся спать гораздо прежде куриц, о городѣ, гдѣ въ 10 часовъ вечера одни меланхолическіе и нагруженные пивомъ ночные сторожа скитаются по пустымъ улицамъ, да какой-нибудь буйный и подгулявшій нѣмецъ идетъ изъ «тиргартена» и у Бранденбургскихъ воротъ тщательно гаситъ свою сигарку, ибо «нѣмѣетъ передъ закономъ». Шутки въ сторону, Берлинъ до сихъ поръ еще не столица, по крайней мѣрѣ, столичной жизни въ этомъ городѣ нѣтъ и слѣда, хотя вы, побывши въ немъ, все-таки чувствуете, что находитесь въ одномъ изъ центровъ или фокусовъ европейскаго движенія. Наружность Берлина не измѣнилась съ 40 года (одинъ Петербургъ растетъ не по днямъ, а по часамъ), но большія внутреннія перемѣны совершились» [1]).

Въ концѣ 30-хъ годовъ Берлинъ былъ въ сущности бѣднымъ городомъ, хотя и старался придать себѣ подобіе большой резиденціи и важнаго политическаго центра. Въ научномъ отношеніи онъ, однако, стоялъ высоко, и молодой еще совсѣмъ университетъ его (основанъ въ 1810 году) пользовался тогда заслуженной извѣстностью. Достаточно назвать въ числѣ его профессоровъ хотя бы Риттера, Ранке, Савиньи, чтобы оцѣнить все значеніе Берлина для молодыхъ русскихъ, пріѣзжавшихъ туда учиться.

И. С. Тургеневъ выѣхалъ изъ Россіи въ маѣ 1838 года на томъ самомъ пароходѣ, который сгорѣлъ у Мекленбургскихъ береговъ. Несчастье это, описанное имъ въ его предсмертномъ разсказѣ «Пожаръ на морѣ», прошло для него совершенно благополучно, и Тургеневъ, высадившись на берегъ, черезъ Любекъ и Гамбургъ прибылъ въ Берлинъ, гдѣ поступилъ въ число студентовъ университета. Въ слѣдующемъ 1839 году Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ на лѣто въ деревню своей матери, конецъ года провелъ въ Петербургѣ и въ началѣ 1840 г. вновь поѣхалъ за границу. Мартъ, апрѣль и почти весь май прожилъ въ Римѣ; въ концѣ послѣдняго мѣсяца заглянулъ въ Неаполь и черезъ Геную и Швейцарію прибылъ снова въ Берлинъ въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, гдѣ продолжалъ свои занятія еще полгода. По крайней мѣрѣ въ его черновыхъ бумагахъ сохранилась запись, что новый 1841 годъ Тургеневъ встрѣчалъ еще въ столицѣ Пруссіи («1 jan. 1841 à Berlin; retour en Russie на Александрѣ»). Университетскій дипломъ его подписанъ былъ 18-го ноября 1840 г. (D. Berolini, d. XVIII mens. Novembr. MDCCCXL) [2]).

Путешествіе по Швейцаріи не касается прямо нашей задачи, но мы остановимся на немъ минуту въ виду почти полнаго незнакомства

---

[1]) „Современникъ“ 1847 г. кн. 3. „Письма изъ Берлина“.

[2]) Эта дата списана нами съ подлиннаго диплома, находившагося въ Спасскомъ.

читающей публики съ этимъ фактомъ біографіи Тургенева. Объ этомъ путешествіи онъ впослѣдствіи разсказывалъ такъ: «Въ Швейцаріи я купилъ себѣ блузу, ранецъ, палку, взялъ карту и отправился пѣшкомъ въ горы, не нанявъ себѣ даже гида. Это, впрочемъ, привело къ тому, что путешествіе мое обошлось весьма и весьма недорого и было не въ примѣръ пріятнѣе. Въ Швейцаріи обыкновенно всѣ интересныя мѣста ограждены загородками, и чтобы пройти за нихъ, надо всегда что-нибудь платить, а такъ какъ я представлялъ изъ себя простаго пѣшехода, а не иностраннаго туриста, то меня всюду пропускали безплатно. Въ гостиницахъ, въ то время какъ наверху какой-нибудь англичанинъ платилъ за обѣдъ вдвое и втрое дороже, я ѣлъ внизу то же самое, но за какой-нибудь одинъ или полтора франка, при чемъ подавали мнѣ обѣдъ скорѣе, чѣмъ богачу-англичанину» [1]). Замѣчательно, что это путешествіе по Швейцаріи, первое и послѣднее въ жизни Тургенева, не оставило никакихъ слѣдовъ въ его произведеніяхъ, если не считать нѣсколькихъ строчекъ въ разговорѣ между Юнгфрау и Финстераргорномъ, украшающемъ его «Стихотворенія въ прозѣ». Нельзя же приписывать это равнодушіе къ горной природѣ невысокому мнѣнію Тургенева о швейцарцахъ, которыхъ онъ назвалъ разъ въ письмѣ къ Флоберу (30-го іюня 1874 г.) «самымъ утомительно-скучнымъ и бездарнымъ народомъ». Все это тѣмъ болѣе неожиданно, что мимолетное посѣщеніе Иваномъ Сергѣевичемъ по пути изъ Рима въ Швейцарію озера Лаго-Маджіоре съ его isola bella породило превосходную главу (14-ую) въ «Призракахъ». Поѣздка въ Неаполь вспоминалась имъ въ XII письмѣ (ночное катанье по заливу) разсказа «Переписка» и въ томъ мѣстѣ поэмы «Параша», гдѣ дается описаніе неаполитанскаго лѣта, приведшее въ восторгъ Бѣлинскаго:

„Прежаркій день... но вовсе не такой,
Какихъ видалъ я на далекомъ югѣ“... и т. д.

Короткое пребываніе въ Сорренто послужило, между прочимъ, матеріаломъ для его «Трехъ встрѣчъ», если не считать его драматическаго отрывка «Вечеръ въ Сорренто».

Пріѣзжавшіе въ Берлинъ молодые русскіе устраивались тамъ, въ общемъ, очень хорошо. Они пользовались такимъ вниманіемъ и довѣріемъ, что даже наши остзейцы въ Германіи называли себя не нѣмцами, а все русскими. Въ Берлинѣ въ то время публика вмѣстѣ съ королемъ сочувственно относилась къ Россіи, т. е. къ оффиціальной Россіи, и прежде всего къ русскому императору. Портретъ его, сдѣланный Крогеромъ (въ серединѣ 30-хъ годовъ) и изображавшій въ нату-

[1]) „Русская Старина“, 1883 г., окт. 206.

ральную величину государя и всю его свиту верхами, былъ выставленъ напоказъ, и вокругъ него всегда толпилась публика, и слышались хвалебные отзывы объ осанкѣ, о мужественной твердости, о семейныхъ его добродѣтеляхъ и проч. Пироговъ, отмѣчая всѣ эти факты въ своихъ воспоминаніяхъ, пишетъ въ заключеніе: «Не могу еще не упомянуть о неслыханномъ мною кредитѣ, которымъ пользовались въ то время мы, русскіе, у нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ. Мнѣ покоя не давалъ одинъ портной, отпустившій всѣмъ новаго платья въ кредитъ на нѣсколько тысячъ талеровъ. Этотъ портной, и вмѣстѣ содержатель магазина, непремѣнно хотѣлъ, чтобы и я у него заказалъ въ долгъ платья, хотя бы сотни на двѣ талеровъ; книжный продавецъ отпускалъ мнѣ также въ кредитъ на нѣсколько сотъ талеровъ различныхъ книгъ и журналовъ. Время уплаты долга не опредѣлялось; векселя и гарантій никакихъ не требовалось»... Довольно замѣтное охлажденіе, даже враждебное отношеніе къ Россіи стало появляться въ Пруссіи лишь послѣ 1840 года, съ воцареніемъ Фридриха-Вильгельма IV.

Изъ числа профессоровъ, лекціи которыхъ слушалъ Тургеневъ въ Берлинѣ, впослѣдствіи часто вспоминалъ онъ Вердера, «при одномъ имени котораго воодушевлялись» слушатели, особенно русскіе. Онъ объяснялъ философію Гегеля. «Съ благоговѣніемъ» слушалъ Иванъ Сергѣевичъ Стеффенса, защитника спекулятивнаго направленія въ естествознаніи, любившаго касаться вопросовъ времени съ религіозно-философской точки зрѣнія. Чтенія Шталя остались памятны Тургеневу особенно потому, что на нихъ студенты иной разъ «съ ожесточеніемъ шикали». Шталь, философъ-піэтистъ и одинъ изъ будущихъ основателей газеты Kreuz-Zeitung, излагалъ тогда основанія, необходимыя для осуществленія истинно-христіанскаго государства, нигдѣ еще не достигшаго вполнѣ своего настоящаго типа. Кромѣ того, Тургеневъ слушалъ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бока, посѣщалъ лекціи исторіи Ранке и сравнительнаго землевѣдѣнія Риттера. О лекціяхъ послѣдняго онъ такъ отзывался позднѣе въ одномъ изъ писемъ къ Ханыкову (1871 г. 29-го дек.): «О Риттерѣ я могу сказать вамъ слѣдующее. Я слушалъ его въ Берлинѣ въ зимній семестръ съ 38 на 39 годъ. Онъ вмѣстѣ съ Гансомъ [1]), скоро потомъ умершимъ, считался самымъ краснорѣчивымъ преподавателемъ въ ту эпоху Берлинскаго университета. Слушателей у него было очень много и не между одними студентами; приходили и офицеры, и чиновники, и даже дамы. Онъ читалъ въ одной изъ самыхъ большихъ аудиторій. Наружность его была замѣчательно почтенная и важная; массивная голова,

[1]) Эд. Гансъ (1797—1839), юристъ школы Гегеля, противникъ исторической школы Савиньи.

правильныя черты, высокій лобъ, выразительные большіе глаза и сочный, звучный, пріятный голосъ внушали невольное уваженіе; а плавная, спокойная и въ то же время картинная, колоритная рѣчь увлекала неотразимо и лилась безостановочно, какъ рѣка! Я никогда не видывалъ болѣе изящнаго профессора, изящнаго безъ всякой приторности, величаваго безъ напыщенности. Кстати о его голосѣ: Риттеръ былъ уже старъ въ 1838 году и потерялъ нѣсколько зубовъ; но подобнаго голоса я на каѳедрѣ тоже не слыхивалъ. (Особенно выдавался онъ послѣ птичьяго свиста Ранке, шепеляваго мурлыканья А. Бока и допотопнаго мычанья Цумпта, его современниковъ). Много-ли выносили слушатели фактическихъ знаній изъ его лекцій, и насколько онѣ были научно-серьезны — это другой вопросъ; но онъ несомнѣнно умѣлъ возбудить интересъ къ географіи, предѣлы которой онъ расширилъ, успѣлъ заставить полюбить ее, не считать ее болѣе сухимъ перечнемъ рѣкъ, горъ, лѣсовъ и т. п.» [1]).

Никто, впрочемъ, такъ сильно не дѣйствовалъ на Тургенева, какъ Вердеръ, тогда еще совсѣмъ молодой профессоръ (род. въ 1806 г.). Хорошо знакомый тогдашней образованной молодежи русской, учившейся въ Берлинѣ, Вердеръ былъ, по словамъ Анненкова, типомъ добродѣтельнаго, довѣрчиваго, дѣтски-чистаго нѣмецкаго ученаго. Съ большимъ жаромъ объясняя и комментируя логику Гегеля, онъ безпрестанно прибѣгалъ къ цитатамъ изъ 2-й части «Фауста» и отвлеченнымъ формуламъ учителя старался сообщить жизнь и поэзію, возводя ихъ до нравственныхъ правилъ, связывая съ ними достоинство человѣка и эстетическое воспитаніе его. Вотъ какъ отзывался о немъ его близкій другъ Станкевичъ: «Профессоръ Вердеръ рѣдкій молодой человѣкъ, наивный, какъ ребенокъ. Кажется, на цѣлый міръ смотритъ онъ, какъ на свое помѣстье, въ которомъ добрые люди безпрестанно готовятъ ему сюрпризы. Его бесѣды имѣютъ спасительное вліяніе, всѣ предметы невольно принимаютъ тотъ свѣтъ, въ которомъ онъ ихъ видитъ, и становится самому лучше, и самъ становишься лучше» [2]).

«Я занимался философіей, древними языками, исторіей,—разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ про то время, — и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера. Въ доказательство того, какъ недостаточно было образованіе, получаемое въ то время въ нашихъ высшихъ заведеніяхъ, приведу слѣдующій фактъ: я слушалъ въ Берлинѣ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бока, а на дому принужденъ былъ зубрить латинскую грамматику и греческую, которыя зналъ плохо. И я былъ не изъ худ-

---

[1]) «Ежемѣсячн. сочин.» 1891 г., дек. 312.

[2]) Анненковъ. „Воспом. и крит. очерки". III, 354.

шихъ кандидатовъ». Слова о недостаточной подготовкѣ Тургенева нельзя, однако, понимать въ томъ смыслѣ, что Петербургскій университетъ не далъ ему знанія даже грамматики. Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ въ виду основательность изученія, отсутствіе поверхностности, торопливаго всезнайства, столь распространеннаго въ нашемъ обществѣ, что̀ онъ позднѣе и заклеймилъ устами Потугина въ «Дымѣ»: «Статейку настрочить объ историческомъ и современномъ значеніи пролетаріата въ главныхъ городахъ Франціи—это тоже мы можемъ, а попробовалъ я какъ-то предложить одному такому сочинителю и политико-эконому назвать мнѣ двадцать городовъ въ этой самой Франціи, такъ знаете-ли, что изъ этого вышло? Вышло то̀, что политико-экономъ, съ отчаянія, въ числѣ французскихъ городовъ назвалъ, наконецъ, Монфермейль, вспомнивъ, вѣроятно, польдекоковскій романъ». Кромѣ того, признанія Тургенева касаются болѣе всего филологическаго факультета, недостатки котораго замѣчаемы были даже питомцами другихъ факультетовъ того же университета, не побывавшими за границей. Такъ, В. В. Григорьевъ (оріенталитъ), сравнивая результаты научной подготовки филологовъ съ таковыми же у студентовъ восточнаго отдѣленія, высказалъ, въ сущности, ту же мысль Ивана Сергѣевича: «Можно сидѣть за умственною работою съ ранняго утра до поздняго вечера и все-таки не научиться путно ничему, остаться ученикомъ навѣки безъ всякой возможности выйти въ мастера. Стоитъ только для этого, какъ многіе и дѣлаютъ, приняться за работу съ конца, т. е. усвоить себѣ послѣдніе результаты науки, и потомъ «слѣдить за успѣхами ея», читая тьму журналовъ и обозрѣній. Этимъ способомъ ученость пріобрѣтается очень скоро, и при томъ ученость эффектная, блистательная; жаль только, что она, какъ все фальшивое, непрочна и, какъ все лишенное внутренней жизни, непроизводительна. Мы (студенты восточнаго отдѣленія) работали иначе: насъ заставляли учиться съ начала, съ азбуки, и шагъ за шагомъ проходить весь процессъ основательнаго пріобрѣтенія свѣдѣній, со всѣми его трудностями, учили бороться съ ними безъ отдыха и побѣждать. Въ дѣлѣ воспитанія важно не то, чему учить, а какъ учить» [1]).

Но изъ Тургенева не вышелъ и сухой собиратель знаній. Послѣднія не были для него простымъ балластомъ памяти. Отъ такой инертности его прежде всего спасало усиленное занятіе философіей Гегеля съ ея широкими обобщеніями, съ ея строго логическими построеніями. Да и поэтическая натура Ивана Сергѣевича никогда не допустила бы такой односторонности. Вотъ почему съ нимъ могъ произойти такой, напримѣръ характерный случай, записанный Фетомъ. Разъ на охотѣ (въ 1859 г.) Иванъ Сергѣевичъ шутливо потребовалъ отъ него названій пяти пор-

[1]) «В. В. Григорьевъ» Н. И. Веселовскаго, стр. 12.

тугальскихъ городовъ, кромѣ Лиссабона. «Только пяти, настойчиво прибавлялъ онъ. Назвавъ Опорто и Коимбру, я было сталъ втупикъ», разсказываетъ Фетъ: «но вдругъ вспомнилъ урокъ изъ Арсеньевской Географіи, и языкъ мой машинально пролепеталъ: Тавиро, Фаро и Лагосъ, портовые города.—«Ха-ха-ха! вынужденно захохоталъ Тургеневъ,—какой ужасный вздоръ».—«Очень жаль, что вы ихъ не знаете»,—сказалъ я, надѣясь на своего Арсеньева, какъ на каменную гору. Тургеневъ досталъ памятную книжку и записалъ города. «Хотите пари?» —«Пожалуй, отвѣчалъ я, на бутылку шампанскаго!»—«Нѣтъ, фальцетомъ протянулъ Тургеневъ: я хочу пробрать васъ хорошенько,—на дюжину шампанскаго!»—«Это значило бы пробрать васъ!»—«Знаемъ мы эти штуки! воскликнулъ Тургеневъ: это незнаніе въ одеждѣ великодушія». Мы ударили по рукамъ. На другой день Тургеневъ, подходя ко мнѣ въ билліардной со старой книжкой въ рукахъ, сказалъ: «А вѣдь шампанское-то я проигралъ, вѣдь вотъ они въ самомъ дѣлѣ, эти нелѣпые города» [1]). Иванъ Сергѣевичъ потому и высказалъ столь рѣшительно сомнѣніе въ знакомствѣ Фета съ географіей Португаліи, что ему, конечно, не могло придти въ голову, чтобы дѣйствительныя знанія пріобрѣтались, напримѣръ, запоминаніемъ трехъ незначительныхъ городовъ съ опущеніемъ десятка болѣе крупныхъ и важныхъ.

Насколько прочны были знанія, пріобрѣтенныя Тургеневымъ въ Берлинскомъ университетѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что Иванъ Сергѣевичъ до конца своей жизни свободно читалъ и любилъ читать римскихъ авторовъ въ подлинникѣ и могъ писать чуть не цѣлыя посланія друзьямъ на латинскомъ языкѣ; но онъ не былъ, конечно, столь одностороннимъ, чтобы видѣть въ древнихъ языкахъ альфу и омегу всякаго образованія. Вотъ что писалъ онъ впослѣдствіи по этому поводу Фету (6-го авг. 1871 г.): «Я выросъ на классикахъ и жилъ, и умру въ ихъ лагерѣ, но я не вѣрю ни въ какую Alleinseligmacherie даже классицизма и потому нахожу, что новые законы у насъ положительно несправедливы, подавляя одно направленіе въ пользу другаго. «Fair play»,—говорятъ англичане; равенство и свобода,—говорю я. Классическое, какъ и реальное образованіе должно быть одинаково доступно, свободно и пользоваться одинаковыми правами» [2]).

Но не древніе языки, повторяемъ, были главнымъ предметомъ занятій Тургенева: философія Гегеля, царившая тогда въ умахъ передовой молодежи русской, преимущественно въ кружкѣ Станкевича — вотъ что поглощало его вниманіе въ Берлинѣ, вотъ что составляло главный предметъ его споровъ съ пріятелями. Герценъ во всякомъ

---

[1]) Фетъ. «Мои воспоминанія». I, 308—309.

[2]) Фетъ. „Мои воспоминанія“. II, 237.

случаѣ, немного преувеличилъ въ своей извѣстной характеристикѣ увлеченій Гегелемъ, когда писалъ, что «нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и проч. Гегеля, который бы не былъ взятъ нашими философами отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи перехватывающаго духа, принимая за обиды мнѣнія объ абсолютной личности и о ея по себѣ бытіи. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней». Гегель властвовалъ тогда въ мысляхъ не однихъ только русскихъ, вліяніе его сказывалось и среди нѣмецкихъ ученыхъ настолько сильно, что, по свидѣтельству Пирогова, учившагося въ 30-хъ годахъ въ Берлинѣ, вредно отказывалось даже на медицинѣ, отвлекая ее отъ чистаго наблюденія опыта.

Рядомъ съ увлеченіемъ философіей шло увлеченіе нѣмецкой поэзіей, преимущественно «Фаустомъ» Гете. Недаромъ критическая статья о «Фаустѣ» и переводъ отрывка изъ этой поэмы были въ числѣ первыхъ литературныхъ трудовъ Ивана Сергѣевича по возвращеніи изъ Берлина на родину. Черезъ 15 лѣтъ Тургеневъ вспоминаетъ свои увлеченія великимъ твореніемъ Гете въ слѣдующихъ строкахъ своего чуднаго разсказа «Фаустъ»: «Я увидѣлъ книги, привезенныя мною когда-то изъ-за границы, между прочимъ, Гетевскаго «Фауста». Тебѣ, можетъ быть, неизвѣстно, что было время, я зналъ «Фауста» наизусть (первую часть, разумѣется) отъ слова до слова; я не могъ начитаться имъ... Съ какимъ неизъяснимымъ чувствомъ увидалъ я маленькую слишкомъ мнѣ знакомую книжку (дурнаго изданія 1828 года). Я унесъ съ собою, легъ на постель и началъ читать. Какъ подѣйствовала на меня вся великолѣпная первая сцена! Появленія духа земли, его слова: помнишь: «на жизненныхъ волнахъ, въ вихрѣ творенья» возбудили во мнѣ давно неизвѣданный трепетъ и холодъ восторга. Я вспомнилъ все: и Берлинъ, и студенческое время, и фрейленъ Клару, Штихъ и Зейдельмана въ роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла, и все и вся»...

Вспоминая свои первые восторги «Фаустомъ», Тургеневъ, въ приведенномъ отрывкѣ перенесся воображеніемъ къ театру, къ лучшему въ то время берлинскому артисту Зейдельману и перенесся недаромъ; берлинская сцена, хотя въ общемъ и не бывала выдающейся, уступая не только парижской, но и вѣнской, такъ привлекла къ себѣ вниманіе русской молодежи, что до насъ дошли характеристики почти всѣхъ главныхъ артистовъ того времени въ письмахъ и воспоминаніяхъ

друзей Тургенева и его самого. Особенный восторгъ возбуждалъ упомянутый уже Зейдельманъ, отличавшійся въ роляхъ «Натана Мудраго» въ драмѣ Лессинга, Полонія въ «Гамлетѣ» и Мефистофеля въ «Фаустѣ». Игру въ послѣдней роли, такъ прочно оставшейся въ памяти Тургенева, Анненковъ описываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени слѣдующимъ образомъ. «Невозможно болѣе отдѣлиться отъ собственной личности; при томъ же онъ (Зейдельманъ) еще создалъ какія-то особенныя ухватки, свидѣтельствовавшія о его чертовскомъ происхожденіи: такъ, онъ безпрестанно выправлялся, какъ будто испанская куртка помяла его крылья, ходилъ неровно и большими шагами, какъ будто копытцамъ его неловко въ узкихъ башмакахъ, страшная улыбка не сходила съ лица съ начала до конца пьесы, довершая различіе его отъ окружающихъ его людей. Но это только наружная отдѣлка роли; внутренняя еще совершеннѣе. Несмотря на видимую зависимость отъ Фауста, онъ господствовалъ надъ нимъ всею силою своего духа, а когда снизошелъ онъ до волокитства за старой вдовою, иронія была поразительна» [1]). Правда, русскіе студенты довольно скоро подмѣтили въ немъ излишнюю заботливость о внѣшней отдѣлкѣ ролей, но жизнерадостная молодость готова была всему посылать свой восторженный привѣтъ. Такъ привлекали къ себѣ ея вниманіе и двѣ соперничавшія, хотя и вполнѣ заурядныя, пѣвицы: высокая красивая брюнетка Леве, возбуждавшая горячую симпатію Грановскаго, и блондинка Фассманъ, очаровавшая Станкевича. Тургеневъ, вмѣстѣ съ друзьями своими, не избѣгалъ и фарсовъ Кенигштадтскаго театра, гдѣ отличались два комика: Гернъ и Бекманъ. «Гернъ былъ каррикатуристъ въ родѣ Живокини, у Бекмана было много неподдѣльнаго спокойнаго юмору», такъ отзывался о нихъ Иванъ Сергѣевичъ. Неистовый смѣхъ возбуждали они особенно въ знаменитыхъ въ то время фарсахъ, на которые стекался весь Берлинъ: «Путешествіе на общій счетъ» и «1739, 1839 и 1939 годы».

Тургеневъ не отказывалъ себѣ и въ другихъ удовольствіяхъ: посѣщалъ публичныя гулянья, маскарады, совершалъ прогулки верхомъ, но совершенно не употреблялъ вина и не участвовалъ ни въ студенческихъ кутежахъ, ни въ «коммершахъ», хотя потомъ и описалъ послѣдніе не безъ теплаго чувства во второй главѣ своей «Аси». Заходилъ онъ развѣ въ тотъ погребъ (ресторанъ), гдѣ пьянствовалъ знаменитый романтикъ и ненавистникъ филистеровъ — Гофманъ. Но и сюда онъ показывался лишь для того, чтобы, глядя на картину, висѣвшую на стѣнѣ, вспомнить о писателѣ, сочиненія котораго производили чарующее впечатлѣніе на тогдашнюю молодежь, и настоящее безпри-

[1]) „Анненковъ и его друзья“, 131.

страстное мнѣніе о которомъ Иванъ Сергѣевичъ высказалъ лишь много позднѣе, упрекнувъ его въ XII главѣ «Вешнихъ водъ» за отсутствіе поэзіи. На картинѣ этой былъ изображенъ Гофманъ въ ту минуту, какъ, устремивъ масленые глаза на Девріента, вынимаетъ онъ часы и напоминаетъ знаменитому трагику, такому же пьяницѣ, какъ и онъ самъ, о времени идти въ театръ на работу, а Девріентъ, какъ школьникъ, почесываетъ въ головѣ и высоко поднимаетъ прощальный бокалъ. Но Тургеневъ не уклонялся отъ участія въ студенческихъ серенадахъ, которыя устраивались слѣдующимъ образомъ: студенты, восхищенные лекціями профессора, нанимали музыкантовъ, приходили подъ окно учителя и, послѣ увертюры, пѣли пѣсни въ честь науки, университета и преподавателя. Послѣдній, выходя къ студентамъ, горячо благодарилъ ихъ за оказанную ему честь. «Помните-ли восторженныя описанія лекцій Вердера—писалъ Иванъ Сергѣевичъ въ 1847 году [1]),—ночной серенады подъ его окнами, его рѣчей, студенческихъ слезъ и криковъ»?

Изъ товарищей Тургеневъ посѣщалъ преимущественно тѣхъ, которые жили скромно; за ихъ длинными бесѣдами подавался обыкновенно рѣдкій въ то время въ Берлинѣ русскій чай и хлѣбъ съ холодной говядиной. Изъ семейныхъ домовъ Иванъ Сергѣевичъ любилъ посѣщать Фроловыхъ, проводившихъ зимы 1837—40 годовъ въ прусской столицѣ. Вотъ, что онъ самъ разсказываетъ объ этой семьѣ, вѣрнѣе о ея хозяйкѣ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Станкевичѣ: «Г-жа Фролова (первая жена Н. Г. Фролова, урожденная Галахова) была женщина очень замѣчательная. Уже немолодая, съ здоровьемъ совершенно разстроеннымъ (она скоро потомъ умерла), некрасивая, она невольно привлекала своимъ тонкимъ женскимъ умомъ и граціей. Она обладала искусствомъ mettre les gens à leur aise—сама говорила немного, но каждое слово ея не забывалось. Въ ней было много наблюдательности и пониманія людей. Русскаго въ ней было мало—она скорѣе походила на очень умную француженку, un peu de l'ancien régime. Стефанія Баденская считала ее въ числѣ своихъ пріятельницъ. Беттина часто ходила къ ней, хотя въ душѣ ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась съ Беттиной un peu de haut en bas. Вердеръ бывалъ у ней часто; Гумбольдъ посѣщалъ ее иногда. Я ходилъ молчать, разиня ротъ, и слушать. Фроловъ самъ никогда не вмѣшивался въ разговоръ — сидѣлъ въ углу, разливалъ чай, значительно мычалъ, поводилъ глазами, подергивалъ усы, но не раскрывалъ рта. Варнгагенъ (извѣстный біографъ) ходилъ къ Фроловымъ—онъ любилъ выводить на свѣжую воду Беттину, которая его терпѣть не могла и называла его Giftesel» [2]).

[1]) „Современникъ", 1847 г. кн. 3.

[2]) „Вѣстн. Евр.", 1899 г., кн. 1, стр. 11.

*

Мы должны остановиться на минуту на упомянутыхъ въ этомъ отрывкѣ именахъ Гумбольда, Варнгагена и Беттины. Гумбольдъ (Александръ), за 10 лѣтъ передъ тѣмъ совершившій свое извѣстное путешествіе по Россіи, походившее скорѣе на тріумфальное шествіе, чѣмъ на научную экспедицію, съ 1832 года проживалъ въ Берлинѣ. Между трудами своими по обработкѣ «Космоса» онъ находилъ тамъ время посѣщать университетскія лекціи, чтобы, по его выраженію—«наверстать то, что упустилъ въ юности». Гумбольда въ этомъ отношеніи можно считать какъ бы однокурсникомъ Тургенева, такъ какъ знаменитаго ученаго, «Аристотеля XIX вѣка», тогда уже 70-ти лѣтняго старика, нерѣдко можно было видѣть въ аудиторіи среди студентовъ старательно слушавшаго и записывавшаго лекціи тѣхъ же самыхъ профессоровъ, какихъ слушалъ и Тургеневъ со своими друзьями — Бека, Риттера и другихъ.

Беттина или Елизавета фонъ-Арнимъ, экзальтированная поклонница Гете, влюбившаяся въ него, 60-лѣтняго старика, когда самой было всего 22 года, незадолго до появленія Тургенева въ Берлинъ издала свою переписку съ великимъ германскимъ поэтомъ. Несмотря на то, что Фролова относилась къ ней нѣсколько свысока, а Варнгагенъ любилъ «выводить ее на свѣжую воду», несмотря на то, что горячей поклонницѣ Гете было тогда уже 53 года, и она красила свои волосы, Тургеневъ признавался впослѣдствіи, что вмѣстѣ съ друзьями «воспламенялся отъ Беттины».

Варнгагенъ фонъ-Энзе—выдающійся нѣмецкій критикъ и біографъ первой половины прошлаго столѣтія, хорошо былъ извѣстенъ въ русскомъ образованномъ обществѣ конца 30-хъ годовъ, главнымъ образомъ, благодаря кружку Станкевича, къ которому Варнгагенъ былъ близокъ. Особенно подкупало молодыхъ русскихъ писателей его глубокое уваженіе къ Пушкину. Критическая статья о нашемъ поэтѣ, помѣщенная Варнгагеномъ въ журналѣ (основанномъ Гегелемъ) «Jahrbücher für urssenchaft. Kritik» въ 1839 году вызвала, между прочимъ, восторженный отзывъ Каткова въ «Отечеств. Запискахъ» за тотъ же годъ. На Беттину Варнгагенъ нападалъ потому, что его собственная жена, знаменитая Рахиль († 1833), такъ много сдѣлавшая для ознакомленія берлинской публики съ Гете, несмотря на свое преклоненіе передъ геніемъ творца «Фауста», никогда не искала ни его знакомства, ни переписки съ нимъ.

Тургеневъ, равнодушный къ студенческимъ шалостямъ, имѣя довольно ограниченный кругъ товарищей, сдержанный въ спорахъ и бесѣдахъ, находилъ выходъ своимъ молодымъ, юношескимъ потребностямъ въ совершенно дѣтскихъ забавахъ. «Сколько припомню,—разсказывалъ онъ впослѣдствіи,—я, несмотря на свои 21—22 года, былъ

еще совсѣмъ мальчуганъ. Судите сами: то я читалъ Гегеля и изучалъ философію, то я со своимъ дядькой забавлялся—и чѣмъ бы вы думали?—воспитаніемъ собаки, случайно мнѣ доставшейся. Съ собакой этой возня у меня была пребольшая: притравили мы ее къ крысамъ. Какъ только, бывало, скажутъ намъ, что достали крысу, я сію же минуту бросаю и Гегеля и всю философію въ сторону и бѣгу съ дядькой и съ своимъ псомъ на охоту за крысами. Впрочемъ, съ дядькой я жилъ полнымъ пріятелемъ и бывало строчилъ ему на нѣмецкомъ языкѣ любовныя письма къ его возлюбленной» [1]). Грановскій, зайдя разъ къ Тургеневу, засталъ его играющимъ въ карточные солдатики съ этимъ самымъ «полнымъ пріятелемъ». И молодой баринъ, и его крѣпостной слуга пресерьезно опрокидывали другъ у друга карточныя шеренги.

Дядька Ивана Сергѣевича, сопровождавшій его за границу—Порфирій Тимофеевичъ Кудряшовъ, былъ дѣйствительно близкимъ человѣкомъ для него въ берлинскій періодъ; но здѣсь мы должны обратить вниманіе лишь на тѣхъ лицъ, которыя оказали благотворное вліяніе на будущаго романиста. Мы должны остановиться на Невѣровѣ, Грановскомъ, Станкевичѣ и Бакунинѣ; особенно на двухъ послѣднихъ. Переходя къ этимъ замѣчательнымъ личностямъ, прежде все должны указать на то, что всѣ они были старше Тургенева: Невѣровъ на 8 лѣтъ, Грановскій и Станкевичъ на 5 лѣтъ и Бакунинъ на 4 года.

Невѣровъ, по окончаніи курса въ Арзамасскомъ уѣздномъ училищѣ, началъ службу канцеляристомъ въ уѣздномъ судѣ. По смерти отца, заботами матери и благодаря собственной энергіи, приготовился, минуя гимназію, къ поступленію въ Московскій университетъ, куда и поступилъ въ 1828 году. Кончивъ курсъ кандидатомъ, онъ съ 1832 по 1836 годъ служилъ въ редакціи «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», а затѣмъ въ маѣ 1837 г. отправился въ Берлинскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи до весны 1839 г. Вернувшись въ Россію, Невѣровъ занималъ директорскія мѣста въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а съ 1864 по 1879 г. былъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Въ Берлинѣ Невѣровъ жилъ нѣкоторое время въ одномъ домѣ съ Тургеневымъ и не мало содѣйствовалъ сближенію Ивана Сергѣевича съ Грановскимъ и Станкевичемъ. Невѣровъ былъ совсѣмъ не лишнимъ собесѣдникомъ въ кругу молодежи, страстно увлекавшейся философіей Гегеля, такъ какъ не особенно довѣрялъ послѣдней и не жаловалъ вообще неопредѣленныхъ порывовъ, предчувствій, стремленій. Станкевичъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, отличавшемся «положительнымъ, порядочнымъ направленіемъ, соединеннымъ съ снисхожденіемъ и величайшей добротою». Иванъ Сергѣе-

[1]) „Русск. Стар.“ 1883 г., октябрь, 205.

вичъ впослѣдствіи встрѣчался съ Невѣровымъ лишь въ мартѣ мѣсяцѣ 1879 года въ Петербургѣ и никогда не состоялъ съ нимъ въ перепискѣ, но это не мѣшало ему сохранять добрыя воспоминанія о берлинскомъ товарищѣ.

Точно также лишь одну зиму встрѣчался Тургеневъ въ Берлинѣ съ Грановскимъ. Послѣдній одновременно съ Невѣровымъ вернулся въ Россію въ 1839 году. Въ своемъ извѣстномъ некрологѣ, посвященномъ знаменитому профессору, Иванъ Сергѣевичъ признается, что въ Берлинѣ «почти не видался» съ Грановскимъ, «не сошелся съ нимъ». «Говоря правду,—продолжаетъ Тургеневъ,—я тогда не стоилъ того, чтобы сойтись съ нимъ». Всегда замѣчательная скромность Ивана Сергѣевича сказывается въ этихъ словахъ. Онъ не сошелся съ Грановскимъ въ Берлинѣ, т. е. не сдѣлался его другомъ въ настоящемъ значеніи слова, но отношенія между ними за границей не были лишь чисто внѣшними, хотя вполнѣ сердечныя связи между ними завязались позднѣе, по возвращеніи Тургенева на родину. Уже одно письмо Ивана Сергѣевича къ нему о смерти Станкевича указываетъ, что о холодности не можетъ быть и рѣчи; ея не было въ отношеніяхъ Тургенева къ Грановскому и тогда, когда оба они были еще на студенческой скамьѣ въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, встрѣчались они въ Берлинѣ не очень рѣдко, и къ этимъ встрѣчамъ, а не къ однѣмъ позднѣйшимъ, мы должны отнести слѣдующія слова Тургенева: «Каждое свиданіе оставляло во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Чуждый педантизма, исполненный плѣнительнаго добродушія, онъ внушалъ то невольное уваженіе къ себѣ, которое столь многіе потомъ испытали. Отъ него вѣяло чѣмъ-то возвышенно-чистымъ, ему было дано (рѣдкое и благодатное свойство) не убѣжденіями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное въ душѣ другаго; онъ былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова—идеалистъ не въ одиночку. Онъ имѣлъ точно право сказать: «ничто человѣческое мнѣ не чуждо», и потому и его не чуждалось ничто человѣческое.

Но какъ бы благотворно ни было вліяніе Грановскаго на Ивана Сергѣевича въ берлинскій періодъ жизни послѣдняго, оно не можетъ равняться, однако, съ вліяніемъ на него Станкевича. Знакомство Тургенева съ этой замѣчательной личностью, ставшей какъ-бы центромъ того идеализма, которымъ отличались 40-ые годы, цѣликомъ относится именно къ этому пребыванію Ивана Сергѣевича за границей.

Тургеневъ познакомился со Станкевичемъ въ сентябрѣ 1838 года въ Берлинѣ, куда прибылъ Станкевичъ изъ своего путешествія по Рейну и Бельгіи. До этого времени Иванъ Сергѣевичъ мало о немъ слышалъ. «Помню я,—писалъ онъ впослѣдствіи, — что, когда Грановскій упомянулъ о пріѣздѣ Станкевича въ Берлинъ, я спросилъ его, не

«виршеплетъ»-ли это Станкевичъ? И Грановскій, смѣясь, представилъ мнѣ его подъ именемъ «виршеплета». Въ теченіе зимы (1838—39 гг.) я довольно часто видался со Станкевичемъ (въ кружкѣ Фроловыхъ), но не помню, чтобы мы вмѣстѣ ходили на лекціи: онъ бралъ privatissima у Вердера, а въ университетъ не ходилъ. Станкевичъ не очень меня жаловалъ и гораздо больше знался съ Грановскимъ и Невѣровымъ; я очень скоро почувствовалъ къ нему уваженіе и нѣчто въ родѣ боязни, проистекавшей, впрочемъ, не отъ его обхожденія со мною, которое было весьма ласково, какъ со всѣми, но отъ внутренняго сознанія «собственной недостойности и лживости». Послѣднія слова воспоминаній опять нуждаются въ оговоркѣ. Идеализмъ и отзывчивость Станкевича порука тому, что «уваженіе» и «нѣчто въ родѣ болѣзни» со стороны Тургенева не остались безъ отклика. «Недостойность и лживость» Ивана Сергѣевича, конечно, были прежде всего внѣшними недостатками молодости, и самъ Станкевичъ въ письмахъ къ московскимъ друзьямъ своимъ предостерегалъ не судить о Тургеневѣ по его внѣшности. Правда, былъ одинъ поводъ къ нѣкоторой сдержанности отношеній Станкевича къ Тургеневу:— наговоръ на Ивана Сергѣевича со стороны дѣвушки, которой интересовался въ то время Станкевичъ, но это недоразумѣніе скоро разсѣялось. «Во время моего пребыванія въ Берлинѣ,—продолжаетъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ—я не добился довѣренности или расположенія Станкевича,—онъ, кажется, ни разу не былъ у меня; Грановскій былъ всего только разъ, и при мнѣ у нихъ не было откровенныхъ разговоровъ. — Я встрѣчалъ его потомъ, въ началѣ 1840 года (мартъ, апрѣль, май), въ Италіи, въ Римѣ. Въ Римѣ я сошелся съ нимъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ Берлинѣ—я его видѣлъ каждый день, и онъ ко мнѣ почувствовалъ расположеніе. Въ Римѣ находилось тогда русское семейство Ховриныхъ, къ которому Станкевичъ, я и еще одинъ русскій — А. П. Ефремовъ [1]) ходили безпрестанно. Семейство это состояло изъ мужа (весьма обыкновеннаго человѣка, отставнаго гусара), жены, извѣстной московской барыни, Марьи Дмитріевны, и двухъ дочерей... Мы разъѣзжали по окрестностямъ Рима, вмѣстѣ осматривали памятники и древности. Станкевичъ не отставалъ отъ насъ, хотя часто плохо себя чувствовалъ, но духъ его никогда не падалъ, и все, что онъ ни говорилъ о древнемъ мірѣ, о живописи, ваяніи и т. д., было исполнено возвышенной правды и какой-то свѣжей красоты и молодости. Въ 12 и 13 главѣ своей фантазіи «Призраки» Тургеневъ обезсмертилъ одну изъ такихъ поѣздокъ со Станкевичемъ.

---

[1]) А. П. Ефремовъ (1815—76) питомецъ Московскаго университета. Съ 1839 по 1843 г. учился за границей. По возвращеніи въ Россію, нѣкоторое время занималъ каѳедру географіи въ Московскомъ университетѣ.

Самый фактъ, развившійся въ чудную картину этихъ главъ, Иванъ Сергѣевичъ передаетъ такъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Разъ возвращаясь въ открытой коляскѣ изъ Альбано, поравнялись мы съ высокой развалиной, обросшей плющемъ; мнѣ почему-то вздумалось вдругъ закричать громкимъ голосомъ «Divus Carus Iulius Caesar!» Въ развалинѣ эхо отзывалось будто стономъ. Станкевичъ, который до того времени былъ очень разговорчивъ и веселъ, вдругъ поблѣднѣлъ, умолкъ и, погодя немного, проговорилъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ: «Зачѣмъ вы это сдѣлали?»

Въ Римѣ Тургеневъ сильно интересовался также музыкой и живописью, послѣдней въ такой степени, что началъ даже брать уроки у нѣмецкаго живописца Рунде. Музыкальный вкусъ Ивана Сергѣевича развивался подъ вліяніемъ піаниста Брыкчинскаго, поляка, друга Листа. Брыкчинскій часто бывалъ у Ховриныхъ и близко сошелся со Станкевичемъ. «У Брыкчинскаго,—писалъ Тургеневъ,— было весьма замѣчательное, энергическое и умное лицо, онъ зналъ, что его болѣзнь (чахотка) безнадежна, а мы всѣ знали, что и Станкевича болѣзнь безнадежна».

Эстетическія удовольствія, серьезныя бесѣды пріятелей были вполнѣ непринужденны, не имѣли и тѣни напряженности и легко смѣнялись шуткой, веселой шалостью. «Въ Римѣ я одно время рисовалъ каррикатуры—вспоминалъ впослѣдствіи Тургеневъ,—иногда довольно удачно. Станкевичъ задавалъ мнѣ разные забавные сюжеты и очень этимъ потѣшался. Особенно смѣялся онъ одной каррикатурѣ, въ которой я изобразилъ свадьбу Маркова (живописца, впослѣдствіи профессора) [1]); Марковъ вздыхалъ по Шушу [2]), къ которой, грѣшный человѣкъ, и я не былъ совершенно равнодушенъ». Въ этихъ шуткахъ особенно ярко проявлялась симпатія Станкевича къ Тургеневу, но Иванъ Сергѣевичъ приводитъ и другаго рода примѣры искренняго расположенія своего друга: «Станкевичъ нѣсколько разъ осаживалъ меня довольно круто, чего онъ въ Берлинѣ не дѣлалъ—въ Берлинѣ онъ меня чуждался. Разъ въ катакомбахъ, проходя мимо маленькихъ нишей, въ которыхъ до сихъ поръ сохранились остатки подземнаго богослуженія въ первые вѣка христіанства, я воскликнулъ: «Это были слѣпыя орудія Провиденья!» Станкевичъ довольно сурово замѣтилъ, что слѣпыхъ орудій въ исторіи нѣтъ, да и нигдѣ ихъ нѣтъ. Въ другой разъ передъ мраморной статуей св. Цециліи я проговорилъ стихи Жуковскаго: «И прелести явленіемъ, по привычкѣ, любуется, какъ встарь, душа моя».

---

[1]) Марковъ, Ал. Тар., 1801—1878 г.г.

[2]) Старшая дочь Ховриныхъ.

Станкевичъ замѣтилъ, что плохо тому, кто по привычкѣ любуется прелестью, да еще въ такіе молодые года».

Характеризуя нравственный обликъ своего друга, Тургеневъ писалъ впослѣдствіи: «Станкевичъ оттого такъ дѣйствовалъ на другихъ, что самъ о себѣ не думалъ, истинно интересуясь каждымъ человѣкомъ и, какъ-бы самъ того не замѣчая, увлекалъ его вслѣдъ за собою въ область идеала. Никто такъ гуманно, такъ прекрасно не спорилъ, какъ онъ. Фразы въ немъ и слѣда не было; даже Толстой (Л. Н.) не нашелъ бы ея въ немъ... Невозможно передать словами, какое онъ внушалъ къ себѣ уваженіе, почти благоговѣніе» [1]). Намъ понятенъ будетъ послѣ приведенныхъ словъ тотъ порывъ скорбнаго чувства, вызванный извѣстіемъ о смерти Станкевича, который такъ краснорѣчиво выразился въ извѣстномъ письмѣ Тургенева къ Грановскому отъ 4-го іюля 1840 г.: «Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашей гордостью и надеждой... Я сблизился съ нимъ въ Римѣ; я его видѣлъ каждый день и началъ оцѣнять его свѣтлый умъ, теплое сердце, всю прелесть его души... Тѣнь близкой смерти уже тогда лежала на немъ... Мы часто говорили о смерти: онъ признавалъ въ ней границу мысли и, мнѣ казалось, тайно содрогался... Ему-ли умереть? Онъ такъ глубоко, такъ искренно признавалъ и любилъ святость жизни, несмотря на свою болѣзнь, онъ наслаждался блаженствомъ мыслить, дѣйствовать, любить, онъ готовился посвятить себя труду, необходимому для Россіи... Холодная рука смерти пала на его голову, и цѣлый міръ погибъ. Я не могъ рѣшиться сказать объ этомъ Вердеру: я написалъ ему письмо. Какъ онъ былъ глубоко пораженъ! Я ему сказалъ при свиданіи «in ihm ist auch ein Theil von Innen gestorben». Онъ чуть-чуть не зарыдалъ. Онъ мнѣ говорилъ: «Ich fühle es. Ich bin auf dem halben Wege meines Lebens: meine besten Schüler meine Jünger sterben, ob Ich überlebe sie!». Онъ мнѣ прочелъ превосходное стихотвореніе—Der Tod, написанное имъ тотчасъ послѣ полученія извѣстія. Я оглядываюсь, ищу,—напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю? Кто достойный приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его вліянію, будетъ идти по его дорогѣ, въ его духѣ, съ его силой?». Остановимся на этой именно выпискѣ изъ длиннаго письма Ивана Сергѣевича, чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ его: достойнымъ послѣдователемъ Станкевича, не давшимъ погибнуть его вліянію, и былъ прежде всего самъ поставившій этотъ вопросъ—И. С. Тургеневъ.

Объ общемъ облагораживающемъ, возвышающемъ вліяніи Станке-

---

[1]) Воспом. Тургенева о Станкевичѣ въ „Вѣстн. Евр.“ 1899 г., кн. 1, стр. 14.

вича мы еще скажемъ дальше, а здѣсь отмѣтимъ тѣ черты, характеризующія позднѣйшую дѣятельность Тургенева, на укрѣпленіе и развитіе которыхъ Станкевичъ долженъ былъ оказать рѣшительное и сильное вліяніе.

Послѣ Пушкина одинъ только Тургеневъ обладалъ той полнотой духовной свободы, какая необходима для истиннаго художника. Недаромъ въ защиту знаменитаго сонета Пушкина: «Поэтъ, не дорожи любовію народной», Тургеневъ писалъ: «Безъ образованія, безъ свободы въ сбширнѣйшемъ смыслѣ—въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи,—не мыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха дышать нельзя». Станкевичъ въ высокой степени обладалъ этимъ качествомъ, и нигдѣ не проявлялось оно въ столь наглядномъ и блестящемъ видѣ, какъ въ Римѣ. Въ то время, какъ иностранные туристы считали своимъ долгомъ восторгаться и восхищаться окружающими красотами природы и искусства по установленнымъ шаблонамъ, повторяя заѣзженные возгласы и замѣчанія, съ книжкой въ рукахъ объѣзжая и обѣгая всѣ закоулки Рима, какъ бы желая убѣдиться только—все-ли на своемъ мѣстѣ, Станкевичъ сумѣлъ быть и оригинальнымъ, и искреннимъ въ своихъ наблюденіяхъ, какъ это видимъ изъ его переписки. Любуясь Колизеемъ, онъ не повторяетъ затверженныя на школьной скамьѣ разсужденія объ этомъ памятникѣ величія Рима, а говоритъ, что думаетъ и чувствуетъ: «Не знаю, каковъ онъ былъ въ своемъ цвѣту, въ первобытномъ видѣ, но вѣрно не лучше, чѣмъ теперь. Я не думалъ много о его назначеніи... Я видѣлъ только огромную гармоническую развалину и темносинее небо, просвѣчивавшее во всѣ ея окна». Точно также въ замѣчаніяхъ Станкевича и о другихъ памятникахъ Рима не найдемъ ни пустаго повторенія ранѣе высказанныхъ мнѣній, ни напрасныхъ усилій проникнуть въ тѣ стороны искусства, которыя не вызывали живаго отклика въ его душѣ. Посѣтивъ величественный соборъ Петра, Станкевичъ замѣчаетъ: «Я никогда не могъ ждать отъ архитектуры чего-нибудь охватывающаго душу; душа выше ея, но она довольна, когда находитъ себѣ такое жилище». Съ полной откровенностью заявляетъ онъ передъ «Моисеемъ» Микель-Анджело, что художникъ понималъ въ представленіи божественнаго одно только свойство—силу.

Эта свобода воззрѣній, эта постоянная оригинальность должна была оказать сильное вліяніе на молодаго воспріимчиваго Тургенева, не разлучавшагося въ Римѣ со Станкевичемъ. Слѣды впечатлѣнія, произведеннаго тогда на Ивана Сергѣевича этой стороной характера его друга, видимъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ его обличеніи по адресу соотечественниковъ, посѣщающихъ Италію,—обличеніи, вложенномъ въ

уста Гамлета Щигровскаго уѣзда: «Цѣлыхъ два года я провелъ еще послѣ того за границей: былъ въ Италіи, постоялъ въ Римѣ передъ Преображеніемъ, и передъ Венерой во Флоренціи постоялъ; внезапно повергался въ преувеличенный восторгъ, словно злость на меня находила... Словомъ, и тутъ велъ себя, какъ всѣ. А между тѣмъ, посмотрите, какъ легко быть оригинальнымъ. Я, напримѣръ, ничего не смыслю въ живописи и ваяніи... Сказать бы мнѣ это просто вслухъ... Нѣтъ, какъ можно! Бери чичерона, бѣги смотрѣть фрески».

Вся жизнь Станкевича, по выраженію его біографа, «есть только исторія необыкновенно пытливаго ума, ищущаго гармоническихъ, согласныхъ соотношеній съ необычайно деликатнымъ и любящимъ сердцемъ». Насколько добросовѣстенъ и искрененъ былъ Станкевичъ въ стремленіи согласовать слово съ дѣломъ, мысль съ нравственной и житейской практикой, видно уже изъ того, что онъ даже отвлеченнѣйшіе выводы гегелевской философіи старался привести въ живую связь съ потребностями сердца, съ образомъ дѣйствій, со всей своей жизнью. Конечно, онъ переставалъ быть отъ этого философомъ на нѣмецкій манеръ, но противорѣчій мысли съ дѣломъ не бывало и слѣда. Всѣмъ извѣстно, сколь многіе изъ прославленныхъ писателей нашихъ далеки были отъ этого идеала, и если Иванъ Сергѣевичъ являлся здѣсь блестящимъ исключеніемъ, то этимъ онъ очень много былъ обязанъ Станкевичу. Ему онъ обязанъ развитіемъ въ себѣ и тѣхъ идеальныхъ отношеній къ женщинѣ, тѣхъ чистыхъ воззрѣній на любовь, какими отличался Тургеневъ передъ всѣми русскими писателями, отличался даже передъ Пушкинымъ съ его чуднымъ типомъ Татьяны. Иванъ Сергѣевичъ нечаянно былъ замѣшанъ въ одну сердечную исторію Станкевича, съ другой стороны Станкевичъ былъ какъ бы посредникомъ въ одной сердечной исторіи Тургенева. Этого вполнѣ достаточно было, чтобы заронить хорошія сѣмена въ душу будущаго творца такихъ типовъ, какъ Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», Елена въ «Наканунѣ» и другихъ. Всѣ эти сердечныя исторіи были, конечно, юношескими увлеченіями, не имѣвшими рѣшающаго значенія въ жизни того и другаго, но дѣло отъ этого не мѣняется. Въ Берлинѣ Станкевичъ познакомился съ веселой и умной дѣвушкой, которую всѣ знали подъ именемъ Берты и которая жила съ дядей, добрымъ ограниченнымъ старикомъ, выдававшимъ себя за барона. Ею-то и увлекся Станкевичъ. «Я разъ поѣхалъ съ ней кататься верхомъ въ Тиргартенъ,—разсказываетъ Тургеневъ,—она очень со мною кокетничала, а вернувшись, увѣрила Станкевича, что я дѣлалъ ей предложеніе, а она просто мнѣ не нравилась». Этотъ казусъ былъ одно время причиной даже нѣкоторой холодности Станкевича къ Тургеневу. Когда друзья жили въ Римѣ, Иванъ Сергѣевичъ увлекся старшей дочерью Ховриной, которую звали Шушу; ей тогда только-что минуло

16 лѣтъ, она была очень мила и въ тайнѣ чувствовала симпатію къ Станкевичу. Послѣдній зналъ объ увлеченіи своего друга и подтруниваль добродушно надъ Иваномъ Сергѣевичемъ, говоря, что «Шушины глазки растревожили молодца». Вотъ несложные сердечные эпизоды двухъ молодыхъ людей. Но они не могли пройти безслѣдно для Тургенева, именно вслѣдствіе чрезвычайно совѣстливаго, чистаго, идеальнаго отношенія Станкевича къ подобнымъ вопросамъ. «Потребность любви,—писалъ Станкевичъ одному изъ друзей,—должна быть вызвана не бѣдностью души, которая, чувствуя свою нищету и будучи недовольна собой, ищетъ кругомъ себя помощи; нѣтъ, любовь должна выходить изъ богатства нашего духа, исполненнаго силы и дѣятельности и отыскивающаго въ самой любви только новую, высшую, полнѣйшую жизнь». «Любовь—вѣдь это родъ религіи, которая должна наполнять каждое мгновенье, каждую точку жизни»,—писалъ онъ въ другой разъ.

Мы не хотимъ преувеличивать значеніе Станкевича въ нравственномъ развитіи Тургенева; Бѣлинскій, съ которымъ вскорѣ по возвращеніи на родину сблизился Иванъ Сергѣевичъ, не менѣе благотворно вліялъ на него, но почва была подготовлена все же Станкевичемъ.

Какъ мы уже говорили, въ началѣ іюля 1840 года Тургеневъ вернулся въ Берлинъ изъ своей поѣздки по Италіи и Швейцаріи. Какъ разъ къ тому же времени появился въ прусской столицѣ и столь извѣстный впослѣдствіи Бакунинъ. Онъ близко сошелся съ Иваномъ Сергѣевичемъ, они поселились въ одной квартирѣ и всюду показывались вмѣстѣ.

Бакунинъ явился тогда въ Берлинъ совсѣмъ не тѣмъ революціонеромъ и анархистомъ, какимъ его знали въ 1848 году и позднѣе. Иванъ Сергѣевичъ встрѣтилъ въ немъ не «отрицателя всѣхъ извѣстныхъ формъ правленія», не «врага сложившихся окончательно государствъ, обособившихся національностей, ихъ общественныхъ преданій и вѣрованій», а человѣка совсѣмъ противоположной окраски. На своихъ современниковъ въ концѣ 30-хъ годовъ Бакунинъ производилъ впечатлѣніе человѣка «глубоко консервативнаго, религіознаго, даже съ мистическимъ оттѣнкомъ, семейно-добродѣтельнаго, нравственнаго, музыкальнаго»,—какъ свидѣтельствуетъ Анненковъ. Съ 1838 года въ возобновленномъ «Московскомъ Наблюдателѣ» Бакунинъ, страстный проповѣдникъ философіи Гегеля, на которую натолкнулъ его Станкевичъ, сталъ проповѣдовать ученіе о разумности и святости всего дѣйствительно существующаго, выводя это ученіе изъ разсужденій любимаго философа. Въ названномъ журналѣ онъ доказывалъ, что «въ жизни все прекрасно, все благо и что самыя страданія въ ней необходимы, какъ очищеніе духа». «Примиреніе съ дѣйствительностью, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни, есть великая задача нашего времени,—писалъ

Бакунинъ,—и Гегель и Гёте,—главы этого примиренія, этого возвращенія отъ смерти къ жизни».

Ученіе о разумности всего существующаго, провозглашенное Бакунинымъ, какъ извѣстно, надѣлало много шуму въ концѣ 30-хъ годовъ и сбило съ толку Бѣлинскаго, который признался въ одномъ письмѣ къ Станкевичу, что для него слово дѣйствительность стало равнозначительно слову Богъ. Но молодые русскіе гегеліанцы скоро убѣдились въ своей односторонности, и уже въ 1842 году Бакунинъ помѣстилъ въ извѣстномъ журналѣ А. Руге—статью свою подъ псевдонимомъ Elizard, которая возбудила вниманіе ученыхъ нѣмецкихъ бюргеровъ своими искусно построенными обвиненіями нѣмецкаго генія въ безплодной способности его переводить всѣ требованія времени и развитія на почву схоластики и затѣмъ, увидавъ ихъ въ облаченіи и пышныхъ орнаментахъ философской теоріи, успокаиваться и приниматься опять за новыя упражненія въ томъ же родѣ [1]). Какъ бы то ни было, но въ періодъ совмѣстной жизни съ Тургеневымъ Бакунинъ былъ еще безграничнымъ оптимистомъ. Нельзя, конечно, предполагать, что вопросы политики и общественной жизни занимали видное мѣсто въ ихъ бесѣдахъ и спорахъ; Бакунинъ, какъ и всѣ члены кружка Станкевича, интересовались болѣе всего вопросами общими: о нравственности, о цѣли жизни, о бытіи Бога и др. Недаромъ Тургеневъ, изобразивъ въ своемъ Рудинѣ характеръ Бакунина, заставилъ героя повѣсти говорить свои вдохновенныя рѣчи на темы о самолюбіи, о просвѣщеніи, о томъ, что придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка, о позорѣ малодушія и лѣни, о трагическомъ въ жизни и искусствѣ, о достоинствѣ человѣка, о значеніи истинной свободы.

Относительно вліянія, произведеннаго Бакунинымъ на Тургенева, можно съ увѣренностью сказать, что оно было не глубоко, не проникало въ самыя основы души, какъ вліяніе Станкевича, оно было довольно поверхностно, хотя, можетъ быть, и сильно; затрогивало болѣе умъ, чѣмъ сердце. Бѣлинскій справедливо отзывался о Бакунинѣ 30-хъ годовъ: «Это пророкъ и громовержецъ, но съ румянцемъ на щекахъ и безъ пыла въ организмѣ». Лучшей оцѣнкой вліянія Бакунина являются замѣчанія Тургенева, вложенныя въ уста Лежнева въ «Рудинѣ». Эта оцѣнка тѣмъ болѣе важна для насъ, что выводится изъ сравненія Бакунина (Рудина) со Станкевичемъ (Покорскимъ). Характеристику эту мы и должны выписать, замѣнивъ псевдонимы настоящими именами, на что даетъ намъ право позднѣйшее признаніе самого Тургенева: «Когда я изображалъ Покорскаго (въ «Рудинѣ»), образъ Стан-

---

[1]) Анненковъ, „Воспом. и критич. очерки", III, 166.

кевича носился предо мною, но все это только блѣдный очеркъ» [1]).— «Въ основу Рудина положенъ Бакунинъ. Я его хорошо зналъ и прожилъ съ нимъ, будучи студентомъ въ Берлинѣ, цѣлый годъ въ одной комнатѣ [2]). Но обратимся къ сравнительной характеристикѣ Станкевича и Бакунина, какими они являлись въ студенческихъ воспоминаніяхъ Тургенева, излагаемыхъ устами Лежнева: «Станкевичъ и Бакунинъ не походили другъ на друга. Въ Бакунинѣ было гораздо больше блеску и треску, больше фразъ и, пожалуй, энтузіазма. Онъ казался гораздо даровитѣе Станкевича, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ: Бакунинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски, но мысли его рождались не въ его головѣ: онъ бралъ ихъ у другихъ, особенно у Станкевича. Станкевичъ былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ—и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить и не далъ бы никому въ обиду. Бакунинъ казался полнымъ огня, смѣлости, жизни, а въ душѣ былъ холоденъ и чуть-ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе, тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ ихъ во имя общихъ началъ и идей и, дѣйствительно, имѣлъ вліяніе сильное на многихъ. Правда, никто его не любилъ, одинъ я, можетъ быть, привязался къ нему. Его иго носили... Станкевичу всѣ отдавались сами собой. Зато Бакунинъ никогда не отказывался толковать и спорить съ первымъ встрѣчнымъ... Онъ не слишкомъ много прочелъ книгъ, но во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Станкевичъ и чѣмъ всѣ мы; при томъ умъ имѣлъ систематическій, память огромную, а вѣдь это-то и дѣйствуетъ на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть невѣрные, да итоги! Совершенно добросовѣстный человѣкъ на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею... молодежь васъ и слушать не станетъ. Надобно, чтобы вы сами хотя наполовину вѣрили, что обладаете истиной... Оттого-то Бакунинъ и дѣйствовалъ такъ сильно на нашего брата. Видите-ли, я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ—и недоученыхъ мальчиковъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь—все это для насъ были одни слова, пожалуй даже по-

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1899 г., янв., стр. 15.

[2]) Воспомин. А. Половцева въ календарѣ „Царь-колоколъ“ на 1887 г., стр. 77.

нятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи этихъ понятій, общаго закона міроваго мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ... Слушая Бакунина, намъ впервые показалось, что мы, наконецъ, схватили ее, эту общую связь, что поднялась, наконецъ, завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое—что за дѣло! Но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ; во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и въ то же время таинственное; каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чувствовали себя какъ-бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призваными къ чему-то великому... Бакунину мы тогда были обязаны многимъ. Станкевичъ былъ несравненно выше его, безспорно; Станкевичъ вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу; но онъ иногда чувствовалъ себя вялымъ и молчалъ. Человѣкъ онъ былъ нервическій, нездоровый, зато, когда онъ расправлялъ свои крылья,—Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба! А въ Бакунинѣ, въ этомъ красивомъ и статномъ маломъ, было много мелочей; онъ даже сплетничалъ, страсть его была во все вмѣшиваться, все опредѣлять и разъяснять. Его хлопотливая дѣятельность никогда не унималась... политическая натура-съ!».

Самый придирчивый біографъ не прибавитъ, ни выкинетъ изъ приведенной выписки ни единаго слова. Эта лучшая характеристика Бакунина въ первый періодъ его дѣятельности до 1842 года и лучшая оцѣнка его вліянія на Тургенева. Лишь философскій оптимизмъ его, отмѣченный въ подчеркнутыхъ нами словахъ, былъ воспринятъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ очень умѣренной степени. Извѣстное изреченіе Гегеля: «что разумно—то дѣйствительно, что дѣйствительно—то разумно» Тургеневъ понималъ не въ Бакунинскомъ смыслѣ; онъ твердо помнилъ, что Гегель не все существующее признавалъ за дѣйствительность. Но вліяніе Бакунина на Ивана Сергѣевича имѣло и обратную, темную сторону, чего нельзя сказать про вліяніе Станкевича. «Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей—говоритъ Лежневъ,—кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ а стоитъ только произнести при немъ имя Станкевича, и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами». Такого отзыва не прочтемъ о Бакунинѣ во всей повѣсти. Что же касается собственно отрицательной стороны вліянія Бакунина, то она сказалась въ нѣкоторомъ вле-

ченіи къ фразѣ и позѣ, которымъ Иванъ Сергѣевичъ сердилъ своихъ знакомыхъ въ первое время по возвращеніи изъ-за границы. Что такой результатъ могъ получаться отъ рѣчей и проповѣдей Бакунина, даже у вполнѣ спокойныхъ натуръ, можемъ видѣть изъ той же повѣсти Тургенева въ разсказѣ Лежнева о своемъ юношескомъ романѣ, въ который вмѣшался Рудинъ со своими толкованіями и разъясненіями. «Я уши развѣсилъ—признается Лежневъ, слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возымѣлъ удивительное, видъ принялъ серьезный и смѣяться пересталъ». Все это не значитъ, конечно, будто у Бакунина наклонность къ фразѣ и позѣ была сознательнымъ кокетствомъ: онъ еще въ ранней молодости представлялъ себя героемъ, совершающимъ высокіе подвиги, при чемъ часто исчезалъ изъ подъ родительскаго крова, обставляя свои побѣги романтическими подробностями [1]). Нельзя, конечно, увлеченія Тургенева внѣшностью, эффектомъ, оригинальничаньемъ приписывать одному вліянію Бакунина, но въ манерѣ держать себя такого впечатлительнаго юноши, какимъ былъ тогда Иванъ Сергѣевичъ, несомнѣнно, сказывалось воздѣйствіе и его университетскаго товарища.

Въ заключеніе интересно отмѣтить тѣ выводы и впечатлѣнія о нѣмцахъ и нѣмецкой культурѣ, какіе вынесъ Тургеневъ изъ Берлина. Сдѣлаемъ это по наиболѣе подходящей для указанной цѣли критической статьѣ его о «Фаустѣ» Гете. Помѣщенная въ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1845 годъ, а составленная, конечно, раньше, она хотя не передаетъ первыхъ свѣжихъ впечатлѣній, но должна быть отнесена къ періоду особеннаго увлеченія автора германской наукой и философіей.

Не скрывая своего уваженія къ нѣмецкой національности, Иванъ Сергѣевичъ говоритъ о ней, однако, совершенно спокойно, безъ всякаго пристрастія. Искорки увлеченія появляются у него, лишь когда онъ переходитъ къ своей родинѣ. «Мы не будемъ безсмысленно преклоняться передъ «Фаустомъ»—пишетъ критикъ—потому, что мы русскіе; но поймемъ и оцѣнимъ великое твореніе Гете, потому что мы европейцы... Насъ не испугаетъ отсутствіе «примиренія» (въ «Фаустѣ»), о которомъ мы говорили выше; мы какъ народъ юный и сильный, который вѣритъ и имѣетъ право вѣрить въ свое будущее—не очень-то хлопочемъ объ округленіи и завершеніи нашей жизни и нашего искусства». Отдавая должное добросовѣстности и трудолюбію нѣмецкихъ ученыхъ и писателей, Тургеневъ въ то же время называетъ типичнаго филистера Вагнера въ трагедіи Гете «нѣмцемъ par excellence». «Нѣмцамъ пора бы оторваться»,—говоритъ Иванъ Сергѣевичъ въ другомъ мѣстѣ: «отъ слишкомъ исключительнаго поклоненія «Фаусту», потому

[1]) „Русск. Стар." 1896 г., дек., Біографія Бакунина.

что своимъ прошедшимъ, какъ бы оно прекрасно ни было, слишкомъ долго любоваться не слѣдуетъ; пора, давно пора нѣмцу Фаусту выйти изъ своей кельи, въ которой онъ все еще сидитъ о-бокъ съ Вагнеромъ, такъ же, какъ и императоръ Фридрихъ, въ народныхъ сказаніяхъ, сидитъ и дремлетъ подъ землей».

Слѣдуетъ отмѣтить, наконецъ, еще одно характерное мнѣніе Тургенева о тогдашней Германіи: «Нѣмецъ вообще не столько гражданинъ, сколько человѣкъ; у него чисто-человѣческіе вопросы предшествуютъ вопросамъ общественнымъ; эпоха, о которой мы говорили выше (конецъ XVIII в.), вполнѣ соотвѣтствовала коренному направленію германскаго народа, и вотъ явился поэтъ, котораго недаромъ упрекали въ совершенномъ отсутствіи всякихъ гражданскихъ убѣжденій и называли язычникомъ».

Этотъ выводъ объ отсутствіи всякой національной исключительности у нѣмцевъ, впослѣдствіи, конечно, измѣненный Иваномъ Сергѣевичемъ, снимаетъ съ Тургенева всякій упрекъ, будто онъ уваженіе къ нѣмецкой наукѣ и образованности могъ соединять съ сочувствіемъ къ «культуртрегерству» Германіи, враждебному его родинѣ.

Н. Гутьяръ.

Воспоминанія педагога.

Михайловская Артиллерійская академія [1]).

16-го іюня 1856 года я былъ выпущенъ изъ корпуса въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ Михайловской Артиллерійской академіи, а 25-го іюня я получилъ изъ академіи распоряженіе отправиться на Охтенскій пороховой заводъ, для изученія пороховаго дѣла. Пробывъ здѣсь три недѣли, я съ другими товарищами долженъ былъ отправиться на Сестрорѣцкій оружейный заводъ также на три недѣли, а затѣмъ до 1-го сентября посѣщалъ Петербургскій арсеналъ. 1-го сентября въ академіи начались лекціи.

Начальникомъ артиллерійскаго училища и академіи былъ генералъ Р. Онъ хотя и показывался въ академіи ежедневно, но обыкновенно молча проходилъ мимо насъ въ перемѣну, поэтому мы его знали мало; однако одно обстоятельство сразу показало намъ, что онъ былъ за человѣкъ. Вскорѣ послѣ начала курса, приходитъ къ намъ, въ перемѣну между лекціями, казначей училища поручикъ Бурелли и предлагаетъ всѣмъ намъ росписаться въ полученіи нами 75 рублей для поѣздки въ Петрозаводскъ. Такъ какъ никто изъ насъ, поступившихъ въ первый годъ въ академію, въ Петрозаводскъ не ѣздилъ и денегъ на эту поѣздку не получалъ, то всѣ офицеры отказались росписаться; Бурелли говоритъ на это, что таково приказаніе начальника академіи. Видя, что никто не хочетъ расписываться, Бурелли ушелъ, но черезъ нѣсколько минутъ является снова вмѣстѣ съ генераломъ, который обратился къ намъ съ такой рѣчью: «Господа, если вамъ предлагаютъ рос-

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1904 г.

писаться, значитъ, это такъ надо, никто не прикажетъ вамъ расписываться въ томъ, чего вы не получали; не угодно-ли вамъ тотчасъ же при мнѣ росписаться». Въ то время мы были воспитаны въ страхѣ передъ начальствомъ, и потому одинъ за другимъ стали расписываться, а генералъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ насъ не приложилъ своей руки. По уходѣ начальства, мы хотя и посмѣялись между собою и стали разсчитывать полученную сумму, то она оказалась довольно значительною, но на подобныя дѣла тогда и мы, кадеты, смотрѣли такими снисходительными глазами, что вскорѣ объ этомъ и забыли. Въ томъ же году въ декабрѣ мѣсяцѣ предстояло празднованіе 25-тилѣтняго юбилея Якова Ивановича Ростовцева; по этому поводу начальство распорядилось со всѣхъ офицеровъ обоихъ курсовъ академіи удержать изъ жалованья по 10 руб. (что дало около 1000 р.), говоря, что это назначается на обѣдъ Якову Ивановичу. Мы спрашивали, допустятъ-ли насъ на этотъ обѣдъ, но начальство объявило черезъ Бурелли, что на обѣдъ мы не имѣемъ права явиться. Такъ какъ здѣсь дѣло коснулось нашихъ собственныхъ денегъ, то этотъ огромный для того времени вычетъ изъ жалованья вызвалъ большой разговоръ, и дѣло какъ-то дошло до Якова Ивановича, который приказалъ возвратить намъ эти деньги [1]). Кстати о казначеѣ Бурелли. Это былъ италіанскій выходецъ, все образованіе котораго состояло въ знаніи французскаго языка. Онъ кое-какъ поступилъ юнкеромъ въ артиллерію и впослѣдствіи былъ произведенъ офицеромъ въ гарнизонную артиллерію; въ артиллерійское училище онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ завѣдывающаго аммуничными вещами; здѣсь, для поддержанія его средствъ къ жизни, служащіе выбрали его казначеемъ. Начальству онъ понравился, сталъ быстро повышаться, сперва его перевели въ полевую артиллерію, потомъ въ гвардейскую, (за какое-то отличіе по службѣ), и въ послѣднее время онъ въ чинѣ полковника гвардейской артиллеріи былъ сдѣланъ начальникомъ старшаго курса въ артиллерійской академіи. Положимъ, что должность эта была только синекурою, но сколько заслуженныхъ и раненныхъ артиллеристовъ считали бы за счастье получить ее. Личность эта была въ высшей степени не симпатичная; онъ былъ крайне грубъ и дерзокъ съ нами и въ то же время, при своей глухотѣ, заставлялъ насъ по два и по три раза «кричать» ему то, что намъ было нужно. Много онъ имѣлъ исторій съ офицерами изъ-за своей грубости, но начальство его любило; онъ умѣлъ его обойти. Что за человѣкъ былъ Бурелли, видно изъ слѣдующаго факта. Въ семидесятыхъ уже

[1]) Въ то время мы получали жалованье по третямъ, при чемъ прапорщикъ гвардіи получалъ 19 р. съ копѣйками въ мѣсяцъ; 10 руб. составляло болѣе половины мѣсячнаго жалованья.

годахъ, профессоръ химіи артиллерійской академіи генералъ Н. П. Ѳедоровъ, уѣзжая на лѣто за границу, просилъ Бурелли, какъ казначея, спрятать въ казенномъ ящикѣ его собственныя деньги—что-то около 6 тыс. рублей. По возвращеніи своемъ, Ѳедоровъ много разъ спрашивалъ у Бурелли свои деньги, но никакъ не могъ получить ихъ, Бурелли все было некогда; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ѳедоровъ, видя, что Бурелли водитъ его за носъ, явился къ нему на квартиру и рѣшительно потребовалъ деньги, тогда Бурелли сознался, что денегъ у него нѣтъ, что онъ ихъ истратилъ. Доложили начальнику академіи, который, боясь скандала, просилъ Ѳедорова дать нѣкоторый срокъ для пополненія этихъ денегъ, а въ то же время было сообщено объ этомъ оренбургскому генералъ-губернатору—Крыжановскому, также бывшему прежде начальникомъ училища и академіи и также любившему Бурелли; Крыжановскій далъ Бурелли участокъ уфимскихъ земель, изъ продажи котораго Бурелли не только могъ выплатить Ѳедорову, но еще и поправилъ свои дѣла.

Съ 1-го сентября въ академіи начались лекціи, и я увидѣлъ, что недобросовѣстность бывшаго моего преподавателя высшей математики капитана, а потомъ подполковника П. имѣла огромное вліяніе на возможность слѣдить за лекціями въ академіи. Такіе предметы, какъ высшая математика, теоретическая механика, практическая механика и балистика, я не могъ понимать, такъ какъ, благодаря П., очень плохо зналъ начало интегральнаго исчисленія, читаннаго намъ въ 3-мъ спеціальномъ классѣ, а безъ этого нельзя было двинуться ни шагу. Пришлось заниматься лишь тѣми предметами, которые были мнѣ подъ силу, экзаменъ держать я отказался и потому былъ въ іюнѣ откомандированъ отъ академіи въ свой (л.-гв. Волынскій) полкъ. Въ полку я принялся за изученіе высшей математики и въ одинъ годъ успѣлъ столько сдѣлать, что снова поступилъ въ академію прямо на старшій курсъ и черезъ годъ окончилъ академію. Разумѣется, принявшись усиленно за занятія, я могъ бы и въ первый годъ пребыванія своего въ академіи изучить тѣ части интегральнаго исчисленія, которыя зналъ очень плохо; но пятнадцатилѣтнія занятія до академіи настолько успѣли утомить меня, что первый годъ по выходѣ изъ корпуса приниматься еще за усиленныя занятія мнѣ было тяжело. Надо замѣтить, что большая часть офицеровъ чувствовали утомленіе корпуснымн занятіями, и въ академіи занимались кое-какъ; этимъ объясняются то обстоятельство, что изъ 50-ти офицеровъ, поступавшихъ въ младшій классъ академіи изъ всѣхъ корпусовъ, лучшихъ учениковъ, едва 20-ть человѣкъ, переходило въ старшій, а остальные по неуспѣшности удалялись въ свои полки. Установленіе впослѣдствіи двухлѣтней обязательной службы въ строю до поступленія въ академію было мѣрой вполнѣ цѣлесообразной.

Хотя я былъ въ артиллерійской академіи два раза, но въ этихъ запискахъ я соединяю вмѣстѣ эти оба года пребыванія въ академіи.

Наиболѣе замѣчательное лицо изъ профессоровъ академіи былъ знаменитый академикъ М. В. Остроградскій, читавшій балистику. До моего поступленія въ академію въ 1856 году, Остроградскій читалъ теоретическую механику, но въ этомъ году умеръ профессоръ балистики и читать этотъ предметъ было некому, такъ какъ единственное лицо, которое готовилось къ занятію каѳедры этого предмета—Маіевскій, находился тогда за границей и возвратился въ Петербургъ, лишь черезъ два года. Академикъ и европейская знаменитость, Остроградскій могъ бы, кажется, считать себя человѣкомъ вполнѣ независимымъ, а между тѣмъ онъ отличался низкопоклонствомъ и удивительно боялся начальства. Остроградскій, какъ извѣстно, былъ высокаго роста и очень толстъ; когда онъ приходилъ на лекцію, то офицеры брали его пальто и надѣвали на себя вдвоемъ, вставляя по двѣ руки въ каждый рукавъ, и застегивали его на себѣ и такъ ходили, заложивъ по двѣ руки въ каждый карманъ.

При входѣ Остроградскаго въ аудиторію, служитель вслѣдъ за нимъ приносилъ подносъ съ двумя графинами воды и съ двумя стаканами и ставилъ его на столѣ. Остроградскій начиналъ съ того, что, наливъ въ оба стакана воду, изъ одного выпивалъ ее, а въ другой опускалъ руку и, захвативъ пальцами воду, смазывалъ себѣ кривой глазъ (Остроградскій, говорятъ, еще въ малолѣтствѣ лишился одного глаза), при чемъ вода текла по лицу и капала на сюртукъ; затѣмъ Остроградскій начиналъ или читать лекцію, или разговаривать и, во время лекціи, нѣсколько разъ смачивалъ себѣ глазъ, пилъ воду, нерѣдко въ тотъ же стаканъ онъ погружалъ губку, которой вытиралъ доску, и потомъ пилъ изъ него. Остроградскій любилъ нюхать табакъ, но никогда не имѣлъ при себѣ ни табаку, ни табакерки. Одинъ изъ офицеровъ покупалъ нюхательный табакъ и держалъ при себѣ, въ той же четверкѣ, поднося ему по его просьбѣ. Только этого офицера и зналъ Остроградскій по фамиліи и, бывало, всегда обращался къ нему во время лекціи: «Ждановъ! есть табакъ?». Тотъ подносилъ ему распечатанную четверку, Остроградскій запускалъ въ нее всѣ пять пальцевъ, бралъ здоровую понюшку и нюхалъ, при чемъ обсыпалъ себя, говоря: «Жданову на экзаменѣ поставлю полный баллъ». Въ началѣ лекціи Остроградскій вынималъ изъ кармана чистый большой носовой платокъ, которымъ вытиралъ себѣ лицо, руки и сюртукъ, такъ что, при концѣ лекціи, платокъ дѣлался совершенно мокрымъ, и онъ уже держалъ его за уголъ, волоча по полу. Одѣвался Остроградскій довольно небрежно, и даже въ сухую погоду сапоги его почему-то были загрязнены. Нѣсколько дней Остроградскій былъ боленъ и когда затѣмъ явился на

лекцію, то былъ въ фуфайкѣ или въ кофтѣ съ такими длинными рукавами, что бѣлые рукава выходили изъ-за рукавовъ сюртука на четверть аршина и забавно болтались ниже его рукъ. Остроградскій говорилъ съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ, въ говорѣ его слышались *о* вмѣсто *а* и *э* вмѣсто *е*; какъ настоящій малороссъ, онъ былъ очень лѣнивъ, ему лѣнь было даже читать свой предметъ, который онъ зналъ въ совершенствѣ и потому не нуждался въ приготовленіи къ лекціи; онъ готовъ былъ проболтать цѣлый часъ съ четвертью (такое время тогда назначалось на лекцію), лишь бы ничего не читать. Прежніе годы начальство академіи не знало, какъ заставить Остроградскаго читать свой предметъ, а не терять время въ разговорахъ; но незадолго до моего поступленія въ академію вопросъ этотъ рѣшенъ былъ довольно хитрой выдумкой. Воспользовавшись тѣмъ, что Остроградскій боялся начальства, даже самаго маленькаго, ему назначили въ качествѣ репетитора одного изъ офицеровъ, только-что окончившаго въ академіи курсъ—прапорщика Голензовскаго. Обязанность Голензовскаго состояла въ томъ, чтобы сидѣть на лекціяхъ Остроградскаго и потомъ вторично читать намъ ту же лекцію. Этого прапорщика Остроградскій очень боялся и когда является на лекцію, то смотритъ на то мѣсто, гдѣ обыкновенно сидитъ Голензовскій. Если Голензовскій на своемъ мѣстѣ, Остроградскій приступаетъ къ чтенію безъ всякихъ разговоровъ; если онъ не видитъ Голензовскаго, то, не довѣряя себѣ, обратится съ вопросомъ къ офицерамъ: «а что, Голензовскій здѣсь?» При отвѣтѣ—«нѣтъ», онъ начинаетъ разговаривать, но едва отворяетъ дверь и входитъ Голензовскій, Остроградскій тотчасъ обрываетъ разговоръ, часто на серединѣ фразы, встаетъ и начинаетъ читать лекцію. Если Голензовскій не покажется всю лекцію, Остроградскій проговоритъ весь часъ съ четвертью. Разговоры Остроградскаго были самые разнообразные. Больше всего онъ любилъ разсказывать различные историческіе анекдоты и преимущественно изъ жизни Наполеона и другихъ великихъ полководцевъ; но иногда разговоръ касался другихъ предметовъ. Однажды, придя на лекцію и справившись, отсутствуетъ-ли Голензовскій, Остроградскій обратился къ офицерамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Господа! Я только-что получилъ новое изданіе логариемическихъ таблицъ Калета; я предлагаю старое изданіе этихъ таблицъ желающимъ обмѣняться со мною на какую-нибудь книгу.

Одинъ изъ офицеровъ предлагаетъ ему сочиненіе Третьяковскаго, Остроградскій соглашается, и они ударяютъ по рукамъ. Вслѣдъ за тѣмъ другой офицеръ говоритъ, что онъ готовъ былъ бы предложить въ обмѣнъ на таблицы Калета сочиненія Лермонтова.

— О, говоритъ Остроградскій,—Лермонтовъ лучше Третьяковскаго.

И, обратившись къ первому, онъ проситъ позволенія разрушить ихъ условіе.

При чтеніи балистики, Остроградскій говорилъ:

— У насъ есть семь формулъ, которыми мы будемъ пользоваться, а чтобы ихъ помнить, назовемъ каждую изъ нихъ по имени одного изъ великихъ полководцевъ, которыхъ также было семь. И на дальнѣйшихъ лекціяхъ онъ такъ и называлъ ихъ: возьмемъ Юлія Цезаря! возьмемъ Аннибала, возьмемъ Наполеона и т. д., при этомъ кстати приводилъ какой-нибудь анекдотъ изъ жизни Наполеона.

Однажды, Остроградскій началъ разсказывать о Наполеонѣ. Голосъ у Остроградскаго былъ зычный, и онъ сообщаетъ намъ, какъ Наполеонъ, обратившись къ солдатамъ, крикнулъ: les soldats, désirez vous!.. въ этотъ моментъ отворяется дверь, и въ аудиторію входитъ великій князь. Остроградскій, съ удивительной для его толщины легкостью, подбѣжалъ къ доскѣ и началъ, схвативъ мѣлъ: «возьмемъ интегралъ иксъ де иксъ ($\int x . dx$). Все это было сдѣлано такъ комично, что, несмотря на присутствіе великаго князя, всѣ улыбались, да и самъ великій князь, который вѣроятно слышалъ возгласъ Остроградскаго, также улыбнулся и вышелъ.

На экзаменѣ Остроградскій любилъ, чтобы отвѣчающій соображалъ въ умѣ всѣ небольшія вычисленія. Одинъ изъ офицеровъ Ф. былъ плохой математикъ; записки балистики были составлены очень сжато такъ что переходъ отъ одной формулы къ другой требовалъ цѣлаго ряда вычисленій. Офицеръ этотъ не умѣлъ самъ продѣлать эти вычисленія, но, обладая счастливой памятью, выучилъ всѣ формулы и при отвѣтѣ на экзаменѣ прямо говорилъ: «сдѣлавъ такія-то и такія-то вычисленія, получимъ» и затѣмъ пишетъ слѣдующую формулу. Остроградскій представить себѣ не могъ, что все это было заучено, но при каждой строкѣ, которую писалъ Ф., подскакивалъ на стулѣ, крича: «вотъ это такъ математикъ! какъ онъ быстро въ умѣ дѣлаетъ сложныя вычисленія!» По окончаніи отвѣта, онъ обращается къ Голензовскому: «12-ть балловъ ему, я нахожу, что и этого мало!» Тотъ же офицеръ на экзаменѣ высшей алгебры у П. Л. Лаврова, хотя также заучилъ отвѣтъ, но тотчасъ же былъ уличенъ въ незнаніи математики и, получивъ неудовлетворительный баллъ, былъ удаленъ изъ академіи.

Когда въ академію пріѣзжалъ Я. И. Ростовцевъ, то Михайло Васильевичъ удивлялъ насъ своимъ низкопоклонствомъ и стараніемъ угодить ему, несмотря на то, что самъ Ростовцевъ относился къ Остроградскому съ явнымъ уваженіемъ.

Кстати, нѣсколько словъ о семейной жизни Остроградскаго. Остроградскій много лѣтъ не жилъ съ своей женой, что̀ служило предметомъ различныхъ толковъ и сплетенъ. У насъ говорили, что онъ гдѣ-то на

станціи ночью по ошибкѣ сѣлъ въ чужой экипажъ, въ которомъ уже сидѣла, какъ онъ думалъ, его жена; когда обнаружилась ошибка, бывшая женщина посовѣтовала ему не исправлять этой ошибки, такъ какъ жена его все равно уѣхала съ ея мужемъ. Такимъ образомъ онѣ помѣнялись женами съ однимъ помѣщикомъ. Впослѣдствіи мнѣ довелось точно узнать эту исторію отъ человѣка очень близкаго къ Остроградскому. Михайло Васильевичъ ежегодно ѣздилъ въ свое имѣніе въ Полтавской губерніи. Одинъ годъ жена его уѣхала въ имѣніе раньше мужа, и когда Остроградскій пріѣхалъ, то жена его оказалась у сосѣда Козельскаго; Остроградскій поѣхалъ туда, жену свою не засталъ тамъ, а нашелъ всѣ ея платья и вещи, которыя показали ему, что жена его окончательно поселилась у Козельскаго. Онъ тотчасъ уѣхалъ домой, а вслѣдъ за нимъ пріѣхала къ нему жена Козельскаго и объявила ему, что такъ какъ жена его переселилась къ ея мужу, то она сама не намѣрена жить дома, а останется у него въ качествѣ воспитательницы его дѣтей. Болѣе близкія отношенія ихъ были созданы сплетней.

У Остроградскаго былъ одинъ сынъ и нѣсколько дочерей; сынъ не только не унаслѣдовалъ отъ отца блестящихъ его математическихъ способностей, но оказался очень слабымъ ученикомъ именно въ математикѣ и, будучи опредѣленъ въ артиллерійское училище, былъ оттуда исключенъ за неуспѣхи.

Преподавателемъ математики въ академіи былъ полковникъ Петръ Лавровичъ Лавровъ, извѣстный впослѣдствіи какъ эмигрантъ и ярый агитаторъ, издававшій за границею газету «Впередъ». Петръ Лавровичъ былъ человѣкъ науки, всегда занимавшійся, всегда серьезно относившійся къ своему дѣлу. Онъ читалъ намъ интегральное исчисленіе, теорію конечныхъ разностей и теорію вѣроятностей, при этомъ никогда не позволялъ себѣ заводить какіе бы то ни было разговоры, и кромѣ дѣла мы никогда ничего отъ него не слышали. Будучи его учениками мы и не подозрѣвали въ немъ будущаго политическаго дѣятеля, какимъ онъ оказался впослѣдствіи, и, при большемъ тактѣ, Россія никогда не нажила бы себѣ въ немъ такого сильнаго и опаснаго врага. Послѣ извѣстнаго выстрѣла Каракозова 4-го апрѣля 1866 г., въ Петербургѣ было арестовано много лицъ, нашли почему-то нужнымъ произвесть обыскъ и у Петра Лавровича; при обыскѣ у него нашли переписку съ различными заграничными соціалистическими обществами. Лаврова тотчасъ уволили отъ службы и арестовали и хотя въ дѣлѣ Каракозова онъ, какъ оказалось, участія не только не принималъ, но и не зналъ никого изъ арестованныхъ тогда лицъ; но его административнымъ порядкомъ сослали на жительство въ какой-то городъ Вологодской губерніи. Вотъ эта-то ссылка, лишившая его возможности проводить время въ научныхъ занятіяхъ, въ которыхъ онъ нуждался, какъ въ хлѣбѣ насущномъ,

заставила его изыскивать способы бѣжать за границу, что̀ ему и удалось исполнить. Если бы его оставили жить въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ, то онъ занимался бы литературой и ни въ какія политическія дѣла Россіи не вмѣшивался бы, что̀ видно даже и изъ того, что и за границей онъ вскорѣ совершенно разошелся съ соціалистами-динамитчиками. Надо замѣтить, что Лавровъ очень дорожилъ своимъ мундиромъ и своей службой и, будучи человѣкомъ скупымъ, опасался скомпрометтировать себя не только передъ правительствомъ, но и передъ начальствомъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ онъ состоялъ преподавателемъ, и никогда никто не имѣлъ причины быть имъ въ этомъ отношеніи недовольнымъ.

Преподавателемъ физики въ младшемъ курсѣ былъ полковникъ Аксель Вильгельмовичъ Гадолинъ, человѣкъ не только способный, но талантливый, прекрасно знавшій и читавшій предметъ; чтеніе его, а затѣмъ въ старшемъ курсѣ академика Э. Ф. Ленца развили во мнѣ особенную любовь къ физикѣ, которая зародилась еще въ корпусѣ.

Артиллерію читалъ полковникъ А. С. Платовъ, также отличавшійся превосходнымъ знаніемъ своего предмета.

Теоретическую механику читалъ бездарный преподаватель поручикъ Бѣляевъ, который читалъ по запискамъ Остроградскаго; этими записками мы и пользовались, а чтеніемъ Бѣляева никто не интересовался.

Практическую механику читалъ бывшій въ то время инспекторъ классовъ училища и академіи полковникъ Шитцъ, также не отличавшійся большими дарованіями.

Другіе преподаватели ничѣмъ не выдавались изъ уровня посредственности. По тактикѣ и военной исторіи читалъ полякъ, капитанъ генеральнаго штаба—Оскерко, который скомпрометтировалъ себя во время польскаго возстанія и затѣмъ неизвѣстно куда дѣвался.

Завѣдывающій курсомъ былъ старый полковникъ Комендантовъ, человѣкъ ограниченный, отъ котораго мы никогда не слыхали умнаго слова, и надъ которымъ офицеры всегда издѣвались. Комендантовъ вскорѣ затѣмъ помѣшался; онъ былъ крайне скупъ, и ему все казалось, что онъ обѣднѣлъ; онъ все считалъ деньги и продалъ свое заведеніе бассейныхъ каретъ [1]) за какую-то бездѣлицу.

Когда я черезъ годъ снова поступилъ въ академію въ старшій курсъ, составъ служащихъ тамъ совершенно уже измѣнился: начальникомъ училища и академіи былъ генералъ Крыжановскій, а Р. былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта; инспекторомъ классовъ,

[1]) Комендантовъ, въ подраженіе Шлиппенбаху, устроилъ городскія кареты, ходившія отъ Покрова до Песковъ; линія эта приносила ему огромный доходъ.

вмѣсто умершаго полковника Шитца, былъ назначенъ Платовъ; Комендантовъ умеръ, и на его мѣсто поступилъ Беренсъ; изъ-за границы прибыли новые профессоры баллистики—Маевскій, химіи — Шишковъ, теоріи повозокъ — Горловъ, лекціи практической механики, вмѣсто Шитца, читалъ И. Вышнеградскій [1]); прибавивъ къ нимъ Э. Ф. Ленца, читавшаго физику и физическую географію, Платова—артиллерію, мы имѣли цѣлый рядъ талантливыхъ профессоровъ и преподавателей на старшемъ курсѣ академіи.

Изъ всѣхъ этихъ преподавателей только одинъ Маевскій вначалѣ возбуждалъ противъ себя нѣкоторое неудовольствіе. Зная прекрасно свой предметъ, онъ читалъ съ какой-то непривлекательной манерой фата, чѣмъ и произвелъ на насъ непріятное впечатлѣніе, такъ что офицеры называли его фигляромъ; впослѣдствіи большинство изъ насъ приглядѣлось къ его манерѣ, но нѣкоторые перестали посѣщать его лекціи и до конца года не ходили его слушать, а занимались дома по составленнымъ имъ прекраснымъ запискамъ. Одинъ изъ офицеровъ, прапорщикъ Ханыковъ, хорошій математикъ, никогда не бывалъ на лекціяхъ Маевскаго, что̀ не ускользнуло отъ вниманія послѣдняго; на экзаменѣ Маевскій долго смотрѣлъ на Х. и, наконецъ, спросилъ: кто этотъ офицеръ? Узнавъ фамилію, онъ подошелъ къ нему и говоритъ: «имѣю честь рекомендоваться,—полковникъ Маевскій», на что̀ Х. спокойно отвѣтилъ: — прапорщикъ Х., затѣмъ оба дружелюбно потрясли взаимно руки. Экзаменовалъ Маевскій его больше полутора часа, говоря: «я васъ никогда не видѣлъ на лекціи и потому, извините меня, я долженъ хорошо познакомиться съ вашими знаніями». И все-таки поставилъ ему 12 балловъ, сказавъ: «хотя я и рекомендовался ему, но сознаюсь, что онъ превосходно знаетъ предметъ».

По окончаніи экзаменовъ, всѣ окончившіе курсъ по 1-му разряду получили право носить мундиръ гвардейской артиллеріи, служа по учебному вѣдомству. Это единственное право, которое получили мы за наши занятія въ академіи, въ 1870 году было, не извѣстно по какой причинѣ, отнято у насъ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, когда мы уже находились на службѣ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

При переходѣ изъ младшаго курса академіи въ старшій, офицеры, для изученія техническаго дѣла въ Россіи, ѣздили на заводы, я же, какъ поступившій прямо въ старшій курсъ, былъ отправленъ на заводы по окончаніи курса въ іюнѣ и до 1-го октября 1859 года. Поѣздку эту я совершилъ вмѣстѣ съ офицерами, переходившими въ старшій курсъ, на слѣдующіе заводы: въ Сестрорѣцкъ (оружейный заводъ), въ Колпино (механическій заводъ), въ Петрозаводскъ (чугунно-литейный)

[1]) Впослѣдствіи министръ финансовъ.

въ Питкеранде въ Финляндіи (мѣдноплавильный) и на Охтенскій (пороховой) заводъ и на капсюльное заведеніе...

Реформа военныхъ гимназій.

Записки мои, со времени описанія реформы кадетскихъ корпусовъ, едва обнимаютъ двадцатилѣтній періодъ, и уже мнѣ приходится говорить вторично о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній. Перемѣнились лица,—измѣнились и взгляды, тамъ время требовало перемѣны въ системѣ воспитанія, здѣсь лица требовали возвращенія къ старому. Отъ стараго ушли и къ старому вернулись; впрочемъ, это уже не въ первый разъ: при Екатеринѣ роты въ корпусѣ замѣнили возрастами и офицеровъ дежурныхъ—воспитателями, при Павлѣ возрасты замѣнили ротами, воспитателей дежурными офицерами и ротными командирами, при Александрѣ II роты замѣнили возрастами, ротныхъ командировъ и дежурныхъ офицеровъ—воспитателями, при Александрѣ III снова вернулись къ старому; будемъ надѣяться, что придетъ время, когда опять вернутся къ воспитанію. Такая ужь участь русскаго юношества, постоянно подвергаться экспериментамъ.

Въ мартѣ 1881 года, тотчасъ послѣ полученія телеграммы изъ Петербурга о смерти Александра II, командиръ 13-го корпуса, расположеннаго въ Кіевѣ, генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, устроивъ торжественную панихиду и присягу войскамъ кіевскаго гарнизона, вскорѣ затѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ, откуда вернулся довольный и веселый, что̀ заставило кіевлянъ предполагать, что онъ ожидаетъ новаго назначенія. Въ маѣ Ванновскій получаетъ изъ Петербурга телеграмму, въ которой ему предложена должность оренбургскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками округа, вмѣсто генерала Крыжановскаго, удаленнаго за раздачу оренбургскихъ и уфимскихъ земель. На отвѣтъ Ванновскому назначенъ былъ срокъ недѣля, по прошествіи которой онъ и послалъ въ Петербургъ свое согласіе. Вскорѣ однако Ванновскій получилъ новую телеграмму съ требованіемъ немедленно явиться въ Петербургъ. Изъ Петербурга Ванновскій телеграфировалъ своей женѣ: «мнѣ предложено военное министерство, на-дняхъ состоится высочайшій приказъ о назначеніи меня управляющимъ военнымъ министерствомъ». Эта телеграмма тотчасъ разнеслась по Кіеву и привела всѣхъ въ изумленіе. Никто не ожидалъ, чтобы Петръ Семеновичъ, строевой генералъ и ничего больше, получилъ бы такой постъ. Одинъ

извѣстный генералъ даже выразился по этому поводу публично: «вся русская армія удивлена этимъ назначеніемъ».

Какъ извѣстно, назначеніе Ванновскаго военнымъ министромъ повлекло за собою удаленіе отъ занимаемыхъ ими должностей всѣхъ безъ исключенія начальниковъ военныхъ управленій и между прочимъ Н. В. Исакова, вмѣсто котораго назначенъ былъ, опять на удивленіе русской арміи, генералъ Н. А. Ма—нъ, человѣкъ, никогда не стоявшій около учебнаго и воспитательнаго дѣла. Для насъ, давно уже служившихъ въ военно-учебномъ вѣдомствѣ и хорошо знавшихъ Ванновскаго, было ясно, что другаго выбора и быть не могло, потому что Ванновскій желалъ имѣть главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній вполнѣ покорное ему лицо, въ которомъ бы онъ не встрѣтилъ сопротивленія въ своихъ преобразованіяхъ.

Будучи знакомымъ съ Ванновскимъ въ Кіевѣ и хорошо зная его, я, какъ и всѣ знавшіе его характеръ, ожидали большихъ перемѣнъ въ министерствѣ, такъ какъ Ванновскій, будучи честолюбивъ и самолюбивъ до крайности, непремѣнно пожелаетъ, чтобы во всѣхъ частяхъ военнаго министерства остался слѣдъ его управленія. Разумѣется, я въ запискахъ своихъ коснусь преобразованія однихъ только военно-учебныхъ заведеній.

Въ іюлѣ 1882 года вышелъ приказъ о переименованіи военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса и воспитанниковъ этихъ корпусовъ въ кадетъ. Хотя измѣнили только названіе, но главное управленіе стало издавать приказы, которые показали, что характеръ отношеній управленія къ этимъ заведеніямъ измѣнился: въ приказахъ этихъ стали появляться замѣчанія и строгіе выговоры директорамъ заведеній, чего не было со временъ Ростовцева. Въ самыхъ корпусахъ также отразился новый духъ: многіе воспитательные вопросы, которые прежде обсуждались въ педагогическихъ комитетахъ и приводились въ исполненіе только послѣ обсужденія и рѣшенія ихъ комитетомъ, теперь стали прямо предписываться къ исполненію приказомъ по корпусу, отдаваемымъ директоромъ. Если въ началѣ еще сохранилась нѣкоторая тѣнь воспитанія, то только потому, что директора корпусовъ оставались еще тѣ же люди, которые управляли военными гимназіями. 1882—83 учебный годъ прошелъ однако безъ большихъ перемѣнъ, было только распоряженіе не принимать вновь воспитателями лицъ гражданскихъ; уже въ 1883—84 учебномъ году были потребованы въ Петербургъ нѣкоторые директора кадетскихъ корпусовъ, для обсужденія проекта преобразованія. Ясно было, что хотятъ вернуться къ прежнимъ корпуснымъ порядкамъ. Въ началѣ остановились на переименованіи въ первое время старшаго возраста въ строевую роту, собравъ въ этой ротѣ воспитанниковъ 7-го и 6-го классовъ, которымъ дать организацію, по-

добную ротамъ военныхъ училищъ, и выводить воспитанниковъ въ лагерь. Съ августа 1884 года было приступлено къ преобразованію. Введены были опять ротные командиры и дежурные офицеры. Дежурными офицерами назначены были молодые офицеры, взятые изъ строя, совершенно не знакомые съ требованіями воспитанія. Духъ управленія корпусовъ измѣнился еще рѣзче. Педагогика была отброшена, какъ ненужный балластъ; когда однажды обратились было къ помощнику главнаго начальника генералу Зедделеру съ какимъ-то вопросомъ, и при этомъ были высказаны педагогическія соображенія-то онъ только отмахнулся рукой, говоря: «охъ, ужь эта мнѣ педагогика!» Въ маѣ 1885 года было приказано назначить въ старшей ротѣ каждаго корпуса фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ; хорошо еще, что пока остановились на одной ротѣ, въ другія роты еще не рѣшились дать унтеръ-офицеровъ, такъ какъ директора положительно возстали противъ этого.

Опять приходится задавать себѣ старый вопросъ: нужно-ли было преобразовывать военныя гимназіи? На этотъ вопросъ отвѣчу слѣдующее: въ коренныхъ преобразованіяхъ военныя гимназіи не нуждались; надо было только уменьшить ихъ комплектъ и уменьшить численность каждаго возраста, т. е. слѣдовало выполнить тотъ принципъ, отъ котораго такъ скоро отступились, при началѣ преобразованій военныхъ гимназій, и тогда только воспитаніе могло идти успѣшнѣе, а возвращаться къ кадетскимъ корпусамъ, т. е. къ тѣмъ порядкамъ, которые совершенно отжили свой вѣкъ, было анахронизмомъ, и придетъ время, когда господа преобразователи раскаятся въ своемъ промахѣ.

Интересно то обстоятельство, что многія изъ лицъ, писавшихъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ проектъ преобразованія прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, были еще живы и могли бы возвысить свой голосъ противъ обратныхъ преобразованій; почему же они молчали? Нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ Милютина, Исакова, Корсакова и др., никто не спрашивалъ и никто ихъ не слушалъ; но вотъ Да—ичъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей прежнихъ преобразованій и первый директоръ военной гимназіи, когда къ нему прямо обратились съ вопросомъ: Что же вы не отстаиваете военныхъ гимназій, которыя вы же взлелѣяли? отвѣтилъ: «да, въ то время это было увлеченіе».

Новый духъ кадетскихъ корпусовъ выразился между прочимъ и въ новыхъ назначеніяхъ, совершенно прежде невозможныхъ, на должности директоровъ: стали назначать батальонныхъ командировъ изъ военныхъ училищъ (изъ Павловскаго училища полковникъ Рѣпинъ—въ Воронежскій корпусъ), начальниковъ юнкерскихъ училищъ (Варшавскаго полковникъ Левачевъ—во вновь открытый Донской кадетскій корпусъ въ Новочеркаскѣ; начальникъ Тверскаго кавалерійскаго училища полковникъ Рейнеке—въ 3-й московскій, а потомъ въ Омскій и, нако-

нецъ, въ Нижегородскій корпусъ), словомъ, хорошаго строевика или манежнаго начальника стали предпочитать педагогамъ. Назначенъ былъ директоромъ начальникъ учебнаго отдѣленія главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній генералъ В—ій въ 4-й московскій корпусъ. Человѣкъ этотъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ состоялъ лишь въ канцеляріи и никогда не стоялъ около живыхъ людей: ни воспитателемъ, ни преподавателемъ, даже дежурнымъ офицеромъ при воспитанникахъ никогда не былъ; удивительно-ли, что новые порядки, да еще при такомъ новомъ неопытномъ и неумѣломъ директорѣ, вызвали въ строевой ротѣ 4-го моск. корпуса скандалъ, напомнившій кадетскіе скандалы и скандалъ 2-го кадетскаго корпуса въ годъ его преобразованія. Скандалъ окончился тѣмъ, что кадеты побили дежурнаго офицера, а когда В—ій, спустя два часа, самъ показался было въ роту, то и ему подшибли ногу обломкомъ скамейки. Наказаніе послѣдовало такое: роту уничтожили на тотъ годъ, кадетъ исключили частью въ солдаты (20 человѣкъ), частью перевели въ другіе корпуса, а директора пришлось убрать опять въ канцелярію. Кадета Солтанова, побившаго офицера, назначили въ дисциплинарный батальонъ!

Назначеніе по одному ротному командиру—полковнику обошлось государству не дешево. Ротный командиръ, кромѣ квартиры, получаетъ въ годъ 1.500 р. жалованія, слѣдовательно, всѣ 20-ть ротн. командировъ во всѣхъ корпусахъ—30 тысячъ, кромѣ того, такъ какъ не во всѣхъ корпусахъ оказались на лицо квартиры, то нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось выплачивать еще квартирныя деньги, такъ что всего пришлось выдавать 32.760 р., почти тридцать три тысячи выкинуть для учрежденія должности двадцати дармоѣдовъ, безъ которыхъ двадцать слишкомъ лѣтъ отлично обходились военныя гимназіи! Чтобы достать эти 33 тысячи, пришлось закрыть въ Омскѣ (въ Сибири) военную прогимназію въ 200 интерновъ; такимъ образомъ назначенные по одному ротному командиру въ каждомъ корпусѣ проглотили цѣлое учебно-воспитательное заведеніе! Правда, прогимназія стоила 47 тысячъ въ годъ, и остальныя 14 тысячъ пошли на увеличеніе комплекта воспитанниковъ въ Сибирскомъ корпусѣ.

Въ августѣ того же 1885 года велѣно было всѣхъ бывшихъ кадетъ 4-го московскаго корпуса, исключенныхъ въ солдаты за произведенный ими безпорядокъ, принять въ военныя училища, если они выдержатъ экзаменъ. Всѣхъ 20 человѣкъ распредѣлили по тремъ училищамъ: въ Константиновское и Павловское по 7, а въ Александровское—6, въ числѣ назначенныхъ въ Павловское училище былъ и Солтановъ, избившій своего офицера. Не знаю, какъ держали экзаменъ въ остальныхъ двухъ училищахъ, но изъ 6 назначенныхъ въ Александровское училище трое только выдержали экзаменъ, хотя и имѣли только по 6-ти балловъ

въ среднемъ. Надо замѣтить, что главное управленіе видимо желало во что бы то ни стало опредѣлить ихъ въ училища; вмѣсто 14-ти предметовъ, изъ которыхъ держатъ экзаменъ воспитанники 7-го класса корпусовъ, велѣно было ихъ подвергнуть экзамену только изъ 6-ти предметовъ, при томъ по уменьшенной программѣ. Изъ предназначенныхъ въ Александровское училище только одинъ удовлетворилъ условію поступленія (не менѣе 7-ми въ среднемъ), комитетъ училища призналъ возможнымъ представить троихъ, т. е. всѣхъ выдержавшихъ, хотя бы и на 6; несмотря на это снисхожденіе, главный начальникъ приказалъ принять еще четвертаго, получившаго изъ математики 4 б., и отказано только двоимъ, получившимъ въ среднемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ 5 балловъ. Въ остальныхъ училищахъ были приняты всѣ экзаменовавшіеся. Такимъ образомъ, кадеты, потушившіе лампы, побившіе стекла, мебель, ругавшіе офицеровъ, избившіе одного изъ офицеровъ, разбившіе ногу директору и грудь ротному командиру,—въ томъ же учебномъ году были приняты въ училище вмѣстѣ съ своими, товарищами, пострадали же: директоръ, у котораго отняли заведеніе инспекторъ классовъ, котораго перевели въ Нижній Новгородъ, ротный командиръ, который долженъ былъ выйти въ отставку, всѣ дежурные офицеры, которыхъ исключили изъ числа служащихъ въ корпусѣ. Мудрено-ли, что кадеты говорили затѣмъ: «мы остались правы, а кого хотѣли выгнать, того и выгнали», и въ день годовщины этого знаменитаго дня на всѣхъ доскахъ 4-го корпуса явилась надпись: «годовщина» [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію хода дальнѣйшихъ преобразованій военно-учебныхъ заведеній, остановлюсь нѣсколько на личности главнаго начальника.

Если, какъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ отдѣловъ моихъ записокъ, генералъ Исаковъ былъ не на своемъ мѣстѣ въ этой должности, то генералъ Ма—нъ уже совершенно никуда не годился; первый свысока и издали смотрѣлъ на свое вѣдомство, а этотъ только и боялся, какъ бы кто-нибудь не забылъ, что онъ главный начальникъ. «Я вашъ главный начальникъ!» повторялъ онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. «Для васъ главный начальникъ звѣзда!» любилъ выражаться онъ передъ своими подчиненными. Исаковъ вельможа, баринъ и все-таки считалъ нужнымъ знакомиться съ своими подчиненными, зная, что изъ нихъ ему придется дѣлать выборъ при назначеніи въ

[1]) Изложенное выше было написано въ 1886 году. Послѣ этого въ Павловскомъ училищѣ юнкеръ Солтановъ, столь снисходительно допущенный въ это училище, бросился со штыкомъ на дежурнаго офицера, за что и былъ отданъ подъ судъ. Излишнее снисхожденіе, скажемъ слабость, окончательно сгубило молодаго человѣка.

различныя должности: директора, инспектора и друг. Онъ по нѣсколько часовъ говорилъ съ инспекторомъ классовъ того заведенія, которое посѣтилъ, или съ преподавателемъ, котораго ему рекомендовали какъ могущаго занять должность инспектора. Онъ въ личной бесѣдѣ узналъ человѣка и его взглядъ на дѣло воспитанія. Н. А. Ма—нъ считалъ за униженіе снисходить до разговора съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ начальниковъ заведеній. Онъ, напр., такъ выразился одному директору корпуса, который рекомендовалъ ему своего инспектора, который имѣетъ всѣ права на полученіе должности директора: «какъ вы хотите, чтобы я назначилъ на должность директора корпуса человѣка, котораго я не видалъ въ глаза; вотъ погодите, я побываю въ вашемъ заведеніи и познакомлюсь съ нимъ, и тогда посмотримъ». Пріѣхавъ въ это заведеніе, онъ познакомился съ инспекторомъ, но какъ? Когда директоръ представилъ ему инспектора, то онъ молча протянулъ ему руку и, хотя пробылъ два дня въ городѣ, былъ нѣсколько разъ въ заведеніи, но ни одного слова болѣе не сказалъ съ инспекторомъ. Такъ онъ знакомился и съ другими инспекторами. Понятно послѣ этого, что Ма—нъ, прослуживъ пять лѣтъ по военно-учебнымъ заведеніямъ въ должности главнаго начальника (писано въ 1886 году), не зналъ никого изъ служащихъ [1]). Понятно также, почему онъ дѣлалъ такія странныя и неудачныя назначенія директоровъ, какъ упомянутыхъ выше лицъ, или какъ Кругликова, о которомъ я говорилъ выше, директоромъ Полтавскаго корпуса, соннаго человѣка, который и въ учительской семинаріи въ должности директора, при семидесяти ученикахъ, былъ чистымъ нулемъ. Въ отношеніи воспитанниковъ Ма—нъ держалъ себя болѣе нежели странно. Пріѣхавъ въ Александровское военное училище въ Москвѣ, онъ увидѣлъ довольно красиваго юношу дежурнымъ и при всѣхъ юнкерахъ сталъ говорить: «ахъ какой огурчикъ! Вотъ красавчикъ! Вы сдѣлаете себѣ карьеру!» Не буду дѣлать никакихъ комментаріевъ на эти его слова, скажу только, что несчастный юнкеръ слылъ у товарищей до самаго выпуска подъ названіемъ «огурчикъ». Въ Воронежскомъ корпусѣ Ма—нъ взялъ за обѣдомъ у одного воспитанника ложку, чтобы попробовать супъ; отдавая ему ложку, онъ сказалъ: «вы пожалуйста не бойтесь кушать этой ложкой, я не боленъ» (!?) При вступленіи въ должность, Ма—нъ всюду находилъ безпорядки, все хулилъ, все находилъ распущеннымъ, а черезъ годъ ужъ онъ призналъ возможнымъ находить все прекраснымъ, приписывая конечно себѣ улучшеніе военно-учебныхъ заведеній. Пріѣзжая въ какое-нибудь заведеніе и простоявъ, напр., только обѣдню, онъ собиралъ затѣмъ воспитанни-

---

[1]) Въ настоящее время (1898 г.) онъ прослужилъ уже 17 лѣтъ начальникомъ въ военно-учебныхъ заведеній и все-таки никого и ничего не знаетъ.

ковъ въ залу и заявлялъ: «найдя заведеніе въ блестящемъ состояніи, я прошу начальника заведенія уволить васъ на сутки въ отпускъ». Часъ пребыванія у обѣдни давалъ ему уже право судить о блестящемъ состояніи заведенія! Въ издаваемомъ при главномъ управленіи «Педагогическомъ сборникѣ» Ма—нъ самъ просматривалъ всѣ статьи, назначенныя редакторомъ для печатанія и отнюдь не допускать никакихъ критическихъ статей. «Мы, говорилъ онъ, въ своемъ же журналѣ да еще будемъ писать на себя критику». Вслѣдствіе этого, онъ не допустилъ даже указанія на недостатки «Каталога книгъ для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ», составленнаго коммиссіей при главномъ управленіи. Исаковъ, напротивъ того, разсылалъ циркуляры, въ которыхъ предлагалъ служащимъ разбирать выработанные коммиссіей при главномъ управленіи различные вопросы. Понятно, что «Педагогическій сборникъ» потерялъ при Ма—нѣ всякій интересъ въ средѣ служащихъ.

Въ 1887 году всѣ роты корпусовъ получили ротныхъ командировъ, для чего закрыли еще прогимназію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. Плетневъ и его отношенія къ Жуковскому и Пушкину.

(Страница изъ жизни нашихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей первой половины XIX вѣка).

I.

Едва-ли въ исторіи нашей литературы XIX вѣка можно встрѣтить личность подобно Плетневу, имя котораго пользовалось бы такою извѣстностью, между тѣмъ какъ сама жизнь и дѣятельность оставалась бы совершенно неизвѣстною читающей публикѣ. Что это дѣйствительно такъ, достаточно раскрыть любой учебникъ литературы, въ которомъ болѣе или менѣе обстоятельно изложены біографіи нашихъ первоклассныхъ писателей первой половины девятнадцатаго столѣтія. Имя Плетнева упоминается въ нихъ неоднократно, идетъ-ли рѣчь о жизни и дѣятельности Пушкина, Жуковскаго, Крылова или Гоголя. Но при всемъ томъ ни слова не говорится о жизни и дѣятельности самого Плетнева. Благодаря, однако, частому упоминанію этого имени, оно настолько прочно запечатлѣвается въ памяти, что всякій, кто только читалъ эти біографіи, всегда скажемъ, что это имя ему хорошо извѣстно. Съ другой стороны, неоднократное упоминаніе о Плетневѣ даетъ основаніе предполагать, что эта личность стояла въ довольно близкихъ отношеніяхъ ко всѣмъ тѣмъ писателямъ, въ біографіяхъ которыхъ она упоминается. И, дѣйствительно, подобное предположеніе находитъ для себя довольно вѣское, фактическое подтвержденіе, если подробно разсмотрѣть оставшуюся послѣ Плетнева переписку и, наконецъ, бросить бѣглый взглядъ на характеръ и направленіе литературы русской въ первой половинѣ XIX-го столѣтія, имѣя въ виду при этомъ дѣятель-

ность того кружка, главнымъ представителемъ котораго былъ Пушкинъ, а по смерти послѣдняго первенствующее мѣсто въ немъ занялъ Плетневъ.

П. А. Плетневъ родился 10-го августа 1792 года. По окончаніи Педагогическаго института въ 1814 г., отдался педагогической дѣятельности въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Благодаря знакомству съ Жуковскимъ, назначенъ воспитателемъ къ наслѣднику престола великому князю Александру Николаевичу въ 1828 году и состоялъ въ этой должности до 1840 года. Въ это же время онъ давалъ уроки русскаго языка великимъ княжнамъ Маріи Николаевнѣ и Ольгѣ Николаевнѣ. Съ 1832 года назначенъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета и главнаго Педагогическаго института. Съ 1840 г. онъ былъ избранъ ректоромъ С.-Петербургскаго университета и оставался въ этой должности до 1861 года. Въ 1841 году былъ избранъ членомъ возникшаго тогда при Академіи наукъ отдѣленія русскаго языка и словесности, въ коемъ званіи оставался по мартъ 1865 г., при чемъ съ 1859 года состоялъ предсѣдателемъ этого отдѣленія. Умеръ 29-го декабря 1865 г. Литературная дѣятельность выразилась въ критическихъ статьяхъ по разнымъ вопросамъ литературы, изданіи журналовъ «Соревнователь» (въ 1819 г.), «Современникъ» (въ 1838 г.), стихотворныхъ опытахъ (Соч. и переп. П. А. Плетнева, три тома, изд. 1885 г.) Направленіе его литературной дѣятельности и взгляды имѣютъ тѣсную связь съ задачами литературныхъ обществъ, отличавшихся новымъ направленіемъ въ началѣ XIX вѣка, и между прочимъ пушкинскаго кружка.

Пушкинскій кружокъ, сформировавшійся въ первой четверти XIX-го столѣтія подъ именемъ «Арзамаза», представлялъ собою «своего рода Олимпъ» и пользовался огромнымъ авторитетомъ въ обществѣ и литературѣ того времени. Это была, по мнѣнію Скабичевскаго, та «литературная аристократія, которую составляли выдающіеся писатели того времени Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, Крыловъ, Батюшковъ». Установившаяся между ними близость имѣла для себя главнымъ образомъ, если не исключительно, литературную почву. Всѣ члены этого кружка въ одинаковой мѣрѣ и съ необыкновеннымъ интересомъ старались работать для установленія различныхъ формъ поэтическаго творчества по преимуществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ они стремились къ тому, чтобы устранить ту реторическую напыщенность, которая господствовала раньше въ литературныхъ произведеніяхъ, и, наконецъ, выработать вполнѣ правильный языкъ и стиль, при чемъ на это послѣднее обращали свое особенное вниманіе. Будучи проникнуты такими задачами, члены этого кружка слѣдили за всѣмъ, что только появлялось новаго въ литературѣ. Коль скоро они замѣчали что-либо выдающееся, не обходили его молчаніемъ и, стараясь привлекать молодыхъ авторовъ въ свой кружокъ,

способствовали оживленію его. Поэтому названный литературный кружокъ былъ тѣмъ мостомъ, по которому вступали молодые и неувѣренные еще въ своихъ силахъ авторы на болѣе широкое поприще литературной дѣятельности. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ и Плетневъ. Его имя сдѣлалось извѣстнымъ кружку съ того времени, когда стали появляться его первые литературные критическіе опыты. Эти послѣдніе обратили на себя вниманіе и доставили Плетневу полную возможность стать членомъ кружка. Нельзя съ точностью сказать, когда Жуковскій ввелъ Плетнева въ кружокъ. Но несомнѣнно, что этотъ фактъ, какъ нельзя лучше, отвѣчалъ желаніямъ и стараніямъ самого Плетнева, видѣвшаго для себя въ этомъ залогъ успѣшной и плодотворной дѣятельности. Иначе нельзя было бы объяснить той искренней благодарности, которую Плетневъ неоднократно высказывалъ Жуковскому въ своихъ письмахъ. Очевидно, что онъ хорошо сознавалъ то великое значеніе, какое имѣлъ кружокъ въ дѣлѣ его литературнаго развитія.

Такимъ образомъ внѣшнимъ поводомъ къ сближенію Плетнева съ писателями, его современниками, было существованіе кружка, съ одной стороны, и появленіе первыхъ его литературныхъ опытовъ, съ другой. Эти послѣдніе на первыхъ порахъ служили для Плетнева главнымъ связующимъ звеномъ съ кружкомъ, члены котораго были объединены главнымъ образомъ литературными интересами. Самъ Плетневъ, вступая въ кружокъ, являлся почитателемъ и поклонникомъ тѣхъ писателей, которые пользовались тогда всеобщею извѣстностью, и въ первыхъ его критическихъ статьяхъ, касавшихся произведеній Пушкина, Жуковскаго и др. (Сочин. и переписка Плетнева, т. I), это имъ выражено довольно ясно.

Сближеніе Плетнева съ писателями-членами кружка, начавшееся на почвѣ строго литературныхъ интересовъ, переходитъ затѣмъ въ тѣсную дружбу съ ними. Это легко объясняется тѣми особыми условіями и обстоятельствами, въ которыя былъ поставленъ, съ одной стороны, Плетневъ, а съ другой, его литературные сверстники и друзья.

Спустя немного времени послѣ вступленія въ кружокъ, Плетневъ успѣлъ пріобрѣсть въ немъ извѣстное значеніе и вѣсъ, благодаря главнымъ образомъ своимъ критическимъ трудамъ. По мѣрѣ того, какъ появлялись эти послѣдніе, къ голосу его критики стали прислушиваться и дорожить его мнѣніемъ не только второстепенные писатели, но даже и тѣ свѣтила, которымъ онъ обязанъ былъ первыми шагами своей литературной дѣятельности. Такому быстрому усиленію авторитета и значенія Плетнева могло способствовать то обстоятельство, что онъ въ кружкѣ былъ единственнымъ критикомъ. Главная причина заключалась еще и въ справедливости и безпристрастіи его, какъ критика, въ отсутствіи духа мелочной полемики, переходящей въ простую придирчивость,

и, наконецъ, въ тѣхъ симпатичныхъ чертахъ характера, которыя сообщали извѣстное обаяніе его личности и невольно располагали каждаго въ его пользу. Все это способствовало тому, что постепенно создавалось вліяніе Плетнева въ кружкѣ, отразившееся на видныхъ его представителяхъ—Пушкинѣ и Жуковскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ ними, а также полнаго преклоненія предъ ними Плетнева, есть основаніе заключить и о вліяніи этихъ писателей на Плетнева. Такимъ образомъ, путемъ частыхъ сношеній и общности интересовъ создается нравственная связь между Плетневымъ и названными писателями-членами кружка. Связь эту закрѣпляли и внѣшнія обстоятельства. Жизнь Плетнева складывалась такимъ образомъ, что онъ съ первыхъ дней поступленія своего на службу почти безвыѣздно жилъ въ С.-Петербургѣ. Между тѣмъ его товарищи по кружку вели жизнь кочевую и въ большинствѣ случаевъ вдали отъ столицы. Въ виду этого у Плетнева была полная возможность исполнять тѣ порученія, исполненіе которыхъ было связано съ непремѣннымъ пребываніемъ въ столицѣ. Цѣня въ Плетневѣ широкій жизненный опытъ, безкорыстное и честное отношеніе къ дѣлу, друзья его неоднократно обращаются къ нему съ самыми разнообразными просьбами, какъ, напримѣръ, о высылкѣ необходимыхъ книгъ, о хлопотахъ относительно изданія сочиненій, о сношеніяхъ съ цензурой и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто они обращаются къ нему и за совѣтами о томъ, что слѣдуетъ предпринять для болѣе выгоднаго изданія сочиненій, когда удобнѣе приступить къ этимъ изданіямъ и т. п. Затѣмъ, они съ живымъ интересомъ и глубокимъ вниманіемъ читаютъ тѣ поправки, которыя дѣлаетъ Плетневъ въ ихъ сочиненіяхъ, и, отдавая эти сочиненія прежде всего на его судъ, просятъ высказать относительно ихъ свое мнѣніе. Наконецъ, они же дѣлаютъ Плетнева повѣреннымъ своихъ семейныхъ тайнъ, стараясь дѣлиться съ нимъ впечатлѣніемъ каждаго новаго событія въ ихъ жизни, радостное-ли оно или печальное. На подобныя отношенія давало право то участіе, та теплота и задушевность, которыми отвѣчалъ всегда Плетневъ, стараясь удовлетворить просьбы своихъ товарищей по кружку. Такими чертами проникнуты вообще отношенія Плетнева къ Пушкину и Жуковскому,—тѣ отношенія, которыя, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе скрѣплялись, переходя съ годами въ тѣсную и искреннюю дружбу. И нужно сказать, что на длинномъ протяженіи лѣтъ эти отношенія поддерживаются съ одинаковымъ интересомъ съ обѣихъ сторонъ. Прерываются эти отношенія только у могилы кого-нибудь изъ друзей, вызывая въ оставшихся сердечное чувство участія, пріятныя воспоминанія о золотомъ и невозвратномъ прошломъ, грустное сознаніе надвигающагося одиночества и, наконецъ, желаніе почтить чѣмъ-либо память умершаго друга.

Имѣя въ виду выяснить отношеніе Плетнева къ знаменитымъ современникамъ его — Пушкину и Жуковскому, мы должны замѣтить, что Плетневъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ является, съ одной стороны, какъ литературный критикъ, а съ другой, какъ близкій, преданный человѣкъ; точнѣе говоря, какъ другъ «самый услужливый» [1]), «самый вѣрный» [2]) и самый отзывчивый. Съ этихъ точекъ зрѣнія, на основаніи главнымъ образомъ переписки Плетнева, будетъ данъ разборъ этихъ отношеній.

II.

Жуковскій стоялъ къ Плетневу болѣе близко, чѣмъ всѣ другіе члены пушкинскаго кружка. Какъ извѣстно, вся служебная дѣятельность Плетнева ограничивалась исключительно педагогическимъ поприщемъ. Между тѣмъ, Жуковскій былъ по призванію поэтъ и писатель. Единственный разъ онъ выступилъ въ роли педагога тогда, когда былъ приглашенъ въ качествѣ воспитателя къ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу. Стараясь отыскать себѣ помощниковъ въ этомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ, онъ остановилъ свой выборъ на Плетневѣ, который оказалъ ему незамѣнимую услугу, какъ въ дѣлѣ составленія программы, такъ и въ дѣлѣ самаго преподаванія. Такимъ образомъ, литература и педагогія — вотъ тѣ элементы, которые соединяли двухъ дѣятелей, давали пищу ихъ разговорамъ, тему ихъ письмамъ. Сходство задачи, общность интересовъ, освѣщаемая сознаніемъ ихъ великой важности и значенія, установило такой порядокъ, что для обоихъ сдѣлалось нравственною необходимостью дѣлиться другъ съ другомъ своими мыслями. И дѣйствительно, мы видимъ, что отношенія Плетнева къ Жуковскому, начавшіяся съ 20 годовъ XIX вѣка, прерываются почти наканунѣ смерти Жуковскаго [3]), которая вызвала въ Плетневѣ чувство глубокой грусти и тяжелое сознаніе одиночества. Единственное утѣшеніе онъ находитъ въ томъ, что пишетъ біографію Жуковскаго. Этимъ занятіемъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается облегчить и свое личное горе—смерть горячо любимой имъ дочери Ольги, умер-

---

[1]) Такъ называетъ его Пушкинъ въ письмѣ къ А. А. Бестужеву. „Русская Старина“, 1882, № 2, стр. 450.

[2]) „Вѣстн. Евр.“ 1895, кн. XI, стр. 278.

[3]) Послѣднее письмо Плетнева къ Жуковскому помѣчено 9-мъ апрѣля 1852 г., а 12-го апр. того же года Жуковскій умеръ. Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 738—739.

шей 15-го октября 1852 года. Что Жуковскій дѣйствительно былъ дорогъ Плетневу, что привязанность послѣдняго была велика и искренна, объ этомъ въ достаточной степени говоритъ ихъ переписка, обнимающая собою время съ 1823 по 1852 г. Установившіяся дружескія сношенія отличаются въ теченіе этого длиннаго періода времени удивительнымъ постоянствомъ и ровностью, глубиною чувства и самой неподдѣльной искренностью. Въ нихъ мы не замѣчаемъ тѣхъ скачковъ, которые бы говорили то объ особенныхъ приливахъ чувства, то объ охлажденіи. Напротивъ, жизненные факты и явленія довольно ровно и послѣдовательно укладываются въ одно русло, всегда одинаково полное чувства взаимной дружбы, привязанности и глубокаго уваженія.

Въ 1832 году Жуковскій, какъ извѣстно, отправился за границу для поправленія своего здоровья, сознавая въ то же время «прочность, правильность и благоуспѣшность ученія, уже развитаго по его началамъ въ образованіи государя наслѣдника» [1]). Послѣ отъѣзда Жуковскаго за границу Плетневъ продолжалъ преподавать наслѣднику престола. Съ первыхъ же писемъ Плетневъ начинаетъ говорить объ этомъ общемъ и одинаково важномъ для ихъ обоихъ дѣлѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 8-го декабря 1832 г. онъ пишетъ Жуковскому въ Швейцарію: «занятія съ великимъ княземъ идутъ у меня противъ прежняго гораздо успѣшнѣе; но это относится къ практической части языка (что впрочемъ для него болѣе необходимо). Онъ теперь пишетъ, соблюдая связь мыслей, заботясь о точности выраженій, округляя фразы, и очень мало дѣлаетъ ошибокъ ортографическихъ. Въ его разсказахъ есть уже нѣкоторая свобода и пріятность. Что касается до теоріи языка, онъ все еще небольшой до нея охотникъ. Но я пользуюсь каждымъ случаемъ, чтобы на нее обращать его вниманіе, и когда правило представляется легкимъ, онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ принимаетъ его. Въ декламаціи великій князь также примѣтно успѣваетъ: ему только вредитъ неровность голоса, который отъ росту какъ-то двоится» [2]). Изъ этихъ словъ видно, до какой степени интересовало Плетнева дѣло воспитанія. Онъ старается въ деталяхъ передать Жуковскому все, что сдѣлано, что необходимо сдѣлать, каковы успѣхи и въ чемъ сказывается недостатокъ. Съ неослабѣвающимъ интересомъ говоритъ Плетневъ объ этомъ предметѣ и въ слѣдующихъ письмахъ, оттѣняя по возможности успѣхи съ очевиднымъ намѣреніемъ доставить этимъ Жуковскому какъ можно больше удовольствія. Такъ, въ письмѣ отъ 11-го марта 1833 года, сообщая объ успѣхахъ, оказанныхъ великимъ княземъ на экзаменѣ, Плетневъ отмѣчаетъ удивительную способность

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 98.
[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 520.

выражаться. «Онъ могъ», говоритъ Плетневъ, «по цѣлому часу безостановочно разсказывать, сохраняя достоинство слога, чистоту языка и пріятность тона» [1]). Плетневъ не скрываетъ при этомъ того чувства радости, которымъ хотѣлъ подѣлиться съ Жуковскимъ по поводу того, что ихъ совмѣстный трудъ принесъ, наконецъ, желанные плоды.

Да и самъ Жуковскій, очевидно, не сомнѣвался нисколько въ педагогическомъ тактѣ и способностяхъ Плетнева, и, получая свѣдѣнія о занятіяхъ съ великимъ княземъ, вполнѣ соглашался съ тѣми замѣчаніями Плетнева, которыя касались хода преподаванія.

Но такое согласіе Жуковскаго не ограничивалось только вопросами педагогическими. Оно шло гораздо далѣе и выражалось въ томъ, что Жуковскій признавалъ за Плетневымъ неоспоримый авторитетъ въ вопросахъ литературной критики. Результатомъ этого было то, что Жуковскій всегда просилъ у Плетнева отзыва о своихъ сочиненіяхъ, которыя онъ собирался печатать. Это мы можемъ прежде всего видѣть изъ письма отъ 27-го іюля 1840 года, въ которомъ Жуковскій пишетъ Плетневу: «съ сего времени опредѣляю васъ моимъ литературнымъ палачемъ» [2]). Посылая затѣмъ въ 1845 году «Сказку объ Иванѣ Царевичѣ» и прося помѣстить ее въ «Современникѣ», Жуковскій говоритъ: «вы можетъ быть найдете, что она черезъ-чуръ длинна; но мнѣ хотѣлось въ одну сказку впрятать многое характеристичное, разсѣянное въ разныхъ русскихъ народныхъ сказкахъ». Здѣсь онъ отмѣчаетъ причину, по которой «сказка» отличается большимъ объемомъ, а далѣе говоритъ о своемъ переводѣ Одиссеи. Онъ думаетъ, что переводъ Этотъ сдѣлаетъ «великое дѣло, если только удастся пробудить на Руси любовь къ древнимъ, какъ нѣкогда удалось подружить русскихъ съ поэзіей нѣмцевъ». Наконецъ, послѣ сообщенія нѣкоторыхъ своихъ плановъ Плетневу, Жуковскій заключаетъ свои слова такъ: «все здѣсь писанное между нами двумя. Отвѣчайте, какъ вы думаете» [3]).

Въ 1849 году, когда уже и вторая часть Одиссеи была готова, Жуковскій пишетъ Плетневу о планахъ своихъ занятій, при чемъ въ концѣ письма говоритъ: «вотъ вамъ мой полный отчетъ, любезный Петръ Александровичъ;... дайте свое мнѣніе объ «Одиссеѣ» [4]). Въ 1850 году Жуковскій посылаетъ ему для просмотра свои произведенія. «Посылаю вамъ», говоритъ онъ, «мои отрывки въ прозѣ на судъ и на осужденіе», при чемъ проситъ его сдѣлать поправки, такъ какъ «въ иныхъ мѣстахъ попадается и безсмыслица» [5]). Наконецъ, когда нѣко-

[1]) Соч. и переп. Плетнева, стр. 524—529.
[2]) Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 532.
[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 555—556.
[4]) Ibid., стр. 615—617.
[5]) Сочин. и переп. Плетнева, т. III, стр. 670—672.

торыя статьи Жуковскаго не были допущены цензурой къ напечатанію, онъ обращается къ Плетневу съ просьбой позаботиться о перепискѣ ихъ на его счетъ, при чемъ добавляетъ: «чтеніе моихъ статей подало бы вамъ поводъ дѣлать мнѣ замѣчанія pro и contra, а мнѣ подало бы также поводъ отвѣчать вамъ, съ вами соглашаться или оправдывать и тѣмъ объяснять свои мысли» [1]). На основаніи этихъ немногихъ выдержекъ изъ писемъ Жуковскаго не трудно убѣдиться въ томъ, что Жуковскій высоко цѣнилъ въ Плетневѣ критика, мнѣніемъ котораго онъ дорожилъ и руководился въ своихъ литературныхъ трудахъ и занятіяхъ. Насколько высоко ставилъ Жуковскій правдивое слово критика-друга, можно судить хотя-бы по тому впечатлѣнію, какое производили на Жуковскаго болѣе или менѣе благопріятные отзывы Плетнева. Такъ, когда Плетневъ на неоднократныя просьбы Жуковскаго высказать свое мнѣніе объ «Одиссеѣ», переведенной имъ, исполнилъ это, при чемъ очень хорошо отозвался о ней [2]), то Жуковскій не могъ скрыть своей радости и подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этого чувства пишетъ Плетневу: «наконецъ ваше письмо прибыло ко мнѣ; оно порадовало мнѣ сердцеза мою «Одиссею», которая не есть отъ меня даръ современникамъ—въ наше время литература взяла уродливое, безнравственное, лишенное всякаго очарованія направленіе... То, что вы говорите мнѣ о трудѣ моемъ, который сладостно повеселилъ мою старость и озолотилъ мнѣ многіе плоды жизни, для меня весьма удовлетворительно» [3]). Наоборотъ совершенно иному чувству предается Жуковскій, если Плетневу что-либо препятствуетъ долгое время высказать свой взглядъ относительно его сочиненія. Такъ, напримѣръ, посланныя въ 1850 году Жуковскимъ рукописи его сочиненій не были прочтены Плетневымъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Не желая упрекать Плетнева, Жуковскій тѣмъ не менѣе не можетъ не выразить своего огорченія по данному случаю [4]).

Уважая въ Плетневѣ авторитетнаго критика, Жуковскій видѣлъ въ немъ также опытнаго и практичнаго друга, которому можно было смѣло давать самыя важныя порученія, съ одной стороны, и совѣтомъ котораго можно руководиться въ самыхъ сложныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ, съ другой [5]). Этимъ объясняется тѣ многочисленныя просьбы объ исполненіи самыхъ разнообразныхъ порученій, съ которыми Жуковскій обращался къ Плетневу главнымъ образомъ во время своего

---

[1]) Ibid., стр. 687.
[2]) Сочин. и перепи. Плетнева, т. III, стр. 618—620.
[3]) Ibid., стр. 630.
[4]) Ibid., стр. 679.
[5]) Ср. Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, т. III, стр. 93.

пребыванія за границей. Не перечисляя подробно всѣхъ, такъ какъ такое перечисленіе не можетъ имѣть особенно важнаго значенія, мы должны замѣтить, что главныя порученія и большинство ихъ касалось изданія сочиненій, уже появившихся въ печати отдѣльными томами, а также печатанія въ повременныхъ изданіяхъ тѣхъ сочиненій, которыя въ печати не появлялись еще.

Выразивъ желаніе въ 40 годахъ, еще до женитьбы, продать свои «сочиненія кому-нибудь на вѣчное владычество» и поручая дружбѣ Плетнева эту заботу, Жуковскій довольно часто обращается къ Плетневу съ просьбами по этому поводу. Послѣ же своей женитьбы Жуковскій сталъ всѣми силами стремиться осуществить это желаніе, побуждаемый къ тому сознаніемъ необходимости обезпечить свою семью. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Плетневу онъ упоминаетъ объ этомъ, при чемъ старается опровергнуть всякіе упреки въ корыстолюбіи, говоря, что «будущее жены и дѣтей не выходитъ у него изъ головы». Всѣ свои планы, касающіеся задуманнаго имъ предпріятія, онъ направляетъ къ Плетневу, несмотря на то, что у него былъ постоянный повѣренный по изданію и продажѣ сочиненій, Родіоновъ [1]).

Когда къ 1849 г. у Жуковскаго созрѣла мысль о новомъ изданіи своихъ произведеній, то подъ вліяніемъ главнымъ образомъ совѣтовъ Плетнева онъ рѣшается хлопотать о продажѣ этого изданія правительству. Съ этою цѣлью онъ составляетъ подробный проектъ и, посылая его Плетневу, пишетъ: «оставляю все на ваше разрѣшеніе» [2]). Впослѣдствіи, насколько можно видѣть изъ переписки, этотъ проектъ осуществился: правительство купило новое изданіе въ количествѣ 4.000 экземпляровъ, а также, благодаря главнымъ образомъ распорядительности Плетнева и его умѣнію вести дѣло, еще 580 экземпляровъ, оставшихся отъ предыдущаго изданія [3]). Послѣ того какъ было улажено дѣло относительно изданія сочиненій Жуковскаго, купленныхъ правительствомъ, послѣдній присылаетъ Плетневу три тетради новыхъ произведеній съ просьбой отдать ихъ на разсмотрѣніе цензуры. Это порученіе доставило Плетневу массу хлопотъ и въ концѣ концовъ не привело къ желанному результату.

Кромѣ того Жуковскій обращался съ просьбой къ Плетневу и въ другихъ случаяхъ; такъ, напр., по поводу изданія первой части «Одиссеи», онъ пишетъ Плетневу: «вы должны позаботиться о томъ, чтобы это изданіе было на выгоднѣйшихъ для меня условіяхъ»; затѣмъ Жуковскій поручаетъ Плетневу вести дѣло съ издателемъ Смирдинымъ относи-

---

[1]) Сочин. и перепп. Плетнева, т. III, 605—606.
[2]) Ibid., т. III, стр. 635.
[3]) Ibid., стр. 718.

тельно новаго изданія его сочиненій [1]), спрашиваетъ у Плетнева совѣтовъ относительно новаго изданія своихъ сочиненій, вышедшаго съ прибавленіемъ «новыхъ стихотвореній». Когда же это изданіе было закончено, то продажу онъ поручаетъ Плетневу.

Вообще нужно сказать, что Плетневу давались Жуковскимъ довольно сложныя и разнообразныя порученія, требовавшія немало опыта, а также и умѣнья. Кромѣ трудностей, лежавшихъ въ характерѣ самыхъ порученій, создавались многія препятствія современнымъ положеніемъ вещей, условіями жизни и обстановкою службы. Но, несмотря на все это, Плетневъ всегда относился съ полнымъ вниманіемъ къ просьбамъ своего друга и съ большимъ стараніемъ и аккуратностью исполнялъ ихъ, было-ли это дѣло о продажѣ сочиненій Жуковскимъ въ казну, или дѣло о трехъ тетрадяхъ его сочиненій, потерпѣвшихъ неудачу въ цензурѣ. Изъ нихъ послѣднее порученіе доставило Плетневу много труда, хлопотъ и непріятностей. Путешествіе этихъ трехъ тетрадей сочиненій Жуковскаго по мытарствамъ цензуры, реформированной новыми законоположеніями, рисуетъ довольно ярко одну изъ самыхъ выдающихся сторонъ тогдашней русской жизни. Довольно продолжительное пребываніе ихъ въ цензурѣ не имѣло рѣшительно никакого смысла и вызвало слѣдующія, полныя огорченія слова, Жуковскаго: «возьмите назадъ мои манускрипты изъ цензуры» [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство даетъ поводъ какъ Жуковскому, такъ и Плетневу изливать свое негодованіе на цензуру и порядки, царившіе въ ней. Жуковскому въ особенности было крайне тяжело и обидно слышать упреки, выраженные духовнымъ цензоромъ относительно его сочиненія «о внутренней христіанской жизни (въ тетради № 3). По этому поводу онъ пишетъ Плетневу: «я знаю, что у меня въ томъ, что представлено въ манускриптахъ моихъ на судъ цензуры, нѣтъ ни одной вредной мысли. Можетъ быть, иное худо и неясно выражено; можетъ быть, иное ошибочно; еще тотъ не родился, кто бы мыслилъ безошибочно; вреднаго нѣтъ и быть не можетъ. По моему направленію философскому я строгій христіанинъ... Что же касается другихъ моихъ мнѣній политическихъ, философскихъ и чисто-литературныхъ, то я увѣренъ, что они не только не заключаютъ въ себѣ ничего вреднаго, но могли бы имѣть доброе вліяніе на русскихъ читателей и особенно на нашу молодежь... Относительно политики я, по глубокому убѣжденію, а не по страху полиціи, вѣрую въ необходимость самодержавія и болѣе всего желаю сохранить его для нашей Россіи неприкосновеннымъ... Такія мнѣнія не только не могутъ быть у насъ вредны, но они должны

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 373—375.

[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III. стр. 685.

быть необходимо пущены въ ходъ, выраженныя не лакейскимъ оффиціальнымъ слогомъ, а словомъ ума и сердца, покореннаго высшей правдѣ» [1]). Открыто исповѣдуя такіе взгляды, Жуковскій съ полнымъ правомъ могъ возмущаться тѣми препятствіями, которыя были устраиваемы цензурой, несмотря на все стараніе Плетнева парализовать ихъ. Вообще же при такихъ порядкахъ въ цензурѣ, какіе описаны Плетневымъ въ связи съ хлопотами по поводу сочиненій Жуковскаго, отнималась, повидимому, у авторовъ всякая возможность писать съ надеждой, что написанное будетъ разрѣшено печатать. Поэтому-то Жуковскій въ томъ же письмѣ къ Плетневу замѣчаетъ слѣдующее: «я не покину пера, но навсегда отказываюсь отъ печатанія. Буду писать про себя и можетъ быть болѣе прежняго; но безъ всякой гордой мысли автора» [2]). Эти слова Жуковскаго послѣ всей описанной нами исторіи вполнѣ понятны и естественны. Обобщая затѣмъ всѣ свои впечатлѣнія, вызванныя непріятностями со стороны цензуры, Жуковскій въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу говоритъ: «то, что вы пишете о цензурѣ и о замѣткахъ ея на мои статьи, дѣйствуетъ на душу, какъ удушье на горло, не потому, что касается меня лично, а потому, что это есть общее бѣдствіе; болѣе говорить не буду» [3]). И, на самомъ дѣлѣ, приведенный эпизодъ, который относится къ 1850 году, является однимъ изъ тѣхъ, которые доставляли не мало огорченій и тяжелыхъ минутъ въ жизни нашимъ писателямъ.

Участіе Плетнева въ данномъ случаѣ выразилось прежде всего цѣлой филиппикой, направленной по адресу нашей цензуры. Исполняя порученіе Жуковскаго, онъ самъ воочію убѣдился въ ложности того положенія вещей, какое существовало. Кромѣ того ему, какъ человѣку, имѣвшему личное, непосредственное сношеніе съ цензурой, пришлось гораздо больше испытать и вынести непріятностей, о которыхъ онъ хотя и не писалъ, но которыя переживалъ. Поэтому онъ довольно рѣзко отзывается о томъ направленіи цензуры, какое существовало въ то время, говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ Жуковскому, что отложилъ чтеніе его сочиненій до того спокойнаго будущаго, когда станетъ замѣтно, что ужъ «проползла туча цензуры». Затѣмъ, излагая свои соображенія, по которымъ, ему казалось, цензура не разрѣшила къ напечатанію сочиненій Жуковскаго, онъ замѣчаетъ, что сочиненіе Жуковскаго «Русская и англійская политика» не прошло въ цензурѣ, потому что «общая цензура подобныхъ статей ни у кого сама собою не разрѣшаетъ» [4]). Отно-

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 685—686.
[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 686—687.
[3]) Ibid., стр. 709.
[4]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 703.

сительно сочиненія Жуковскаго «Аксіомы» Плетневъ пишетъ: «здѣсь много касающагося духовной цензуры, которая, повидимому, все отвергаетъ, что пишетъ о религіи, о Богѣ человѣкъ свѣтскій» [1]). Въ заключеніе своихъ соображеній объ этомъ инцидентѣ Плетневъ говоритъ: «поправокъ, измѣненій и т. п. никто не требовалъ. Всѣ испуганы высокостью истинъ, какихъ не видывали въ нашей литературѣ. Нужно на то высшее освященіе» [2]). Но такъ какъ это «высшее освященіе» не всякому можно было получить, то просьбы авторовъ, даже такихъ извѣстныхъ, какъ Жуковскій, оставались неудовлетворенными.

Безуспѣшность хлопотъ Плетнева не останавливала его дѣятельности и не повергала въ унынie. Напротивъ, въ неудачахъ онъ почерпалъ новыя силы, новую энергію и достигалъ все-таки своей цѣли въ большинствѣ случаевъ. Достаточно указать на то, какъ онъ настойчиво велъ, по порученію Жуковскаго, дѣло со Смирдинымъ—этимъ неуступчивымъ издателемъ. Такая же настойчивость его обнаружилась тогда, когда онъ хлопоталъ о продажѣ сочиненій Жуковскаго въ казну и когда ему приходилось чуть не съ бою брать каждую незначительную уступку въ пользу своего друга. Вообще говоря, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, со стороны Плетнева очень ясно обнаруживается черта безусловно честнаго и вполнѣ искренняго отношенія къ интересамъ своего друга—Жуковскаго.

Если мы теперь перейдемъ къ вопросу о томъ, какъ относился Плетневъ къ просьбамъ Жуковскаго, желавшаго услышать его отзывы о своихъ новыхъ произведеніяхъ, то и здѣсь мы можемъ отмѣтить симпатичныя черты. Не касаясь по существу взглядовъ Плетнева на тѣ или другія произведенія Жуковскаго, мы должны замѣтить, что онъ здѣсь является на высотѣ своего положенія, оправдывая вполнѣ то уваженіе, которымъ онъ пользовался, какъ критикъ. Имя «литературнаго палача», какое далъ ему Жуковскій [3]), является поэтому за нѣкоторыми исключеніями соотвѣтствующимъ, такъ какъ личныя чувства въ данномъ случаѣ далеко не всегда принимаются въ разсчетъ. Сужденія Плетнева кратки, точны и мѣтки въ большинствѣ случаевъ. Указывая достоинства произведеній, Плетневъ въ то же время не стѣсняется отмѣчать и недостатки, хотя послѣдніе большею частью относились къ формѣ, а не содержанію. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться, читая его замѣтки относительно, напр. «Одиссеи», переведенной Жуковскимъ, какъ первой ея части [4]), такъ и второй [5]), гдѣ онъ съ похвалой отзывается

[1]) ibid.
[2]) Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 704.
[3]) Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 532.
[4]) Ibid., стр. 593 и 599.
[5]) Ibid., стр. 612—613.

о трудѣ Жуковскаго, указывая на важность и значеніе этого труда. Кромѣ того вполнѣ хорошіе отзывы даетъ Плетневъ о «Рустемѣ и Зорабѣ», о «Лебедѣ» [1]), а также о стихотвореніяхъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Для немногихъ» [2]). Отмѣчая достоинства названныхъ сочиненій, Плетневъ указывалъ и недостатки, касающіеся главнымъ образомъ техническихъ оборотовъ и выраженій. Впрочемъ, тѣ отзывы о сочиненіяхъ Жуковскаго, какіе мы встрѣчаемъ въ перепискѣ, даютъ только болѣе или менѣе общую характеристику ихъ. Гораздо больше значенія имѣютъ тѣ совѣты, которые даетъ Плетневъ Жуковскому, какъ критикъ и другъ. Этими совѣтами опредѣляется въ большинствѣ случаевъ характеръ и направленіе литературныхъ работъ Жуковскаго, такъ какъ въ нихъ указываются темы и вопросы, затрогивавшіеся и разрабатывавшіеся впослѣдствіи Жуковскимъ.

Такъ, поощряя его къ литературнымъ работамъ успѣшнымъ исполненіемъ нѣкоторыхъ порученій, Плетневъ способствуетъ вѣрному осуществленію тѣхъ литературныхъ задачъ, которыя ставилъ себѣ Жуковскій. Когда талантъ Жуковскаго опредѣлился вполнѣ, выразившись кромѣ того, въ нѣсколькихъ томахъ его произведеній, Плетневъ пишетъ къ нему, убѣждая его жить «для любви, дружбы и поэзіи» [3]). Эту мысль Плетневъ затѣмъ развиваетъ болѣе подробно, при чемъ преимущественное вниманіе останавливаетъ на поэзіи. Хваля литературныя произведенія Жуковскаго, онъ между прочимъ говоритъ: «вы и поэзія— близнецы. Въ какомъ бы костюмѣ оба ни явились вы, всѣ чувствуютъ что вы родные оба. И экзаметръ древнихъ, и безрионенный вашъ ямбъ, равно какъ самая проза ваша, ни въ чемъ не нуждаются, какъ скоро вы дали имъ жизнь. И это я говорю не по пристрастію къ вамъ, не по личности (какъ многимъ кажется), а потому, какъ я удовлетворяюсь» [4]). Вскорѣ затѣмъ, когда Жуковскій въ 1845 году прислалъ въ «Современникъ» для напечатанія «Сказку объ Иванѣ Царевичѣ» и готовилъ къ печати переводъ «Одиссеи», Плетневъ ему пишетъ: «по моему мнѣнію, кромѣ поэзіи и домашняго мира, ничто уже не должно здѣсь, на землѣ, входить въ святилище души вашей. Вы совершили все, чего могло требовать отъ васъ просто человѣческое» [5]). Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, подѣлившись тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на него «Сказка объ Иванѣ Царевичѣ», Плетневъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «я не перестану думать, что... самая поэзія въ настоящій

---

[1]) Ibid., стр. 725.

[2]) Соч. и перен. Плетнева, т. III, стр. 726—727.

[3]) Ibid., стр. 537.

[4]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 552. Ср. Переписка Грота съ Плетневымъ, т. III, стр. 277, 337.

[5]) Ibid., стр. 560.

періодъ вашей дѣятельности и составляетъ потребность дыханія души вашей», а далѣе: «все, что ни сочините вы.... мы примемъ въ назиданіе наше, а вашу поэзію во всѣхъ ея видахъ сердце наше приметъ въ себя, какъ лучшій элементъ его дыханія» [1]).

Сообщая далѣе въ 1847 г. Жуковскому о хлопотахъ относительно изданія его сочиненій, Плетневъ убѣждаетъ его такими словами: «останьтесь только поэтомъ въ святомъ своемъ пріютѣ и не хлопочите о томъ, что думаетъ Академія» [2]). Спустя нѣкоторое время послѣ этого Жуковскій пишетъ о своемъ намѣреніи оставить поэзію и заняться прозою. Плетневъ настойчиво совѣтуетъ ему не дѣлать этого. «Ваше предположеніе», говоритъ онъ, «откланяться поэзіи и жить для прозы совсѣмъ не нравится мнѣ. Поэзія, ужь если она внѣдрена въ человѣка, не принадлежитъ извѣстному возрасту, или извѣстнымъ обстоятельствамъ жизни: она дыханіе, душа его, жизнь его. Что ни начали бы вы писать—вы все поэтъ. И въ прозѣ вы не перестанете быть поэтомъ. Это уже судьба ваша. Итакъ, не обманывайте себя, будто вы властны тутъ выбирать одно или другое: при васъ вѣчно одно. Работайте по влеченію и прихоти, но напередъ знайте, что поэзія нигдѣ не разстанется съ вами» [3]). Не менѣе ясно и убѣдительно говорилъ Плетневъ о поэзіи, какъ истинномъ призваніи Жуковскаго, вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній прислалъ свой проектъ относительно продажи своихъ сочиненій въ казну. «Высшій талантъ вашъ», замѣчаетъ Плетневъ, «какъ поэта и какъ писателя, есть исключительно ваше назначеніе. Отвратиться отъ обязанностей, съ нимъ соединенныхъ, есть тяжкій грѣхъ» [4]). Всѣ эти настойчивыя убѣжденія не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а производили свое надлежащее дѣйствіе. Привыкнувъ всегда съ полнымъ вниманіемъ выслушивать своего друга, считая его письма настоящимъ «лакомствомъ» для себя, Жуковскій не могъ не повиноваться правдивому и убѣдительному голосу. Съ своей стороны и Плетневъ, убѣждая Жуковскаго «жить для поэзіи» и видя, что его убѣжденія не остаются напрасными, старается довольно подробно и обстоятельно формулировать свои взгляды относительно даннаго вопроса. Предостерегая Жуковскаго отъ увлеченія въ крайность, выразившуюся въ опредѣленіи понятія поэзіи, которая по мнѣнію Жуковскаго обнимала только стихотворныя произведенія, Плетневъ значительно расширяетъ ея объемъ. «Не воображайте», говоритъ онъ Жуковскому», что, убѣждая васъ не переставать быть поэтомъ, я исключительно желаю видѣть стихи ваши.

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 563.
[2]) Ibid., стр. 588.
[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 618.
[4]) Ibid., стр. 636.

Въ одномъ изъ моихъ писемъ я изложилъ вамъ, что когда вы пишете вслѣдствіе потребности души своей, это все выходитъ, какъ ваша поэзія, стихами-ли то написано или прозой» [1]).

Указаніями на общее направленіе литературной дѣятельности Жуковскаго не исчерпываются совѣты Плетнева. Онъ также намѣчалъ отдѣльныя темы, отдѣльные вопросы. Такъ, когда появился переводъ первой части «Одиссеи», Плетневъ убѣждаетъ Жуковскаго взяться за переводъ второй части и такимъ образомъ перевести всю «Одиссею», между тѣмъ какъ Жуковскій хотѣлъ оставить совершенно продолженіе своего труда по выходѣ въ свѣтъ первой части. «Это лучшее изъ всего», говоритъ Плетневъ, «что по волѣ Провидѣнія связано съ вашимъ назначеніемъ» [2]). Далѣе, въ одномъ изъ писемъ, относящихся ко времени изданія «Современника», Плетневъ проситъ Жуковскаго написать кое-что о томъ, «какою теперь представляется ему бѣдная русская литература, или о томъ, что онъ думаетъ о литературѣ въ Европѣ» (Франціи Англіи и Германіи) [3]). Въ другомъ письмѣ онъ рекомендуетъ Жуковскому заняться переводомъ Шекспира, убѣждая при этомъ «побороться» съ нимъ (т. е. Шекспиромъ) и высказывая увѣренность въ томъ, что занятіе Шекспиромъ можетъ увлечь Жуковскаго. Но съ особенною настойчивостью убѣждаетъ Жуковскаго Плетневъ заняться составленіемъ собственной автобіографіи въ видѣ записокъ или мемуаровъ. Указывая на огромное значеніе подобнаго труда, въ которомъ были бы очерчены личности нашихъ великихъ писателей—Карамзина, Дмитріева, Крылова, Батюшкова и Пушкина, Плетневъ вставляетъ такое замѣчаніе: «это будетъ завѣтъ вашъ потомству, которое безъ него останется въ слѣпотѣ насчетъ прекраснаго прошлаго, бывъ отуманено скаредностью настоящаго, усиливающагося разрушить все лучшее въ литературѣ» [4]). Наконецъ, Плетневъ убѣждаетъ его заняться переводомъ «Иліады», а когда Жуковскій на это сообщаетъ ему, что онъ пишетъ новую поэму («Агасферъ или Вѣчный жидъ») [5]), то Плетневъ совѣтуетъ ему поспѣшить окончаніемъ этой поэмы [6]).

Ко всѣмъ отмѣченнымъ совѣтамъ своего друга Жуковскій былъ всегда очень внимателенъ и старался приводить ихъ въ исполненіе. Если же нѣкоторые изъ нихъ не были выполнены, какъ, напр., относительно составленія автобіографіи, то это объясняется тѣмъ, что Жуковскій слишкомъ высоко и даже, можно сказать, своеобразно смотрѣлъ

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 652.
[2]) Ibid., стр. 580. Ср. Переписка Грота съ Плетневымъ, т. III, стр. 149, 378.
[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 568.
[4]) Ibid., стр. 623.
[5]) Ibid., стр. 698—699.
[6]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 702.

на задачу, лежавшую въ основѣ этого труда. Пока же Плетневъ успѣлъ выяснить свой взглядъ на это, обстоятельства перемѣнились, и совѣтъ остался неисполненнымъ. Въ большинствѣ же случаевъ эти совѣты и убѣжденія Плетнева несомнѣнно имѣли важное значеніе въ литературной дѣятельности Жуковскаго, который, находя нравственную поддержку въ другѣ, время отъ времени обогащалъ соотвѣтственно его указаніямъ литературу новыми произведеніями.

Нравственная поддержка, которую оказывалъ Плетневъ своему другу и которая выражалась то въ порицаніи, то въ похвалахъ и поощреніи, имѣла весьма важное значеніе прежде всего потому, что вообще побуждала къ труду. Плетневъ не разъ прямо высказываетъ Жуковскому свое неудовольствіе, когда узнаетъ, что его другъ предается бездѣлью: «Говорятъ», пишетъ онъ Жуковскому, «вы такъ наслаждаетесь счастливымъ бездѣйствіемъ, что и пера не мочите чернилами. Какъ это грустно» [1]). Въ то же время, такъ какъ трудъ литературный могъ идти правильно и успѣшно только при постоянномъ физическомъ здоровьи трудящагося, то Плетневъ неоднократно говоритъ Жуковскому о томъ образѣ жизни, какой онъ самъ ведетъ и какой по его мнѣнію слѣдуетъ вести, чтобы пользоваться полнымъ физическимъ здоровьемъ; только благодаря послѣднему, человѣкъ является вполнѣ способнымъ къ самому тяжелому и упорному умственному труду. Для подтвержденія своихъ словъ Плетнетъ ссылается на авторитетъ доктора Нордстрема и др., оканчивая почти каждое письмо къ Жуковскому просьбой беречь свое здоровье. Мы не знаемъ, насколько исполнялъ эти именно совѣты Жуковскій; можно думать, что онъ относился къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, какъ и къ другимъ совѣтамъ Плетнева. Но въ данномъ случаѣ важно то, что Плетневъ этими совѣтами выражалъ самое полное, безкорыстное, искреннее участіе и расположеніе къ своему другу. Тѣ совѣты и дружескія наставленія, которыя высказывалъ Плетневъ Жуковскому съ любовью, а вмѣстѣ съ твердымъ сознаніемъ ихъ пользы и примѣнимости, невольно нашли въ себѣ и нравственное обязательство къ ихъ исполненію. Этимъ опредѣляется та роль и значеніе, которыя нужно приписать Плетневу въ жизни и дѣятельности Жуковскаго.

Гораздо больше было вліяніе Жуковскаго на Плетнева. Послѣдній, какъ извѣстно изъ его біографіи, былъ ученикомъ Жуковскаго и, если даже можно такъ выразиться, литературнымъ крестнымъ сыномъ. Благодаря Жуковскому, Плетневъ былъ введенъ въ литературный кружокъ; главнымъ образомъ подъ его вліяніемъ онъ получилъ литературное воспитаніе и развитіе; его поддержкѣ онъ обязанъ первыми

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 531. Ср. Переписка Грота съ Плетневымъ, т. I, стр. 46; т. II, стр. 134.

шагами своей литературной дѣятельности и наконецъ высокимъ званіемъ воспитателя наслѣдника цесаревича Поэтому Плетневъ всегда чувствовалъ себя обязаннымъ Жуковскому и очень часто высказывалъ это.

При этомъ Плетневъ старался выяснить то несомнѣнное значеніе и вліяніе, какое имѣлъ на его жизнь и дѣятельность, а также и на его развитіе Жуковскій. Въ этомъ отношеніи намъ представляется особенно характернымъ одно письмо Плетнева, выдержку изъ коего мы считаемъ необходимымъ привести: «Много было случаевъ»,—говоритъ Плетневъ,—«которые передо мною раскрывали вашу благородную, возвышенную душу. Не говорю уже о томъ, что всѣмъ своимъ нынѣшнимъ счастіемъ обязанъ я единственно хорошему обо мнѣ вашему мнѣнію. Да если бы и не привелъ мнѣ Богъ такъ близко сойтись съ вами, все бы вы были для меня, какъ и для всякаго не безъ души человѣка, существомъ утѣшительнымъ, святымъ» [1]). Эти слова, не нуждаясь въ комментаріяхъ, представляютъ съ одной стороны полное душевное признаніе высокихъ качествъ Жуковскаго, а съ другой—глубокую благодарность Плетнева [2]). Выражая эту благодарность очень часто и называя при этомъ Жуковскаго самыми нѣжными именами — то ангеломъ утѣшенія, то искреннимъ другомъ, Плетневъ не рѣдко обращался къ нему за разными совѣтами подобно тому, какъ и Жуковскій обращался къ Плетневу. Эти совѣты касались почти исключительно литературной дѣятельности Плетнева и заслуживаютъ нѣкотораго вниманія.

Въ 1847 году вышло въ свѣтъ полное собраніе сочиненій Крылова, при которомъ Плетневъ помѣстилъ біографію этого писателя. Эту біографію онъ посылаетъ Жуковскому съ просьбой сообщить свое мнѣніе относительно ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открываетъ Жуковскому свое желаніе вообще заниматься біографіями «лучшихъ писателей нашихъ», тѣмъ болѣе, что тогда въ его распоряженіи было гораздо больше свободнаго времени, чѣмъ раньше, такъ какъ онъ отказался отъ издательства «Современника» [3]). «Надобно»,—пишетъ по этому поводу Плетневъ,—«услышать мнѣ умное и правдивое слово, по хорошей-ли я намѣренъ идти дорогѣ и довольно-ли къ тому у меня умственныхъ силъ» [4]). Жуковскій не только одобрилъ его желаніе, но и убѣдительно

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 536; письмо это помѣчено 3-мъ сентября 1840 года.

[2]) Переписка Грота съ Плетневымъ, т. III, стр. 76. Иниціатива устройства литературнаго праздника по случаю 50-лѣтія литературной дѣятельности Жуковскаго принадлежала Плетневу.

[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 577.

[4]) Ibid., стр. 578.

совѣтовалъ ему заняться этимъ. Что Плетневъ, дѣйствительно, послѣдовалъ совѣту друга, въ этомъ убѣждаютъ насъ слова самого Плетнева, который писалъ Жуковскому такъ: «совѣту вашему заниматься біографіями послѣдую» [1]), а затѣмъ и оставшіеся послѣ него труды.

Въ другой разъ Плетневъ обратился къ Жуковскому по слѣдующему поводу. Второе отдѣленіе Академіи Наукъ поручило Плетневу составить статью относительно сочиненій Жуковскаго, при чемъ выразило желаніе, чтобы Плетневъ принялъ въ руководство именно пятое изданіе (т. е. 1849 г.). Исполняя это постановленіе II отдѣленія Академіи Наукъ, Плетневъ написалъ по данному поводу статью, которая была напечатана въ «Извѣстіяхъ», издаваемыхъ при Академіи Наукъ. Послѣ напечатанія ея Плетневъ проситъ Жуковскаго высказать свое мнѣніе по поводу этой статьи. «Вы не церемоньтесь»,—говоритъ Плетневъ,—«со мною и чистосердечно скажите, какъ вамъ покажется мое усердное мараніе» [2]). Этимъ можно почти исчерпать въ главныхъ и существенныхъ чертахъ затронутый нами вопросъ о вліяніи совѣтовъ Жуковскаго на ходъ литературной дѣятельности Плетнева.

Итакъ, на основаніи приведеннаго выше разсмотрѣнія болѣе выдающихся и характерныхъ моментовъ изъ жизни, а также и отношеній Плетнева къ Жуковскому можно съ полною основательностью констатировать фактъ взаимнаго вліянія Плетнева и Жуковскаго. Сказываясь то въ большей, то въ меньшей степени, выражаясь въ самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ обстоятельствахъ жизни, это вліяніе способствовало образованію той солидарности во взглядахъ политическихъ, литературныхъ и общественныхъ, которую признавалъ самъ Плетневъ, говоря: «мы одно любимъ, одного желаемъ».

Разсматривая отношенія Жуковскаго и Плетнева къ фактамъ ихъ личной жизни, мы не можемъ не остановить своего вниманія на тѣхъ мысляхъ, которыя выражаютъ общіе взгляды ихъ на личную жизнь, ея цѣли и задачи, а также показываютъ степень удовлетворенности или неудовлетворенности друзей своимъ положеніемъ. «Вы не можете себѣ представить»,—пишетъ Жуковскому Плетневъ въ 1833 году (письмо отъ 17-го февраля),—«какъ ужъ тягостна мнѣ становится такая жизнь. Мнѣ сорокъ лѣтъ, а я еще не жилъ, какъ другіе. Я только работалъ, да и то безъ выгоды; потому что если я пересталъ бы сегодня работать по обыкновенному, то принужденъ былъ бы и себѣ и своимъ отказывать въ необходимомъ, или по крайней мѣрѣ въ томъ, къ чему всѣ привыкли. Но теперь уже поздно о чемъ-нибудь мечтать. Лучше свыкаться съ идеею о необходимости своихъ трудовъ и близости ихъ

[1]) Ibid., стр. 582.

[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 739.

у гроба. Правда, я ужъ довольно свыкся съ послѣднею мыслію особенно въ прошедшіе два года и въ нынѣшній» [1]). Такое мрачное настроеніе, ближайшій поводъ къ которому подала смерть Гнѣдича, имѣло свое глубокое основаніе. Тяжелая служба, соединенная съ массою трудовъ и заботъ чисто механическихъ, формальныхъ, но въ то же время неотложныхъ, заполняла все его время. Не позволяя Плетневу предаваться съ полнымъ увлеченіемъ своимъ любимымъ занятіямъ, они даже дѣлали невозможнымъ своевременные и аккуратные отвѣты на письма друзей его. Объ этомъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Жуковскому; изливъ свои тяжелыя чувства, онъ этимъ облегчаетъ свое душевное горе.

Что касается Жуковскаго, то у него не встрѣчаемъ такихъ жалобныхъ нотъ; это объясняется тѣмъ, что обстоятельства его жизни сложились иначе, чѣмъ Плетнева. При обсужденіи имъ вопросовъ о цѣли и задачахъ жизни, мы замѣчаемъ тонъ болѣе ровный и настроеніе болѣе спокойное. Если что и дѣйствуетъ удручающе на Жуковскаго, то это пребываніе на чужбинѣ и болѣзнь его жены. Подъ вліяніемъ впечатлѣній, вызываемыхъ непосредственно этими фактами, онъ говоритъ: «крестъ мой не легокъ, иногда тяжелъ до упада» [2]). Но такому настроенію, которое выражается въ этихъ словахъ, онъ не даетъ развиться до такой степени и обнаружиться съ такою силою, какъ это мы видимъ у Плетнева.

Независимо отъ тѣхъ или иныхъ настроеній, которыя переживали Жуковскій и Плетневъ, они стараются принципіально выяснить вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни. Такъ, Жуковскій довольно подробно развиваетъ свое мнѣніе о томъ, въ чемъ должна заключаться наука жизни «Наука жизни», какъ онъ говоритъ, «есть признаніе воли Божіей». Это «признаніе» представляетъ нѣсколько ступеней: «сперва просто признаніе, что она (т. е. воля Божія) выше всего и что мы здѣсь—для покорности; потомъ смиреніе въ признаніи, исключающее всякіе толки ума или страждущаго сердца, могущіе привести къ ропоту; затѣмъ покой въ смиреніи и цѣлительная довѣренность; наконецъ, сладостное чувство благодарности за науку страданія и живая любовь къ Учителю и Его живому ученію» [3]). Такой взглядъ, который долженъ примирять человѣка со всѣмъ, что бы ни послала ему жизнь, представлялъ собою нѣчто устойчивое, положительное, которое способно было поддержив ать бодрость духа и вѣру въ самого себя при всѣхъ невзгодахъ и испы таніяхъ жизни. Подобныя мысли высказывалъ и Плетневъ, когда, опи-

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 525.
[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 629.
[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 629.

савъ свое тяжелое положеніе, онъ говоритъ, что свыкся съ нимъ. Впрочемъ, сперва онъ не вполнѣ соглашался съ Жуковскимъ въ данномъ вопросѣ. Впослѣдствіи же онъ окончательно принялъ мнѣніе Жуковскаго. Поэтому, когда ему вновь приходится упоминать объ испытаніяхъ и невзгодахъ житейскихъ, онъ говоритъ уже тономъ объективнаго наблюдателя, не давая развиваться тому пессимистическому настроенію, которое мы видимъ у него въ 1833 году, когда онъ писалъ Жуковскому [1]). Между тѣмъ сама жизнь представила впослѣдствіи много такого, что дѣйствительно было болѣе тяжелымъ и мрачнымъ, чѣмъ та обстановка, подъ вліяніемъ которой Плетневъ высказывалъ свои неутѣшительныя и лишенныя какой-либо надежды на лучшее мысли въ 1853 году.

Сфера личной жизни Плетнева и Жуковскаго не можетъ исчерпывать собою всѣхъ вопросовъ, которые вызывали въ нихъ то или иное обсужденіе. Жизнь общественная и государственная интересовала друзей можетъ быть даже въ иныхъ случаяхъ болѣе, чѣмъ своя личная. Къ такимъ фактамъ нужно прежде всего отнести юбилеи и празднованія, соединявшіяся съ ними. Таковъ, напр., пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности Крылова, 200-лѣтній юбилей Гельсингфорсскаго университета, а также 50-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Жуковскаго.

Всѣ эти событія подробно описываетъ Плетневъ, равно какъ и печальныя событія: смерть Карамзина, Гнѣдича, Крылова и Гоголя. О послѣднихъ годахъ и дняхъ жизни Гоголя, о смерти его Плетневъ подробно пишетъ Жуковскому. Послѣдній отвѣчалъ Плетневу, что «для нашей литературы онъ потеря незамѣнимая» [2]), высказывая при этомъ довольно своеобразную мысль, будто настоящимъ призваніемъ Гоголя было монашество. Заботясь, далѣе, объ увѣковѣченіи памяти умершихъ писателей устройствомъ-ли памятника, какъ, напримѣръ, Крылову, или чѣмъ-либо инымъ, друзья заключаютъ свои письма грустнымъ признаніемъ того, что быстро рѣдѣютъ ряды ихъ литературныхъ товарищей уносящихъ съ собою въ могилу неосуществившіяся надежды и самыя лучшія воспоминанія прошлаго.

Такой интересъ къ отдѣльнымъ писателямъ и ихъ судьбѣ не отдѣляется отъ интересовъ строго литературныхъ. Такъ, Плетневъ, имѣвшій полную возможность зорко слѣдить за всѣми явленіями литературы, отмѣчаетъ ея общее направленіе и характеръ, насколько они выразились въ періодической прессѣ и беллетристикѣ. «Господа модные писатели», говоритъ онъ, «заботятся только какъ-нибудь запродать ру-

---

[1]) См. выше, стр. 611.

[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 732.

копись и выхватить за нее у какого-нибудь барышника деньги. А что въ этой рукописи для ихъ имени и чести, какъ она будетъ относиться къ современному состоянію литературы и выйдетъ-ли когда? это ихъ не занимаетъ. Имъ только нужно, какъ ни попало, добыть денегъ; потому что они должны являться непремѣнно въ театрѣ, потомъ на вечерѣ, гдѣ играютъ въ карты, и даже наконецъ еще гдѣ-нибудь повеселиться такъ, чтобы слѣдующее утро можно было проспать самымъ богатырскимъ сномъ» [1]). Характеризуя издателей въ письмахъ къ Жуковскому, Плетневъ говоритъ: «вы совсѣмъ не можете ясно представить, что̀ новѣйшіе издатели книгъ дѣлаютъ изъ пьесъ и именъ, цѣнимыхъ дорого публикою. Нынѣ это родъ векселей, которые по востребованію надобности продаются однимъ лицомъ другому то за высшую, то за низшую цѣну» [2]). Поэтому Плетневъ постоянно говоритъ о необходимости противодѣйствовать этому вредному направленію, высказывая при этомъ твердое намѣреніе внести въ это дѣло свою посильную лепту. «Я рѣшился», пишетъ онъ Жуковскому, «по временамъ открывать ту истину, которую затемнить такъ усиливаются наши журналисты. Воевать съ ними я не намѣренъ, но долгомъ почитаю говорить правду, не различая никого» [3]). Подобнаго рода желанія Плетневъ, дѣйствительно, старался приводить въ исполненіе, помѣщая свои статьи и замѣтки по данному вопросу въ отдѣлѣ «Современника» подъ заглавіемъ «Разное» въ то время, когда онъ состоялъ издателемъ этого журнала.

Характеризуя въ общихъ чертахъ направленіе современной литературы и главнымъ образомъ журналистики, въ своихъ письмахъ къ Жуковскому, Плетневъ съ особеннымъ вниманіемъ отличалъ и вновь появлявшіяся произведенія. Преимущественное вниманіе Плетневъ останавливалъ на тѣхъ произведеніяхъ, въ авторахъ которыхъ онъ видѣлъ несомнѣнный талантъ. Онъ особенно слѣдилъ за дѣятельностью Гоголя. Послѣ появленія «Мертвыхъ Душъ» Плетневъ въ 1842 году писалъ Жуковскому: «это безъ сомнѣнія лучшее изъ всего, что̀ только есть въ нашей литературѣ» [4]), а далѣе говоритъ вообще о сочиненіяхъ Гоголя, помѣщенныхъ въ изданіи «Собраній» его (4 тома) [5]). Вслѣдъ за Гоголемъ Плетневъ обратилъ свое вниманіе на талантъ Островскаго—автора появившейся тогда пьесы «Свои люди—сочтемся». Эту пьесу Островскаго Плетневъ причислялъ по духу и характеру къ Го-

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 543—544.
[2]) Ibid., стр. 550.
[3]) Ibid., стр. 573.
[4]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 539.
[5]) Ibid., стр. 578.

голевскимъ. Наконецъ, онъ указалъ на тотъ огромный авторитетъ, которымъ пользовались критическія статьи Бѣлинскаго. Убѣждая Жуковскаго писать свою автобіографію, о чемъ рѣчь была выше [1]), Плетневъ приводитъ слѣдующіе аргументы: «вы до переѣзда во дворецъ лучшую часть жизни провели съ лучшими нашими литераторами. Кому-нибудь надо же произнести о нихъ вдохновенное слово. Иначе къ отдаленному потомству они обречены будутъ явиться съ ярлыками, наклеенными на нихъ Бѣлинскимъ» [2]). Впрочемъ, на основаніи этого заключать объ отрицательномъ отношеніи Плетнева къ Бѣлинскому нельзя. Извѣстное «Письмо къ издателю», которое первое опредѣлило надлежащимъ образомъ значеніе критическаго дарованія Бѣлинскаго, было помѣщено въ «Современникѣ», издававшемся Пушкинымъ при участіи его друзей, къ которымъ принадлежалъ и Плетневъ [3]).

Въ заключеніе необходимо остановить вниманіе на характеристикѣ происходившихъ тогда въ Западной Европѣ событій, которая выразилась довольно ясно въ сужденіяхъ Плетнева и Жуковскаго, повѣрявшихъ другъ другу свои задушевныя мысли, вызываемыя текущими событіями. Прежде всего Плетневъ, отмѣчая движеніе въ 1848 года въ Германіи, выражаетъ глубокую скорбь своему другу по поводу того, что «нѣтъ пріюта мирному человѣку», который «не пользуется даже личною неприкосновенностью въ то время, какъ вездѣ кричатъ о свободѣ. Вотъ куда повлекли разнузданныя страсти и безвѣріе», восклицаетъ онъ [4]). Жуковскій, можетъ быть вторя своему другу, хотя скорѣе по личному убѣжденію и подъ вліяніемъ личныхъ непріятныхъ впечатлѣній, высказывается по тому же поводу еще болѣе рѣзко. «Хотѣлось пріютиться на родинѣ подъ мирнымъ покровомъ самодержавнаго русскаго царя, а Богъ велѣлъ переселиться въ край разбоя, гдѣ звѣрскій деспотизмъ черни называютъ свободою и безстыдно проповѣдуютъ неправду подъ именемъ закона». Затѣмъ, сообщивъ Плетневу о томъ, что онъ поселился въ Баденѣ, продолжаетъ: «Баденъ меньше другихъ пунктовъ Германіи подверженъ ударамъ политическаго землетрясенія (то-есть Баденъ-городъ); вся же здѣшняя сторона заражена республиканизмомъ въ самомъ дурномъ смыслѣ». Обобщая далѣе свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ непосредственнаго наблюденія надъ жизнью и событіями того времени, Жуковскій говоритъ: «такого безсмыслія (при всей цивилизаціи, произведенной вѣками), такой трусости, такого отсутствія всѣхъ здравыхъ идей, всѣхъ рѣшительныхъ намѣреній и во снѣ вообразить

---

[1]) См. выше, стр. 608.

[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 655.

[3]) И. Ивановъ. Исторія русской критики, изд. 1900 г., т. III и IV, стр. 122.

[4]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III стр. 600—601.

было невозможно» [1]). Такимъ образомъ, солидарность въ политическихъ воззрѣніяхъ нашихъ друзей была полная, несмотря на то, что они жили въ совершенно различныхъ условіяхъ и обстановкѣ. Если не Плетневу, то Жуковскому во всякомъ случаѣ гораздо удобнѣе было присмотрѣться къ событіямъ, происходившимъ вокругъ него, и охарактеризировать болѣе безпристрастно, чѣмъ это онъ сдѣлалъ. Но «склоняясь», какъ говоритъ Пыпинъ, «къ сантиментальному піэтизму, Жуковскій не въ состояніи былъ понять совершившихся событій». Это тѣмъ болѣе удивительно, что онъ въ событіяхъ 1848 года ничего не видѣлъ, кромѣ буйства черни и развратныхъ людей, а все «развитіе цивилизаціи и европейской образованности считалъ постояннымъ приближеніемъ Европы къ послѣдней гибели» [2]). Но если Жуковскій, отдавшись «сантиментальному піэтизму», и не могъ вполнѣ критически отнестись къ событіямъ и оцѣнить ихъ—болѣе или менѣе безпристрастно, то подобное отношеніе къ тѣмъ же событіямъ со стороны Плетнева нельзя объяснить вліяніемъ этого піэтизма; вѣроятнѣе всего объяснять это вліяніемъ Жуковскаго, глазами котораго онъ смотрѣлъ на отмѣченныя событія. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что, какъ можно видѣть изъ другихъ произведеній Плетнева, онъ былъ способенъ къ болѣе широкому взгляду на Западную Европу и существующіе въ ней порядки.

Заканчивая этимъ разсмотрѣніе отношеній Плетнева къ Жуковскому, необходимо замѣтить, что Жуковскій стоялъ къ Плетневу ближе, чѣмъ всѣ прочіе литературные его друзья и современные писатели. Судьба Плетнева во многомъ зависѣла отъ Жуковскаго, который привилъ къ нему тотъ идеализмъ, какой характеризуетъ его личность.

III.

Если Жуковскій очень близко стоялъ къ Плетневу, то этого нельзя безусловно сказать о Пушкинѣ. Прежде всего послѣдній былъ воспитанъ въ совершенно другихъ условіяхъ, и если онъ былъ членомъ одного и того же литературнаго кружка, что и Плетневъ, то скорѣе является представителемъ «либеральныхъ» его элементовъ, тогда какъ Плетневъ и Жуковскій принадлежали къ консервативнымъ его элементамъ. Кромѣ того нужно замѣтить, что Пушкину судьба не всегда улыбалась; и онъ неоднократно былъ подвергаемъ лишеніямъ; такъ, напр., въ 1820 году

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 603—604.

[2]) А. Н. Пыпинъ, „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ девятнадцатаго столѣтія“, стр. 33—34.

(весною) [1]) долженъ былъ выѣхать изъ С.-Петербурга. Поэтому его участіе въ кружкѣ не было такъ замѣтно по своимъ результатомъ, какъ это могло быть при его личномъ непосредственномъ присутствіи. Но тѣмъ не менѣе по словамъ біографа Пушкина—Анненкова онъ «сохранилъ навсегда уваженіе какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ кружкѣ, такъ и къ самому способу дѣйствованія во имя идей, обсуженныхъ цѣлымъ обществомъ» [2]). Живя вдали отъ С.-Петербурга, Пушкинъ старался всегда поддерживать дружественныя отношенія съ членами этого кружка, а въ числѣ ихъ видное мѣсто занималъ Плетневъ.

Дружба Плетнева съ Пушкинымъ отличается нѣсколько инымъ характеромъ, чѣмъ съ Жуковскимъ. Тамъ, какъ мы видѣли, почвою для нея служили не только литературные интересы, не только обоюдное участіе въ кружкѣ, но еще особыя чисто личныя отношенія, вызванныя извѣстными обстоятельствами жизни. Дружба Плетнева съ Пушкинымъ обусловливалась главнымъ образомъ литературными интересами. Кромѣ того Плетневъ все-таки считалъ Жуковскаго своимъ менторомъ въ дѣлѣ литературнаго воспитанія и развитія, и это сквозитъ вездѣ, гдѣ только мы имѣемъ возможность наблюдать отношенія Плетнева къ Жуковскому. Что же касается отношеній къ Пушкину, то здѣсь скорѣе Плетневъ самъ является въ роли ментора; это особенно замѣтно тогда, когда Пушкинъ спрашиваетъ у него совѣта относительно какого-нибудь предпріятія, или вообще дѣла, близко интересовавшаго самого Пушкина. Такъ, напр., однажды Плетневъ пишетъ Пушкину слѣдующее: «милый, прими совѣтъ мой! Я буду говорить тебѣ, какъ опытный человѣкъ въ дѣлѣ книготорговли и совершенно преданный выгодамъ твоимъ столько же, сколько и твоей славѣ» [3]). Но менторство Плетнева все-таки нельзя считать главною и исключительною чертою въ отношеніяхъ его къ Пушкину, точно такъ же, какъ нельзя считать литературные интересы единственными и исключительными. Близость и дружба между ними основывается на взаимной симпатіи и уваженіи къ личнымъ достоинствамъ ума и характера каждаго. Видя другъ въ другѣ товарищей не только по литературному кружку, но и по возрасту, они устанавливаютъ такія равныя отношенія, какія мы можемъ обыкновенно наблюдать между сверстниками. Простота, непринужденность и даже нѣкоторая фамильярность, свойственная особенно Пушкину—вотъ главныя черты ихъ отношеній. Какъ Плетнева, такъ и Пушкина въ одинаковой степени интересуетъ настоящее; о немъ они

---

[1]) Прошлаго столѣтія.

[2]) А. Н. Пыпинъ, „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ девятнадцатаго столѣтія“, стр. 71—72.

[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 325.

исключительно говорятъ, его только явленія стараются обсуждать и устанавливаютъ послѣ этого соотвѣтственный взглядъ. Между тѣмъ въ своихъ отношеніяхъ къ Жуковскому Плетневъ часто затрогиваетъ прошлое. Такимъ образомъ отношенія Плетнева къ Пушкину представляютъ собою отношенія двухъ друзей-сверстниковъ, которые при различіи во взглядахъ были солидарны вполнѣ въ основныхъ принципахъ относительно задачъ и цѣлей литературной дѣятельности, объединявшихъ членовъ того литературнаго кружка, къ которому они оба принадлежали. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, какъ это мы дѣлали при разсмотрѣніи отношеній Плетнева къ Жуковскому, постараемся указать на болѣи важныя и существенныя черты.

Преданные всецѣло интересамъ литературы, Плетневъ и Пушкинъ дѣлаютъ ее исходной точкой тѣхъ сужденій, которыя даютъ пищу ихъ перепискѣ и отношеніямъ. На первомъ планѣ мы встрѣчаемъ рядъ просьбъ и порученій такого же рода, какія были и со стороны Жуковскаго. Всѣ эти просьбы и порученія, съ которыми обращался Пушкинъ къ Плетневу, касаются главнымъ образомъ изданія и продажи его сочиненій. Издатели стремились преслѣдовать только свои личныя выгоды. Они старались монополизировать право изданія сочиненій болѣе извѣстныхъ авторовъ, не желая въ то же время предоставлять «ни малѣйшихъ выгодъ самимъ авторамъ». Проникнутые такими стремленіями, они дѣйствовали настолько ловко, что въ большинствѣ случаевъ достигали своей цѣли, и авторамъ оставалось только жаловаться на несправедливое къ нимъ отношеніе. Но Плетневъ, постоянно жившій въ С.-Петербургѣ, хорошо былъ знакомъ съ подобными выходками издателей и потому противопоставлялъ ихъ замысламъ въ такихъ случаяхъ свою личную опытность, чѣмъ достигалъ совершенно другихъ результатовъ, чѣмъ этого желали издатели. Такъ было тогда, когда ему приходилось отстаивать интересы своего друга при изданіи «Онѣгина» и другихъ сочиненій. Плетневъ по этому поводу старается излить все негодованіе въ своихъ письмахъ къ Пушкину и не стѣсняется называть при этомъ издателей довольно нелестными для нихъ именами, какъ, напримѣръ, вандалами, варварами и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается во-время предупредить каждый неудачный шагъ со стороны своего друга. Плетневъ хорошо и ясно сознавалъ, что въ этомъ отношеніи онъ можетъ принести ему и дѣйствительно приносилъ несомнѣнную пользу.

Исполняя такимъ образомъ со свойственною ему аккуратностью порученія, стараясь предупредить всякій неосторожный шагъ со стороны Пушкина, Плетневъ находилъ возможнымъ и необходимымъ побуждать его и къ литературной работѣ. Какъ извѣстно, въ 1824 году Пушкинъ поселился въ Михайловскомъ. Будучи лишенъ здѣсь необходимаго общества, своихъ друзей, вообще той хорошей обстановки, ко-

торая всегда оказываетъ благотворное вліяніе на человѣка и его дѣятельность, онъ подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ предавался по временамъ полному бездѣлью. Плетневъ, видя, какимъ успѣхомъ пользуются выходящія въ свѣтъ произведенія Пушкина, и осуждая лѣнь вообще [1]), старается выяснить всю ложность такого поведенія Пушкина и тѣмъ побудить его къ дѣятельности. «Умоляю тебя,—пишетъ онъ ему въ одномъ письмѣ,—«отстать отъ лѣни и приняться за приготовленіе всѣхъ поэмъ къ новому изданію» [2]). При этомъ нужно замѣтить, что особенное вниманіе обращалъ Плетневъ на «Онѣгина», появленіе котораго произвело настоящую сенсацію въ читающей публикѣ. Плетневъ настоятельно проситъ Пушкина объ окончаніи поэмы, взывая къ нему: «сдѣлай милость, выпусти «Онѣгина» [3]). Затѣмъ, указавъ достоинства сочиненій Гоголя, Плетневъ пишетъ Пушкину: «все это я пересказываю тебѣ, чтобы и ты передумалъ хорошенько о своей литературной дѣятельности въ будущемъ и съ Божіей помощью принялся бы за что-нибудь хорошенькое, гдѣ бы открылось поле для дѣятельности и другихъ людей съ чистою душою и благороднымъ стремленіемъ къ нравственному совершенству» [4]). Поощряя Пушкина къ литературной дѣятельности вообще, Плетневъ въ данномъ случаѣ имѣлъ, вѣроятно, въ виду изданіе журнала, къ которому Пушкинъ намѣренъ былъ приступить.

Что касается самыхъ произведеній, ихъ сюжета и разработки его, то въ этомъ отношеніи совѣты Плетнева были предупреждаемы Пушкинымъ, который всегда поражалъ своего друга оригинальностью сюжетовъ, художественностью обработки и вообще такими достоинствами своихъ произведеній, которыя вызывали только одинъ восторгъ и удовольствіе со стороны Плетнева. Нѣкоторое, впрочемъ, исключеніе составляла полемика, на которую старался вызвать Пушкина Плетневъ, такъ какъ самъ онъ не принималъ въ ней никакого участія по принципу. Такъ онъ одинъ разъ предлагаетъ между прочимъ Пушкину высказать свое мнѣніе относительно романа Булгарина: «И. Выжигинъ» [5]). Въ другой разъ Плетневъ совѣтуетъ ему «отдѣлать романтиковъ-нѣмцевъ за то, что они не понимаютъ ни испанскихъ романтиковъ, ни Шекспира». Во всѣхъ этихъ случаяхъ Плетневъ старался дѣйствовать на друга не одними только словами совѣта. Онъ неоднократно давалъ свои лестные отзывы не только относительно произведеній Пушкина, но

---

[1]) Это, какъ мы видѣли, онъ высказалъ и Жуковскому, см. выше, стр. 609.
[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 324.
[3]) Ibid., стр. 336.
[4]) Ibid., стр. 366.
[5]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 348.

и относительно отдѣльныхъ мыслей и сужденій его, выраженныхъ въ тѣхъ или иныхъ статьяхъ.

Дѣло, впрочемъ, не ограничивалось одними совѣтами, просьбами, порученіями и ихъ исполненіемъ; Плетневъ принималъ близко къ сердцу интересы чисто литературные: онъ радовался радостями литературы, страдалъ ея страданіями. Въ этомъ отношеніи, несмотря на различіе взглядовъ, Плетневъ и Пушкинъ были вполнѣ солидарны и проявляли одинаковый интересъ къ ея явленіямъ и судьбѣ ея дѣятелей. Со стороны Плетнева это выражалось въ томъ, что онъ старался сообщать Пушкину о новостяхъ въ литературѣ, о перемѣнахъ въ жизни и судьбѣ писателей-друзей. Имена Жуковскаго, Гоголя, Глинки, Дельвига, Гнѣдича, Вяземскаго и другихъ постоянно упоминаются въ письмахъ Плетнева, если только спрашиваетъ объ этихъ лицахъ Пушкинъ. Сообщая о томъ или иномъ ходѣ ихъ дѣятельности, а также и объ ихъ жизни, Плетневъ старается такимъ образомъ скрасить то тяжелое и непріятное положеніе, въ которомъ находился его другъ Пушкинъ, жившій въ деревнѣ (1824—1826 гг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ Плетневъ характеризуетъ тѣ произведенія названныхъ писателей, которыя вышли въ свѣтъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ отмѣчаетъ хорошія стороны ихъ и утѣшается мыслію, что поле литературной дѣятельности не только не остается безъ работниковъ, но находитъ самыхъ усердныхъ и самыхъ плодотворныхъ. Все это несомнѣнно должно было ободрять Пушкина въ его заточеніи, тѣмъ болѣе, что его личная жизнь не могла представить вообще захватывающаго интереса.

Кромѣ радостныхъ явленій въ жизни литературы тогдашняго времени, на которыя указывалъ Пушкину Плетневъ, были и свои печальные дни. Они совпадаютъ со смертью Дельвига и Молчанова, близкихъ и дорогихъ для Плетнева лицъ. По поводу ихъ смерти Плетневъ изливаетъ передъ Пушкинымъ свои чувства глубокой скорби и сожалѣнія. Онъ говоритъ, что смерть этихъ лицъ очень сильно поразила его; она превратила его въ полнаго автомата, такъ что онъ ко всему охладѣлъ и не видитъ въ будущемъ ничего отраднаго. Такое мрачное настроеніе старается разсѣять Пушкинъ; онъ къ этому времени уже женился и былъ преисполненъ самыхъ свѣтлыхъ и радостныхъ надеждъ. Его слова утѣшенія, съ которыми онъ обратился къ Плетневу, очень характерны. «Опять хандришь»,—пишетъ Пушкинъ. «Эй, смотри: хандра хуже холеры: одна убиваетъ тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди: умретъ Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы еще встрѣтимъ новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, вырастетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши старыя хрычовки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки

сантиментальничать; а намъ-то и любо. Вздоръ, душа моя; не хандри, были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы» [1]).

Эти слова Пушкина, который убѣждалъ друга не предаваться печали и горю, а глядѣть съ вѣрою и надеждою на будущее, весьма важны для характеристики душевнаго настроенія Пушкина.

Наконецъ, нужно замѣтить, что довольно не рѣдко Плетневъ переходилъ на почву личную, говоря о своей семейной жизни, о своихъ удачахъ и неудачахъ, интересуясь въ то же время и личною жизнью друга. Зная изъ его писемъ, какую нравственную пытку представляла жизнь въ деревнѣ, гдѣ Пушкинъ долженъ былъ находиться безвыѣздно не по собственному желанію, Плетневъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы облегчить то тяжелое положеніе, въ которомъ находился его другъ. Благодаря этимъ усиліямъ и ходатайствамъ со стороны Плетнева, а также и другихъ друзей удалось дѣйствительно облегчить положеніе Пушкина, который, получивъ разрѣшеніе жить въ Москвѣ, значительно ободрился, воспрянулъ духомъ, словомъ, освободился отъ той хандры, которая оказывала на него сильное и далеко не благотворное вліяніе, во время пребыванія его въ деревнѣ. Такое заботливое и внимательное отношеніе къ себѣ со стороны Плетнева высоко цѣнилъ Пушкинъ; онъ видѣлъ въ немъ лучшаго друга, на котораго можно положиться въ трудныя минуты жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ Плетнева человѣкомъ вполнѣ свѣдущимъ и компетентнымъ въ вопросахъ литературы. Въ подтвержденіе этого можно указать на тотъ случай, когда Пушкинъ при появленіи сочиненія Булгарина «Самозванецъ» возымѣлъ желаніе «раздавить его». Но прежде чѣмъ приступить къ осуществленію этой мысли, онъ обращается къ Плетневу, спрашивая о томъ, будетъ-ли прилична подобная выходка съ его стороны и вообще слѣдуетъ-ли осуществить эту мысль. Когда же Плетневъ не только не одобрилъ этого намѣренія, но подвергъ его осужденію, то Пушкинъ не сталъ возражать; онъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ своего друга.

Обобщая все сказанное, нужно замѣтить, что Плетневъ не развивалъ Пушкину какихъ-либо плановъ и задачъ литературной дѣятельности, какъ это онъ дѣлалъ Жуковскому. Онъ, равно какъ и Пушкинъ. затрогивалъ только тѣ факты, какіе представляла жизнь современная, не задаваясь при этомъ и всестороннимъ уясненіемъ смысла и цѣли жизни, что̀ видимъ въ его перепискѣ съ Жуковскимъ.

Стараясь оберегать интересы Пушкина, какъ друга, Плетневъ смотрѣлъ на это дѣло гораздо шире, а не съ личной только точки зрѣнія. Онъ видѣлъ въ немъ первокласснаго представителя литературы, пере-

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 376; письмо 22-го іюля 1836 года.

доваго борца за правду въ литературѣ и жизни, а потому побуждалъ его выяснить «правды чистыя ученья» и тѣмъ способствовать развитію и укрѣпленію правильныхъ литературныхъ взглядовъ въ обществѣ. Кромѣ того онъ видѣлъ въ своемъ другѣ и высоко-гуманнаго человѣка, беззавѣтно преданнаго тѣмъ идеальнымъ принципамъ, носителемъ и хранителемъ которыхъ былъ извѣстный уже намъ литературный кружокъ. Такимъ образомъ интересы Пушкина, какъ друга Плетнева, совпадали вполнѣ съ интересами его, какъ передоваго представителя литературы, а также и члена литературнаго кружка. Сознанію Плетнева это совпаденіе представлялось со всею ясностью и очевидностью. Обнаружившійся съ полною силою геній Пушкина не возбуждалъ въ Плетневѣ, какъ другѣ-сверстникѣ, никакой зависти; это было не въ нравахъ того кружка, гдѣ Плетневъ получилъ свое литературное воспитаніе. Напротивъ, Плетневъ душевно желалъ и всѣми силами старался способствовать тому, чтобы литературная дѣятельность Пушкина шла по надлежащему и правильному пути. Что эту задачу именно преслѣдовалъ Плетневъ, въ томъ не оставляютъ никакого сомнѣнія его собственныя слова. «Поздравляю тебя, душа моя»,—пишетъ онъ Пушкину по случаю его помолвки. «Теперь смотрю на тебя съ спокойствіемъ, потому что ты ступилъ на дорогу, по которой никто не смѣетъ вести тебя, кромѣ разсудка твоего и совѣсти; а на нихъ-то я всегда надѣялся въ тебѣ больше всего» [1]). Такимъ образомъ Плетневъ успокаивается совершенно только тогда, когда видитъ, что его другъ вступилъ, по его мнѣнію, на путь правильной и производительной работы. Поэтому Плетневъ при появленіи каждаго новаго произведенія Пушкина радуется вмѣстѣ съ нимъ радостью искренняго друга, привѣтствуя его, какъ новый залогъ успѣшнаго развитія таланта и процвѣтанія литературы.

Таковы отношенія Плетнева къ Жуковскому и Пушкину, насколько можно судить объ этомъ на основаніи его переписки съ ними, помѣщенной въ сборникѣ его сочиненій (т. III). Но наше изложеніе было бы не полнымъ, если бы мы оставили безъ вниманія переписку Я. К. Грота съ Плетневымъ, изданную въ 1896 г. и имѣющую довольно близкое отношеніе къ затронутому нами вопросу. Если выше приходилось намъ дѣлать извѣстныя заключенія на основаніи переписки Плетнева съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, то въ перепискѣ Я. К. Грота съ Плетневымъ самъ Плетневъ довольно ясно и опредѣленно говоритъ иногда о своихъ отношеніяхъ къ Жуковскому и Пушкину, высказывая также при этомъ свои взгляды, характеризующіе произведенія названныхъ писателей и особенности ихъ талантовъ.

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 349.

Прежде всего нужно замѣтить, что въ трехтомной перепискѣ Грота съ Плетневымъ очень немного найдется писемъ, въ которыхъ бы не упоминались имена Жуковскаго и Пушкина. Это съ особенною силою подчеркиваетъ фактъ близости, существовавшей между Жуковскимъ и Пушкинымъ, съ одной стороны, и Плетневымъ—съ другой. Описывая Гроту свои ежедневныя занятія, Плетневъ упоминаетъ въ числѣ прочихъ о чтеніи произведеній Пушкина и Жуковскаго въ кругу близкихъ лицъ, къ которому принадлежала вел. кн. Ольга Николаевна, а затѣмъ супруга наслѣдника престола вел. кн. Марія Александровна; иногда, по словамъ Плетнева, подобныя чтенія происходили въ присутствіи всей царской семьи (напр. «Пиковая Дама») [1]. Эти чтенія были своего рода праздниками, вызывая среди участниковъ восторгъ и преклоненіе передъ талантами авторовъ прочитанныхъ произведеній [2]. Стараясь оправдать этотъ восторгъ, Плетневъ довольно нерѣдко дѣлаетъ свои замѣчанія по поводу того или другаго произведенія, читаннаго въ кругу близкихъ лицъ; такія замѣчанія онъ дѣлаетъ по поводу перевода «Одиссеи» [3], «Наль и Дамаянти» [4]—Жуковскаго, «Онѣгина» [5]—Пушкина и др. Оставляя въ сторонѣ подробности, такъ какъ изложеніе ихъ не входитъ въ нашу задачу, мы считаемъ необходимымъ привести тѣ замѣчанія Плетнева, которыя касаются общаго характера дѣятельности, а равно значенія названныхъ писателей.—Набрасывая Гроту планъ лекцій по русской литературѣ, Плетневъ говоритъ: «Опиши новую школу Жуковскаго и Пушкина — истинныхъ художниковъ образованной націи» [6]. Въ другомъ письмѣ Плетневъ говоритъ: «Жуковскій и Пушкинъ служатъ масштабомъ высшаго литературнаго достоинства, какое могло созрѣть въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ» [7]. По поводу совѣтовъ Грота написать что-либо о Жуковскомъ и Пушкинѣ Плетневъ пишетъ: «Легко сказать: пиши о Жуковскомъ и Пушкинѣ. Вѣдь это не Крыловъ, гдѣ разложилъ хронологически его изданіе—да и валяй, что придетъ въ голову, гдѣ выпуклость анекдотовъ совсѣмъ закрываетъ недостатки тонкости ума и вкуса. Жуковскій и Пушкинъ—это вся наша новѣйшая литература; это наши Шиллеръ и Гёте. Дотронься до нихъ, такъ надобно будетъ приподнять всё и всѣхъ» [8]); въ другомъ мѣстѣ Плетневъ пишетъ: «Труды Жуковскаго и Пушкина буду считать выше другихъ...

---

[1]) Письмо отъ 26-го ноября 1840 г.
[2]) Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, изд. 1896 г., т. I, стр. 636.
[3]) Ibid., т. III, стр. 149.
[4]) Ibid., т. II, стр. 231.
[5]) Ibid., т. I, стр. 332
[6]) Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, изд. 1896 г., т. II, стр. 90.
[7]) Ibid., т. III, стр. 320.
[8]) Ibid., т. III, стр. 32.

вліяніе ихъ вѣчно: человѣкъ никогда не перестанетъ быть человѣкомъ и всегда найдетъ въ нихъ то, что питаетъ и назидаетъ его душу» [1]). Особенно много похвалъ удѣляетъ Плетневъ Жуковскому. «Подобныя явленія»,—говоритъ Плетневъ по поводу сборника «Новыхъ стихотвореній Жуковскаго»,—«принадлежатъ всему человѣчеству, особенно въ наше грустное время» [2]). Впрочемъ, увлеченіе Жуковскимъ, легко объяснимое на почвѣ ихъ личныхъ отношеній, не мѣшаетъ Плетневу высказать вѣрный взглядъ на его значеніе въ русской литературѣ. «Какъ Дмитріевъ усвоилъ нашей литературѣ легкость и грацію французской поэзіи, не создавъ ничего народнаго, самобытнаго, такъ Жуковскій», говоритъ Плетневъ,—«привилъ нашей литературѣ формы, краски и настроеніе нѣмецкой поэзіи» [3]).

Не отрицая извѣстнаго значенія за приведенными взглядами Плетнева, какъ одного изъ первыхъ и надлежащихъ цѣнителей Жуковскаго и Пушкина, нельзя считать ихъ всегда безусловно вѣрными. Личныя отношенія въ данномъ случаѣ имѣли не вполнѣ благотворное вліяніе, внося иногда черту пристрастія и преувеличенія особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось произведеній Жуковскаго. Противъ упрековъ, взводившихся Гротомъ по данному поводу, Плетневъ находилъ нужнымъ оправдываться, говоря слѣдующее: «Повѣрь, что въ моемъ энтузіазмѣ къ Жуковскому и Пушкину нѣтъ пристрастія, а одна штудировка ихъ, которая раскрыла передо мною всѣ стороны ихъ изумительныхъ совершенствъ. Имъ я обязанъ рѣдкимъ чутьемъ замѣчать въ своихъ и чужихъ стихотвореніяхъ всѣ тонкости красотъ и слабыхъ мѣстъ, всѣ уклоненія отъ надлежащей потребности стиха и всѣ приближенія къ его достоинству» [4]). Оправданіе Плетнева, какъ показываютъ приведенныя слова, выходило довольно слабымъ и не могло уничтожить нападковъ; оно только отмѣчало то вліяніе и значеніе, какое для него имѣли Жуковскій и Пушкинъ, подтверждая тѣ выводы, какіе сдѣланы нами выше [5]). Пристрастіе къ Жуковскому, объясняемое особымъ характеромъ ихъ взаимныхъ отношеній [6]), повидимому, не опровергается и самимъ Плетневымъ, который по данному поводу говоритъ слѣдующее: «Желаю, чтобы почаще ты (т. е. Гротъ) упоевался чтеніемъ Жуковскаго и Пушкина... Приводя на память счастливѣйшія минуты жизни моей, я вполнѣ убѣдился, что Жуковскій своими сочиненіями еще болѣе

---

[1]) Ibid., т. III, стр. 367.

[2]) Ibid., т. III, стр. 369. Ср. выше о литературныхъ нравахъ (стр. 601, 614); о цензурѣ (603 стр.).

[3]) Ibid., т. II, стр. 112.

[4]) Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, изд. 1896 г., т. I, стр. 280.

[5]) Стр. 7—9.

[6]) См. стр. 616—617.

доставилъ ихъ мнѣ, нежели Пушкинъ» [1]). Здѣсь мы имѣемъ возможность констатировать фактъ преобладающаго значенія Жуковскаго въ жизни Плетнева, который проводитъ довольно ясно параллель между Жуковскимъ и Пушкинымъ, весьма важную для выясненія вопроса объ отношеніяхъ между этими писателями и имъ самимъ.

Впрочемъ, признавая за Жуковскимъ преобладающее значеніе въ дѣлѣ вліянія на свою жизнь, что̀ отмѣчено было и нами выше [2]), Плетневъ во многихъ случаяхъ не дѣлаетъ различія между Жуковскимъ и Пушкинымъ, когда говоритъ о дружбѣ, ея правилахъ, о друзьяхъ; иногда же въ подобныхъ случаяхъ онъ ограничивается упоминаніемъ имени одного только Пушкина [3]). Тѣсная связь, существовавшая между Плетневымъ и названными писателями, дала поводъ Гроту убѣждать Плетнева въ необходимости для него составить комментаріи къ сочиненіямъ Жуковскаго и Пушкина. Плетневъ отказывался взяться за этотъ трудъ, такъ какъ не признавалъ за подобными комментаріями какого-либо значенія для печати и общества. «Они будутъ касаться», говоритъ Плетневъ, «преимущественно частныхъ домашнихъ обстоятельствъ, при которыхъ писаны пьесы. Это хорошо разсказывать другу во время чтенія пьесы» [4]). Впослѣдствіи (въ 1849 г.) Гротъ вѣроятно на основаніи этихъ словъ Плетнева проситъ у него объясненій относительно «Путешествія въ Эрзерумъ». Плетневъ, отвѣчая на просьбу Грота, пишетъ: «Всѣ упоминаемыя тутъ лица уже не принадлежатъ эпохѣ, въ которую Пушкинъ жилъ близъ меня и дѣлился со мною каждою идеею» [5]). Въ заключеніе приведенныхъ нами мыслей Плетнева, освѣщающихъ разсматриваемый въ этой статьѣ вопросъ, слѣдуетъ привести слѣдующія слова: «Для меня сочиненія Жуковскаго и Пушкина представляютъ картину разныхъ эпохъ моей жизни».

Изложенными данными, заимствованными изъ переписки Грота съ Плетневымъ, можно исчерпать все то, что необходимо было привлечь въ интересахъ большей полноты и обстоятельности при разсмотрѣніи настоящаго вопроса. Какъ слова Плетнева, они служатъ подтвержденіемъ тѣхъ выводовъ, которые сдѣланы были нами на основаніи переписки его съ Жуковскимъ и Пушкинымъ и которые сводились къ тому, что между названными писателями и Плетневымъ существовали близкія

---

[1]) Переписка Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 594.
[2]) См. стр. 616.
[3]) Перепс. Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 196; т. II, стр. 221 и др.
[4]) Ibid., I, стр. 495. Ср. ibid. Письмо отъ 24-го февр. 1842 г.
[5]) Ibid., т. III, стр. 403.

дружескія связи; эти связи скрѣплялась и поддерживались литературными интересами преимущественно, а затѣмъ обстоятельствами личной жизни каждаго изъ нихъ, которыя одинаково ихъ всѣхъ интересовали. За исключеніемъ приведенныхъ мѣстъ изъ переписки Грота съ Плетневымъ, все остальное въ ней и даже письмо Жуковскаго къ Плетневу, которое не вошло въ собраніе сочиненій Плетнева [1]), не представляетъ ничего новаго по интересующему вопросу. Приводя только разнаго рода мелочные факты, дѣлая упоминанія о лицахъ, событіяхъ и т. д., переписка Грота съ Плетневымъ не даетъ новыхъ основаній для характеристики отношеній Плетнева къ Жуковскому и Пушкину, детально иллюстрируя [2]) лишь то, что извлечено изъ переписки самого Плетнева съ названными писателями, и развертывая передъ нами картину той жизни и ея интересовъ, начало коихъ связано было съ возникновеніемъ общества «Арзамасъ». Какъ живой протестъ противъ комедіи Шаховскаго «Новый Стернъ», гдѣ осмѣянъ Карамзинъ, и «Липецкія воды», гдѣ осмѣянъ Жуковскій—это общество положило начало объединенію сооихъ членовъ на почвѣ самыхъ близкихъ и задушевныхъ интересовъ—любви къ родинѣ и родной литературѣ. Хотя Плетневъ и говоритъ, что «энтузіазмъ къ Жуковскому былъ особенно въ числѣ причинъ основанія общества, и каждый, вступая въ члены, бралъ себѣ новое имя — и всегда какое-нибудь изъ балладъ Жуковскаго» [3]), однако всѣ одинаково были одушевлены одною цѣлью, которую выразилъ Плетневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Гроту, говоря: «Надобно намъ прежде всего возвысить въ глазахъ иностранцевъ цѣну языка нашего, вѣры, законовъ, литературы, мѣстности, всего, всего, что связано съ бытіемъ отечества нашего» [4]). Связанные съ осуществленіемъ этой задачи, не потерявшей своего значенія и въ настоящее время, интересы Плетневъ считалъ очень важными, чтобы увлекаться духомъ полемики; оттого его «литературныя ссоры не носили характера озлобленія» [5]); оттого великій Пушкинъ цѣнилъ его высоко, находя въ немъ «духъ благоволенія ко всѣмъ» [6]). Все это поднимаетъ Плетнева и его друзей—Жуковскаго и Пушкина надъ уровнемъ мелочныхъ и злобныхъ интересовъ, даетъ идейную окраску ихъ связямъ, отношеніямъ, наконецъ, самой ихъ дѣя-

---

[1]) Переписка Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 408.
[2]) Ibid., т. II, стр. 362; т. I, стр. 99 и др.
[3]) Переписка Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 275.
[4]) Ibid., т. I, стр. 71.
[5]) Ibid., т. II, стр. 731.
[6]) Ibid., т. I, стр. 499.

тельности, составляющей свѣтлую страницу въ исторіи нашего самосознанія вообще и литературы въ частности.

Вячеславъ Каминскій.

15 іюня 1904 г.
с. Будки.

Источники и пособія, коими приходилось пользоваться при составленіи настоящей статьи:

1. Сочиненія и переписка П. А. Плетнева (т. III).
2. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ (три тома).
3. А. Н. Пыпинъ. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ XIX столѣтія.
4. И. Ивановъ. Исторія русской критики, изд. 1900 г., т. III и IV.
5. «Вѣстникъ Европы» 1895 г., кн. XI.
6. «Русская Старина» 1882 г., кн. II.

Записки Михаила Чайковскаго.

LXXX [1]).

Судьба адреса, подписаннаго офицерами.—Грыглашевскій въ Стамбулѣ.—Усиленныя ученія и маневры.—Недоброжелательство Эюбъ-паши.—Похороны маіора Дверницкаго.—Мнѣніе маршала о политикѣ Али-паши.—Я оставляю полкъ.—Первыя впечатлѣнія въ Стамбулѣ.—Назначенная мнѣ пенсія.—Бесѣда съ сераскиромъ.—У великаго визиря.—Заблужденіе моего сына.—Мое предсказаніе оправдывается.—Отношеніе къ казацкой организаціи русскаго посольства. — Положеніе поляковъ по отношенію къ Россіи и славянамъ. — Заключеніе.

Въ скоромъ времени маіоръ Али-эфенди получилъ отвѣтъ на поданное имъ прошеніе; ему было отказано въ переводѣ изъ полка; а на запросъ, сдѣланный маршаломъ, наистрожайше былъ подтвержденъ приказъ о возможно скоромъ введеніи въ наше войско турецкаго языка.

Пригласивъ къ себѣ гг. офицеровъ, я предложилъ имъ прочесть этотъ приказъ, заявилъ имъ, что я слагаю съ себя командованіе войскомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтовалъ имъ, ради собственной ихъ пользы, подать великому визирю адресъ съ протестомъ противъ введенія турецкаго языка, на что̀ они тотчасъ изъявили свое согласіе, такъ какъ подача адреса есть своего рода манифестація, до чего поляки всегда большіе охотники. Но я былъ увѣренъ, что, кромѣ нѣсколькихъ наиболѣе раз-

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1904 г.

витыхъ офицеровъ, остальные не понимали важности этого адреса и согласились на мое предложеніе, такъ же не разсуждая, какъ они согласились на демонстрацію противъ меня.

Собравшись у маіора Мурадъ-бея (Ланцкоронскаго), офицеры упросили Ричарда Бервинскаго составить текстъ адреса. Мурадъ, съ своей стороны, принялъ согласіе собрать подписи и участвовать въ выборѣ депутата, но подписать адресъ отказался, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ мусульманинъ; это была, конечно, только одна уловка; настоящая причина его отказа заключалась въ томъ, что онъ разсчитывалъ получить при этой реформѣ чинъ подполковника. Такимъ образомъ, онъ остался до конца вѣренъ себѣ, такъ какъ я уже говорилъ, что именно онъ, первый, подалъ мысль о введеніи въ наше войско турецкаго языка. Мурадъ-бей и Фарнезе ненавидѣли другъ друга, но въ этомъ случаѣ они сошлись и дѣйствовали сообща, въ надеждѣ, что каждому изъ нихъ удастся такимъ образомъ скорѣе достигнуть своей цѣли, а затѣмъ можно будетъ такъ или иначе отдѣлаться отъ докучливаго товарища.

Адресъ былъ написанъ въ такомъ духѣ, что, въ случаѣ отказа со стороны правительства, офицеры не могли подвергнуться наказанію или даже получить выговора, или быть исключены изъ полка.

Онъ былъ подписанъ всѣми офицерами, за исключеніемъ Мурадъ-бея. Капитанъ Конарскій былъ выбранъ депутатомъ; это былъ самый способный и образцовый офицеръ нашего полка и при томъ хорошій патріотъ. Выборъ этотъ меня очень обрадовалъ, такъ какъ я видѣлъ, что дѣло находилось въ хорошихъ рукахъ. Я немедленно отправился къ маршалу и привезъ Конарскому разрѣшеніе ѣхать въ Стамбулъ. Офицеры сдѣлали складчину и дали ему денегъ на дорогу и на пребываніе въ столицѣ, какъ вдругъ явился ко мнѣ маіоръ Мурадъ-бей и заявилъ, что офицеры, принявъ во вниманіе, что капитанъ Конарскій не знаетъ хорошо турецкаго языка и не имѣетъ въ Стамбулѣ знакомыхъ, рѣшили, что онъ врядъ-ли можетъ исполнить возложенное на него порученіе, и вздумали послать, вмѣсто него, капитана Грыглашевскаго, но такъ какъ выборъ былъ уже сдѣланъ, то рѣшено было бросить жребій, и онъ, Мурадъ-бей, по старопольскому обычаю, пустилъ дѣло на узелки, и жребій палъ на капитана Грыглашевскаго.

Я не могъ ничего возразить противъ этого, такъ какъ капитанъ Грыглашевскій былъ извѣстенъ мнѣ какъ человѣкъ вполнѣ порядочный, я опасался только вліянія, какое могли имѣть на него мой младшій сынъ и моя старшая дочь, которые ратовали за введеніе въ полкъ турецкаго языка и за удаленіе мое изъ полка, первый потому, что онъ самъ разсчитывалъ занять мое мѣсто, а вторая потому, что она надѣялась руководить братомъ и добиться чрезъ него всего, чего она хотѣла.

Капитанъ Грыглашевскій уѣхалъ въ Стамбулъ, а нѣсколько дней

спустя, я получилъ отъ моего адъютанта Буржинскаго шифрованную депешу слѣдующаго содержанія: «Грыглашевскій не подалъ адреса и не подастъ его, ибо онъ находится уже въ рукахъ Фарнезе».

Возвратясь въ Шумлу, Грыглашевскій не далъ офицерамъ, какъ бы слѣдовало, отчета въ своей поѣздкѣ, а разсказалъ Мурадъ-бею, что сераскиръ принялъ его сурово, едва не посадилъ подъ арестъ, грозилъ даже отдать его подъ судъ, и разныя тому подобныя небылицы, а Мурадъ-бей, съ своей стороны, увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе офицеровъ, но ничего не могъ добиться въ Стамбулѣ.

Онъ и мнѣ началъ разсказывать то же самое, но я сразу попросилъ его замолчать, сказавъ, что я все равно не вѣрю его словамъ и что ему, какъ моему ближайшему сослуживцу (онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ моимъ адъютантомъ), не годится обманывать меня. Впослѣдствіи, года полтора послѣ того какъ я разстался съ полкомъ, маіоръ Канелли, пріѣхавъ въ Стамбулъ, разсказалъ мнѣ и Бервинскому, что какъ только Грыглашевскій уѣхалъ, Фарнезе былъ увѣдомленъ объ этомъ телеграммой. Пріѣхавъ въ Стамбулъ, Грыглашевскій былъ прежде всего съ визитомъ у моего младшаго сына, который не совѣтовалъ ему подавать адреса, чтобы не повредить этимъ своей карьерѣ. Выйдя отъ сына, онъ встрѣтилъ поручика Христофовича, который спросилъ его, привезъ-ли онъ адресъ, подписанный офицерами, и, одобривъ эту мысль, попросилъ дать ему адресъ для прочтенія и подписи. Капитанъ, по простотѣ душевной, а, быть можетъ, и съ умысломъ, чтобы избавиться отъ хлопотъ, отдалъ адресъ поручику и ужъ больше его не видалъ, такъ какъ Христофовичъ передалъ его Фарнезе, а тотъ положилъ его въ карманъ, сказавъ Грыглашевскому съ усмѣшкой, что сераскиръ разрѣшилъ ему сдѣлать съ адресомъ все, что онъ хочетъ. Офицеры повѣрили этой баснѣ. Истина открылась только тогда, когда Грыглашевскій и Христофовичъ поссорились съ Фарнезе и подали въ отставку. Узнавъ, какъ было дѣло, офицеры, однажды за ужиномъ, у маіора Канелли, стали укорять Грыглашевскаго за его поступокъ, тогда онъ признался во всемъ, и, что всего любопытнѣе, нашелъ сказать въ свое оправданіе только одно, что онъ возвратитъ деньги, данныя ему на дорогу и на жизнь въ Стамбулѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Я имѣлъ случай провѣрить разсказанное Канелли со словъ очевидцевъ, которые находились въ то время въ Стамбулѣ. Къ сожалѣнію, я убѣдился изъ разговора съ ними, какъ мало поляки дорожили своимъ добрымъ именемъ. Рѣшительно всѣ, съ кѣмъ я ни говорилъ объ этой продѣлкѣ, не только не возмущались ею, но иные даже говорили съ усмѣшкой: «умный италіанецъ! (Фарнезе), хорошую сыгралъ штуку съ полякомъ».

Самому Фарнезе я не удивлялся, ибо, если бы онъ отдалъ великому визирю или сераскиру адресъ, подписанный офицерами, то это скомпрометтировало бы его въ глазахъ высшаго начальства, которое полагало, что, предлагая ввести въ наше войско турецкій языкъ, онъ дѣйствовалъ по желанію и полномочію офицеровъ.

Но я никакъ не могъ понять, что заставляло поляковъ играть ему въ руку? что можно было думать о нихъ? что можно сказать, напр., о Христофовичѣ, который рѣшился выманить воровскимъ образомъ адресъ, только для того, чтобы помѣшать благородной манифестаціи офицеровъ, въ которыхъ проснулась, наконецъ, совѣсть и заговорилъ патріотизмъ? Что можно подумать о капитанѣ Грыглашевскомъ, который виновенъ во сто разъ болѣе, ибо, подписавъ адресъ и самъ, добровольно, взявшись исполнить порученіе, возложенное на него обществомъ офицеровъ, онъ обманулъ самымъ постыднымъ образомъ оказанное ему довѣріе и пожертвовалъ добрымъ именемъ поляковъ изъ-за матеріальныхъ и при томъ довольно призрачныхъ выгодъ, такъ что послѣ этого всѣ порядочные люди въ Турціи имѣютъ право сказать, что поляки измѣнили своему знамени. Такъ выразился о нихъ, въ разговорѣ со мною, оберъ-церемоніймейстеръ Кіамиль-бей, незадолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ Парижа.

Грустно было слышать поляку такой упрекъ изъ устъ турка, тѣмъ болѣе, что онъ былъ вполнѣ заслуженъ. Скажу откровенно, чѣмъ ближе я имѣлъ случай узнать поляковъ, тѣмъ болѣе я радовался тому, что я рѣшился, наконецъ, разстаться съ ними, бросить службу и не тратить болѣе силъ на борьбу за честь польскаго имени, которымъ они такъ мало дорожили.

Но мнѣ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, оставить казацкій полкъ въ самомъ блестящемъ видѣ, въ смыслѣ военной выправки, и поэтому я устраивалъ какъ можно чаще джигитовки, карусели, маневры, разъѣзды, засады и тому подобныя кавалерійскія ученія. Казаки отличались въ этихъ военныхъ упражненіяхъ, но четвертый полкъ гвардейской кавалеріи, состоявшій также подъ моей командою, не могъ сравняться съ ними въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, мнѣ удалось значительно вымуштровать его, и среди офицеровъ этого полка было ужъ довольно много такихъ образцовыхъ и прекрасныхъ кавалеристовъ, которые могли бы занять первое мѣсто въ самой превосходной кавалеріи въ мірѣ.

Маршалъ, паши, иностранные консулы и посторонніе офицеры пріѣзжали въ нашъ лагерь, чтобы присутствовать на каруселяхъ и джигитовкахъ, и выражали свое искреннее одобреніе превосходной выправкѣ солдатъ. Маршалъ хотѣлъ ввести подобное же ученіе во всей кавалеріи. Рущукскій вали Мехмедъ-Арифъ-паша, бывшій директоромъ канцеляріи Сердаръ-экрема въ 1854 г., нарочно пріѣзжалъ въ Шумлу, чтобы видѣть это ученье, и былъ также отъ него въ восторгѣ.

Болгары гордились этимъ, говоря: кавалерія султана намъ родная, въ ней служатъ наши братья, наши сыновья, чего только не сдѣлаютъ наши молодцы, если ихъ обучать какъ слѣдуетъ.

Маршалъ не разъ говорилъ мнѣ, что болгары такъ увлеклись казаками, что перестали даже читать газеты и толковать о франко-прусской войнѣ. Однимъ словомъ, казацкій полкъ пользовался, въ отношеніи военной выправки, вполнѣ заслуженной славой, и можно смѣло сказать, что онъ былъ первымъ полкомъ въ турецкой конницѣ и не спасовалъ бы передъ самой лучшей кавалеріей въ мірѣ.

Въ лагерь ожидали султана; маршалъ хотѣлъ встрѣтить его у села Каспечанъ со вторымъ корпусомъ, въ составъ котораго входило 24 баталіона пѣхоты, 4 полка кавалеріи и полкъ артиллеріи, а я долженъ былъ ожидать въ лагерѣ съ гвардіей и редифами. Въ отрядѣ гвардіи было 11 эскадроновъ кавалеріи, три батареи артиллеріи и 18 баталіоновъ редифовъ.

Между тѣмъ были назначены маневры. На совѣтѣ пашей я слышалъ, что мнѣ придется атаковать съ гвардейской кавалеріей правое крыло непріятеля, который долженъ былъ спуститься съ горъ на ровное мѣсто и, перейдя его, вступить въ ущелье, слѣдовательно, мнѣ предстояло дѣйствовать съ кавалеріей на весьма ограниченномъ пространствѣ. Несмотря на доброжелательное отношеніе ко мнѣ маршала, начальникъ его штаба, Ахмедъ-эюбъ-паша, любимецъ сераскира, и весь штабъ относились ко мнѣ совсѣмъ иначе. Поэтому мнѣ не прислали плана маневровъ и расположенія войскъ, который былъ разосланъ всѣмъ прочимъ пашамъ; впослѣдствіи это было объяснено тѣмъ, что некому было написать его по-французски, а я, будто бы, не понялъ бы его по-турецки.

Войскамъ было приказано не трогаться со своихъ мѣстъ до тѣхъ поръ, пока адъютантъ маршала не дастъ знакъ начинать маневры. Мѣстность, на которой они должны были происходить, находилась позади главнаго лагеря, не менѣе какъ въ шести верстахъ отъ лагеря гвардейскихъ войскъ. Всѣ стояли наготовѣ у своихъ лошадей въ тотъ моментъ, когда прискакалъ адъютантъ. Но въ это же самое время раздались выстрѣлы изъ орудій,—знакъ, что битва началась.

Къ счастью, я былъ отлично знакомъ съ мѣстностью, такъ какъ нѣсколько лѣтъ охотился на ней за зайцами.

Я раздѣлилъ 11 эскадроновъ гвардіи на три отряда, первый, подъ командою подполковника Рахми-эфенди, состоялъ изъ двухъ эскадроновъ четвертаго полка и двухъ эскадроновъ казаковъ,—всѣ четыре на бѣлыхъ лошадяхъ, второй отрядъ—изъ четырехъ эскадроновъ четвертаго полка на гнѣдыхъ лошадяхъ, подъ командою маіора Хаджи-Али-аги, а третій изъ трехъ казацкихъ эскадроновъ, подъ командою моего сына

Тимуръ-бея. Съ этими тремя отрядами я проскакалъ чрезъ главный лагерь, а затѣмъ пустился оврагами, такъ что когда непріятель, въ составѣ 6 баталіоновъ и 1 батареи артиллеріи вступалъ на открытое мѣсто, мое войско уже было готово атаковать его. Эюбъ-паша, который, не зная славянскаго языка, самъ не командовалъ войскомъ, а былъ только зрителемъ и недоброжелательнымъ критикомъ, стоя подлѣ маршала, утверждалъ, что мы не подоспѣемъ во-время и что непріятель успѣетъ скрыться въ ущелье.

Маршалъ, у котораго былъ очень вѣрный глазъ и который видѣлъ развѣвавшіяся въ долинѣ знамена, сказалъ съ улыбкой:

— Въ полѣ Садыкъ-пашу не надуешь, онъ человѣкъ бывалый, съумѣетъ найтись.

Въ эту минуту казаки Тимуръ-бея атаковали съ фланга непріятельскую кавалерію и окружили ее такъ неожиданно, что она остановилась какъ вкопанная и стала спѣшиваться, опасаясь натиска казаковъ. Два эскадрона Рахми-эфенди бросились въ разсыпную на орудія, а прочіе атаковали пѣхоту, и непріятельская колонна была взята въ плѣнъ. Оставивъ Али-агу при плѣнныхъ, я поспѣшилъ къ обрадованному маршалу за дальнѣйшими приказаніями. По окончаніи маневровъ, которыми маршалъ остался весьма доволенъ, онъ угостилъ насъ превосходнымъ ужиномъ, а затѣмъ мы отправились на охоту.

Подъ Шумлой скончался маіоръ Дверницкій, уроженецъ Галиціи, но не родственникъ извѣстнаго генерала Дверницкаго. Его хотѣли похоронить, какъ католика, на армяно-католическомъ кладбищѣ, но чорбаджій и болгары были противъ этого, они явились къ маршалу и заявили, что офицеръ, служившій вмѣстѣ съ болгарами, въ войскѣ султана, долженъ быть похороненъ болгарами и не иначе какъ въ болгарской церкви. Ихъ желаніе было удовлетворено, церковь была ярко освѣщена, и все болгарское духовенство Шумлы собралось на отпѣваніе. Оркестръ казацкаго полка, подъ управленіемъ прекраснаго капельмейстера чеха Якобичка, исполнилъ похоронный маршъ. Казаки въ полной парадной формѣ, провожавшіе останки Дверницкаго, и залпъ изъ орудій, произведенный въ тотъ моментъ, когда гробъ опускали въ могилу,— все это было для болгаръ зрѣлищемъ невиданнымъ. Маршалъ поспѣшилъ донести правительству о сочувствіи, выраженномъ болгарами нашей польско-славянской организаціи, и въ заключеніе писалъ, что нашему войску слѣдуетъ оставить его знамя, такъ какъ это принесетъ несомнѣнно пользу правительству. Но все было напрасно; рѣшеніе Дары-шуры было неизмѣнно, и подполковникъ Фарнезе позаботился о томъ, чтобы оно было выполнено какъ можно скорѣе.

По окончаніи маневровъ, я возобновилъ свою просьбу объ увольненіи меня въ отставку, не получивъ никакого отвѣта. Но мною было по-

лучено письмо отъ командующаго гвардіей, въ которомъ онъ сообщалъ, что подполковникъ Арифъ-бей, Фарнезе, не могъ быть посланъ, согласно представленію маршала на Ливанъ, такъ какъ онъ подтвердилъ обѣщаніе ввести въ казацкое войско турецкій языкъ и поэтому долженъ вернуться въ полкъ, чтобы выполнить вмѣстѣ съ Али-эфенди приказъ Дары-шуры.

«Я склоненъ видѣть во всей этой исторіи только желаніе нашего правительства снискать расположеніе Россіи», сказалъ мнѣ маршалъ, прочитавъ письмо; быть можетъ, это и необходимо въ виду пораженія Франціи. Правительство хочетъ отдѣлаться отъ поляковъ, чтобы устранить всякій поводъ къ неудовольствію со стороны Россіи, и радо, что оно нашло поляка, который помогаетъ ему въ этомъ, чтобы имѣть право сказать: «славянское войско не могло долѣе существовать, такъ какъ сами поляки погубили свою организацію».

Я отчасти и самъ думалъ это, такъ какъ еще въ бытность мою въ Шумлѣ было получено извѣстіе, что Россія пріобрѣла вновь право имѣть флотъ на Черномъ морѣ, и Англіи пришлось наконецъ, понять, что ея вліяніе на востокѣ ничтожно безъ такого сильнаго союзника, какимъ была для нея Франція. Предоставленію Россіи правъ имѣть флотъ на Черномъ морѣ предшествовали переговоры между русскимъ посольствомъ и Али пашею. Этотъ великій визирь, которому нельзя отказать въ дипломатическихъ способностяхъ, старался заручиться пріязнію и даже покровительствомъ Россіи, и поэтому вполнѣ возможно, что онъ пожертвовалъ ради этого нашей организаціей, которую сами поляки не умѣли уберечь, и которую они погубили своими собственными руками.

Вскорѣ послѣ этого письма было получено извѣстіе, что ни султанъ, ни сераксиръ не пріѣдутъ въ лагерь подъ Шумлою; тогда я попросилъ разрѣшенія отправиться по своимъ дѣламъ въ Стамбулъ и получилъ, по телеграфу, отпускъ на мѣсяцъ съ разрѣшеніемъ пріѣхать въ Стамбулъ вмѣстѣ съ моимъ старшимъ сыномъ и съ штабсъ капитаномъ Морозовичемъ. Въ то же время возвратился въ полкъ Фарнезе и былъ принятъ торжественно, но нѣсколько дней не являлся ни ко мнѣ, ни къ маршалу. Мнѣ пришлось обратиться къ маршалу съ просьбою, чтобы онъ прислалъ его ко мнѣ со своимъ адъютантомъ, что тотъ и исполнилъ. Фарнезе хотѣлъ, какъ видно, вызвать меня, во что бы то ни стало, на столкновеніе, котораго я всячески избѣгалъ.

Я приказалъ ему немедленно принять командованіе полкомъ, принять дѣла отъ меня и отъ офицеровъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ со мною въ отпускъ, написать на турецкомъ языкѣ приказъ о введеніи въ войско турецкаго языка, приложивъ къ нему переводъ на польскій языкъ, и разослать его всѣмъ офицерамъ подъ росписки, чтобы всѣ

знали, въ какомъ положеніи находилось дѣло и не могли впослѣдствіи сослаться на то, что имъ ничего не было извѣстно.

Сдавъ бригаду командиру четвертаго гвардейскаго полка, полковнику Али-бею, и отклонивъ всякіе проводы, я уѣхалъ съ моимъ сыномъ, ни съ кѣмъ не простясь, какъ бы въ отпускъ. Это вполнѣ согласовалось, вѣроятно, съ желаніемъ высшей власти такъ же, какъ и съ моими собственными чувствами; мнѣ было бы слишкомъ тяжело прощаться съ солдатами, съ коими я прослужилъ столько лѣтъ, и видѣть еще разъ въ полномъ сборѣ офицеровъ, которые добровольно погубили польское войско, находившееся подъ моею командою. Мнѣ было бы тяжело прощаться съ ними и сказать привѣтствіе тѣмъ, кого я такъ любилъ, и тѣмъ, къ коимъ я питалъ столь непріязненныя чувства, поэтому я предпочелъ ни съ кѣмъ не прощаться.

Мой вѣрный слуга Ахмедъ-ага отправился сухимъ путемъ съ моей лошадью и экипажемъ, а мой гнѣдой боевой конь «Гизель», на которомъ я водилъ казацкія сотни въ Дели-Орманъ, уже былъ такъ старъ, что я оставилъ его доживать свои вѣка во Шумлѣ, у чорбаджія Анастасья Стояновича. Я простился съ нимъ навѣки и горевалъ о немъ не менѣе, какъ о моихъ казакахъ и какъ о своей молодости. Все прошло, все было кончено. На старости лѣтъ приходилось начинать новую жизнь.

Въ Стамбулѣ насъ съ сыномъ никто не ждалъ, никто не приготовилъ намъ квартиры. Мой младшій сынъ былъ слишкомъ занятъ своей молодой женою, чтобы подумать о старикѣ-отцѣ, а для остальныхъ я, какъ отставной, не имѣлъ уже значенія и не могъ никому быть полезенъ.

Намъ пришлось оставить вещи въ цейхгаузѣ и ходить по городу въ поискахъ за квартирою. Конечно, это пустяки, но мнѣ это было почему-то прискорбно, и я припомнилъ литовскую поговорку, что медвѣдь рычитъ, когда его ударитъ вѣточка, и молчитъ, когда его придавитъ всей своей тяжестью дубъ.

Я отправился прежде всего въ сераскеріатъ, гдѣ командующій гвардіей маршалъ Эссадъ-паша сказалъ мнѣ, что мое прошеніе объ отставкѣ принято и что въ награду за мою службу мнѣ назначена пожизненная пенсія въ размѣрѣ одной трети жалованья, которое я получалъ на службѣ, т.-е. 6.250 піастровъ въ мѣсяцъ, при весьма лестномъ рескриптѣ, въ которомъ говорилось, что въ 17 лѣтъ, кои я командовалъ казаками и драгунами, мною сдѣлано столько, сколько иной сдѣлаетъ въ пятьдесятъ лѣтъ.

Это было все очень красиво на словахъ, но на самомъ дѣлѣ было совсѣмъ иначе, ибо мнѣ было прибавлено въ сущности только 1.250 піастровъ къ пожизненной пенсіи, назначенной мнѣ султаномъ Абдулъ-Ме-

джидомъ за услуги, оказанныя турецкому правительству до поступленія моего на военную службу.

Выдача мнѣ этой пенсіи была прекращена, какъ и всѣ остальныя пенсіи, пожалованныя покойнымъ султаномъ, но на совѣтѣ министровъ было рѣшено вернуть ее мнѣ и выдавать ежемѣсячно, въ случаѣ моего выхода въ отставку, я же, въ своемъ прошеніи объ отставкѣ, отказался отъ этой пенсіи, такова была истинная подкладка этого дѣла, такъ что, въ сущности, пенсія, назначенная мнѣ за мою службу въ войскѣ, была незначительна.

Всѣ паши и военные, съ которыми мнѣ пришлось когда-либо служить, выразили мнѣ свое сожалѣніе по поводу моего выхода въ отставку, а кавалерія, встрѣтившись однажды со мною, когда я уже снялъ военный мундиръ, отдала мнѣ честь, какъ своему бывшему командиру, ставъ во фронтъ. Хотя это было нарушеніемъ правилъ и она получила за это выговоръ отъ сераскира, но, признаюсь, это было для меня отрадно въ томъ одиночествѣ, въ какомъ я неожиданно очутился.

Сераскиръ, Гуссейнъ-Авни-паша, принялъ меня любезно, но, повидимому, былъ недоволенъ моимъ выходомъ въ отставку. Я былъ у него по утру, въ его лѣтнемъ помѣщеніи, на берегу Босфора. Какъ сейчасъ помню нашъ разговоръ.

— Не повліяла-ли на ваше рѣшеніе (выйти въ отставку) побѣда, одержанная нѣмцами надъ Наполеономъ?

— Отчасти и это имѣло вліяніе.

— Или, быть можетъ, причиною было наше сближеніе съ Россіей?

— Нѣтъ, ибо хотя я полякъ и столько лѣтъ сражался противъ Россіи, но я вполнѣ признаю, что Россія есть лучшій союзникъ для Турціи, и если я, съ своей стороны, былъ хотя малѣйшею помѣхою къ существованію между ними добрыхъ отношеній, то я радъ, что своимъ выходомъ въ отставку я могъ оказать услугу странѣ, которая такъ великодушно приняла меня въ свое подданство и которой я служилъ всѣмъ сердцемъ и впредь готовъ служить по первому требованію правительства, насколько у меня хватитъ силъ и умѣнья.

— Даю вамъ слово,—отвѣчалъ на это сераскиръ,—что введеніе въ славянское войско турецкаго языка не есть уступка, сдѣланная Россіи, ибо она этого не требовала; правительство давно уже имѣло это въ виду, теперь же сами офицеры выразили желаніе, чтобы у нихъ былъ введенъ турецкій языкъ, и я охотно поддержалъ ихъ просьбу, такъ какъ она вполнѣ согласовалась съ моимъ давнишнимъ рѣшеніемъ.

— Я не протестую противъ этого,—возразилъ я,—но я считалъ своей обязанностью высказать свой взглядъ. Къ тому же я чувствовалъ, что послѣ этого преобразованія нашей организаціи я не могъ бы

служить такъ успѣшно, какъ прежде, а тѣмъ болѣе съ тѣми лицами, коимъ поручено совершить эту реформу. Поэтому я и просилъ уволить меня въ отставку, рѣшивъ предоставить мѣсто тѣмъ, кои съумѣютъ, вѣроятно, поставить войско на болѣе высокую ступень, нежели оно было при мнѣ, и могутъ принести болѣе пользы государству.

— Ваша служба оцѣнена,—отвѣчалъ онъ,—и я увѣренъ, что мы еще повоюемъ вмѣстѣ съ вами, если только будетъ война.

Великій визирь принялъ меня еще любезнѣе и сказалъ, что правительство разсчитываетъ на меня.

Я отвѣчалъ ему на это вполнѣ откровенно, что, при теперешнихъ отношеніяхъ къ Россіи, въ моей службѣ едва-ли окажется надобность; что я могъ бы скорѣе быть помѣхою, нежели принести пользу, и что я охотно откажусь отъ всякой дѣятельности, если это можетъ упрочить отношеніе Турціи къ Россіи. Я отъ души поздравилъ его съ сближеніемъ съ нею и сказалъ, что по моему убѣжденію, послѣ пораженія, понесеннаго Франціей, только дружескія отношенія къ Россіи могутъ обезпечить Турцію отъ внутреннихъ смутъ и отъ внѣшнихъ войнъ.

Онъ улыбнулся, но былъ такъ смущенъ, что не зналъ, что мнѣ отвѣтить на это. Я узналъ только впослѣдствіи причину этого смущенія.

Оказывается, что когда мое прошеніе объ отставкѣ было принято, то великій визирь отправился къ русскому посланнику, чтобы сообщить ему пріятное извѣстіе о моемъ выходѣ въ отставку, и сказалъ ему, между прочимъ, что черная точка, вліявшая на отношенія между державами, исчезла съ горизонта, что я уже не состою болѣе на службѣ.

Посланникъ отвѣчалъ на это довольно холодно:—«тѣмъ хуже для турецкаго правительства, такъ какъ оно потеряло въ немъ честнаго и способнаго слугу».

Услыхавъ это, стороною, я просилъ моего друга Антона Алеона, который былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Али-пашею, спросить его: правда-ли это? и онъ подтвердилъ эти слова.

Боснякъ Азисъ-паша оказалъ мнѣ, по моемъ пріѣздѣ въ Стамбулъ, самое сердечное гостепріимство и, хотя нѣкоторые изъ моихъ пріятелей, которымъ я оказывалъ въ свое время услуги, отнеслись ко мнѣ вполнѣ безучастно, что вполнѣ естественно въ чиновничьемъ мірѣ Турціи, но таковыхъ было немного. Большинство турецкихъ сановниковъ, въ томъ числѣ Риза-паша, Кибризли Мехмедъ-паша, Селимъ-паша, Намыкъ-паша и Сеидъ-бей отнеслись, ко мнѣ самымъ сердечнымъ образомъ, и послѣдній даже помогъ мнѣ устроиться.

Я познакомился съ женою моего младшаго сына и съ ея родными; но такъ какъ этотъ бракъ былъ причиною охлажденія сына ко мнѣ и къ нашему польскому дѣлу, которое было мнѣ дороже всего на свѣтѣ, то мнѣ не особенно было пріятно встрѣчаться съ ними; къ тому же

мой младшій сынъ видимо радовался моей отставкѣ, ибо онъ льстилъ себя, по невѣдѣнію, надеждою, что Фарнезе только временно будетъ командовать полкомъ, а что онъ, пользуясь особымъ благоволеніемъ султана, получитъ одинъ за другимъ чинъ полковника и паши и займетъ сначала его, а потомъ и мое мѣсто. Друзья-пріятели внушили ему эту мысль изъ зависти ко мнѣ.

Пріѣхавъ въ Стамбулъ, я сразу сказалъ сыну, что я сомнѣваюсь, чтобы, по выходѣ моемъ въ отставку, наша организація осталась въ такомъ почетѣ, какъ прежде, и чтобы она была такъ нужна правительству, и что я опасаюсь даже, какъ бы это не повліяло на его карьеру, какъ бы онъ и его товарищи поляки и славяне не были удалены изъ свиты султана. Оно и не могло быть иначе, такъ какъ они не имѣли, сами по себѣ, никакихъ заслугъ, и все ихъ преимущество заключалось въ томъ, что они принадлежали къ казацкому войску, состоявшему подъ моей командою; меня же уважали въ Турціи за мои прежнія заслуги какъ политическаго дѣятеля и какъ представителя извѣстной политической идеи.

Весьма вѣроятно, что мой сынъ не повѣрилъ тогда моимъ словамъ, точно такъ же, какъ офицеры не хотѣли понять, что, лишая казацкую организацію ея политическаго характера и отказываясь отъ польско-славянскаго знамени, они сами теряли всякое значеніе.

Изъ всѣхъ казаковъ и драгунъ, только двое подали въ то время въ отставку, въ видѣ протеста противъ отуреченія нашего войска: то были мой старшій сынъ, Тимуръ-бей (Адамъ Чайковскій) и Ричардъ Бервинскій. Третій, Османъ-ага (Морозовичъ), просилъ, по той же причинѣ, объ увольненіи его въ отставку, но получилъ отказъ, такъ какъ онъ былъ долженъ въ полковую кассу; по уплатѣ долга онъ вышелъ изъ полка.

Впослѣдствіи и всѣ прочіе офицеры, одинъ за другимъ, оставили полкъ, впрочемъ, по совершенно иной причинѣ, о чемъ будетъ сказано далѣе.

Меня не столько огорчала неблагодарность поляковъ по отношенію ко мнѣ, хотя всѣ видѣли, какъ я былъ преданъ имъ и заботился объ ихъ благѣ, сколько ихъ легкомысленное отношеніе къ чести польскаго имени, которое выразилось въ овацiяхъ, оказанныхъ Фарнезе, взявшему на себя задачу искоренить изъ нашего войска польскій духъ.

Устроившись въ Стамбулѣ, я занялся писаніемъ повѣстей и своихъ воспоминаній и сидѣлъ спокойно дома, не мѣшаясь болѣе въ политику. До меня только доходили слухи о непріятностяхъ, которыя постигли поляковъ, находившихся на турецкой службѣ.

Прежде всего мой младшій сынъ былъ удаленъ отъ двора, лишился званія адъютанта султана и былъ причисленъ къ сераскеріату. Этому

радовались его товарищи, Лизикевичъ и Коваленко, которымъ онъ доставилъ мѣста при дворѣ; но вскорѣ ихъ постигла та же участь, они лишились своихъ адъютантскихъ мѣстъ и были прикомандированы къ полкамъ; вмѣстѣ съ ними были удалены отъ двора всѣ славяне и всѣ христіане, числившіеся въ казацкомъ и драгунскомъ полку.

Имъ не помогъ въ этомъ случаѣ баронъ Окша, хотя всѣ они были его агентами, служили ему вѣрою и правдою и, по его наущенію, дѣйствовали противъ меня, за Фарнезе.

Моего младшаго сына обманули, говоря ему, что Фарнезе хотѣлъ только временно занять мѣсто, которое не могло быть предоставлено ему сразу. Онъ хлопоталъ за него у командующаго гвардіей, Эссадъ-паши и у Реуфъ-паши, предсѣдателя Дары-Шуры, съ которыми, какъ адъютантъ султана, онъ былъ въ то время въ хорошихъ отношеніяхъ.

Ослѣпленіе его доходило до того, что когда Фарнезе, несмотря на мой протестъ, былъ назначенъ къ намъ, то онъ писалъ своимъ знакомымъ офицерамъ, чтобы они приняли Фарнезе какъ можно любезнѣе, такъ какъ онъ будетъ только временно его замѣстителемъ. Узнавъ объ этомъ письмѣ, Фарнезе попросилъ показать его, а затѣмъ, пригласивъ къ себѣ офицеровъ, вполнѣ логично опровергъ все сказанное въ немъ, сославшись на точный смыслъ приказа, коимъ онъ былъ назначенъ командиромъ полка, а не какимъ-то замѣстителемъ Музаферъ-бея.

Такимъ образомъ, мой сынъ сдѣлался всеобщимъ посмѣшищемъ. Италіанецъ ловко обдѣлалъ свои дѣлишки и одурачилъ поляка, но не съумѣлъ сдержать своего слова и сдѣлать изъ казаковъ первый полкъ въ мірѣ. Полкъ пришелъ въ упадокъ и изъ лучшаго полка турецкой кавалеріи, какимъ онъ былъ при мнѣ, сдѣлался самымъ послѣднимъ.

Фарнезе, прежде всего, попросилъ прислать ему турецкихъ унтеръ-офицеровъ, такъ какъ поляки и прочіе славяне не умѣли писать по-турецки.

Затѣмъ, такъ какъ охотниковъ славянъ и христіанъ поступить въ полкъ не являлось, а поляковъ, которые отъ бѣды рѣшались идти охотниками, онъ не принималъ, то онъ началъ высказывать въ своихъ донесеніяхъ сомнѣніе насчетъ вѣрности и преданности славянъ и христіанъ, вслѣдствіе чего сераскиръ приказалъ укомплектовать полкъ мусульманами, для чего были присланы самые плохіе рекруты, негодные къ службѣ въ турецкихъ полкахъ. Такимъ-то образомъ Фарнезе сгубилъ превосходнѣйшую кавалерію въ мірѣ.

Но какова была дальнѣйшая участь офицеровъ, кои такъ радостно привѣтствовали преобразованіе полка? Къ сожалѣнію, мое предсказаніе относительно ихъ сбылось вполнѣ. Имъ не долго пришлось радоваться моему выходу въ отставку. Не получая жалованья, притѣсняемые начальствомъ, которое обращалось съ ними пренебрежительно, они, одинъ

за другимъ, оставили полкъ, но не такъ, какъ подобало полякамъ, выразивъ этимъ протестъ противъ отуреченія войска, но какъ наемники, недовольные своими господами за то, что они имъ плохо платили.

Надобно сказать, что русское посольство въ Турціи и русскіе консулы не только никогда не преслѣдовали польско-славянскую организацію, но не причиняли ей и тѣхъ мелкихъ и подъ-часъ весьма докучливыхъ непріятностей, къ которымъ представители иностранныхъ державъ въ Турціи всегда могутъ найти поводъ. Напротивъ того, они много разъ способствовали улаженію возникавшихъ недоразумѣній.

Что касается меня, то я долженъ также откровенно сказать, что я никогда не питалъ ненависти или непріязни къ русскимъ и къ русскому правительству, стоящему во главѣ огромной и могущественной монархіи.

Я всегда любилъ русскихъ какъ славянъ и ставилъ ихъ выше насъ за ихъ единодушіе и готовность приносить личныя, безкорыстныя выгоды въ жертву на алтарь отечества.

Поляки не имѣли до 1863 г. ни малѣйшаго повода питать какую-либо непріязнь къ русскимъ, а императора Александра II они должны были глубоко уважать и любить, такъ какъ его расположеніе къ нимъ и желаніе сдѣлать для нихъ все возможное ни для кого не было тайною. Все то, что я слышалъ о немъ, еще въ бытность его цесаревичемъ, располагало меня въ его пользу, и я отъ души радовался его вступленію на престолъ, такъ какъ съ этимъ открывалась для поляковъ новая эра надеждъ. Я всей душою сочувствовалъ идеѣ и политикѣ маркиза Велепольскаго и высказывалъ это въ письмахъ къ моимъ друзьямъ эмигрантамъ; писалъ объ этомъ и моимъ пріятелямъ въ Польшу и совѣтовалъ полякамъ примкнуть къ нему. Я полагаю, всякій убѣдился въ настоящее время въ томъ, что избранный имъ путь сближенія съ Россіей былъ для Польши единственнымъ путемъ, который могъ привести ее къ благоденствію и спасенію. Поэтому мнѣ нечего говорить объ этомъ, такъ же точно, какъ не мое дѣло выяснять, по чьей винѣ поляки уклонились съ должнаго пути и были приведены къ пропасти, разверзшейся предъ ними въ 1863 году.

Пора взглянуть правдѣ въ глаза безъ самообольщенія и пагубныхъ мечтаній.

Польскіе эмигранты такъ упали, съ теченіемъ времени, нравственно и до того утратили всякое политическое значеніе, что они не могутъ быть ничѣмъ полезны Польшѣ, но они, несомнѣнно, вредятъ Россіи, стоящей во главѣ славянскихъ государствъ, тѣмъ, что польскіе эмигранты служатъ, по большей части, нѣмцамъ, мадъярамъ и Богъ вѣсть кому противъ славянства, поэтому ихъ дѣятельность неудобна для Россіи, хотя, разумѣется, ни мало не опасна для нея.

Полякамъ, ради своихъ собственныхъ выгодъ, слѣдуетъ быть прежде всего славянами и брататься съ славянами, живущими подъ скипетромъ славянскаго царя.

Столько лѣтъ служенія польскому дѣлу, столько стараній и труда, положенныхъ на него, за что̀ я видѣлъ съ ихъ стороны только однѣ непріятности, даютъ мнѣ право откровенно высказать мой взглядъ, тѣмъ болѣе, что я доказалъ его не только словомъ, но и дѣломъ, разрѣшивъ моему старшему сыну, Адаму Чайковскому, который вполнѣ раздѣлялъ мои мысли и мои чувства къ братьямъ славянамъ, отправиться въ славянскую Россію и поступить на службу въ войско русскаго царя.

Великодушный монархъ принялъ его въ число своихъ подданныхъ и въ ряды своей арміи, которая составляетъ гордость и надежду славянъ.

Предоставивъ сыну моему дѣятельную роль, я остался одинъ со своими воспоминаніями и ожидаю конца жизни, а подъ Алемъ-Дагомъ меня ждетъ могила боевой спутницы моей жизни, которая служила столько лѣтъ вмѣстѣ со мною польскому дѣлу.

Если бы милосердый Господь, въ своихъ неисповѣдимыхъ путяхъ, судилъ моимъ костямъ лечь на вѣчное упокоеніе въ землѣ моихъ предковъ, въ возлюбленной моей Украйнѣ, то я вернулся бы на родину, предоставивъ себя безусловно на волю царя.

Это былъ бы самый лучшій конецъ жизни для поляка-славянина.

Этими грустными словами заканчиваетъ Чайковскій записки, составленныя имъ на чужбинѣ. Тридцать лѣтъ, проведенныхъ Садыкъ-пашею на Востокѣ, среди Балканскихъ славянъ, уяснили ему всю ложность того положенія, которое заняли поляки въ славянскомъ мірѣ, пріобщившись душой и сердцемъ къ западу—и въ то же время все значеніе и призваніе Россіи, какъ православной, славянской державы.

Отказавшись отъ турецкой пенсіи, полученной имъ за службу оттоманскому правительству, онъ обратился къ великодушію государя и получилъ, какъ извѣстно, разрѣшеніе возвратиться въ Россію, въ свое помѣстье Черниговской губерніи, гдѣ онъ продолжалъ заниматься литературой и гдѣ имъ были набросаны разныя замѣтки и воспоминанія, составляющія какъ бы дополненіе къ его запискамъ.

Въ этихъ воспоминаніяхъ онъ изливаетъ, подъ-часъ въ довольно рѣзкой формѣ, все то, что наболѣло у него въ душѣ за тѣ 30 лѣтъ, въ теченіе коихъ онъ старался высоко держать польское знамя въ сформированномъ имъ казачьемъ войскѣ, описываетъ интриги, которыя вели противъ него эмигранты-поляки, не раздѣлявшіе его польско-славян-

скихъ взглядовъ, и развиваетъ высказанную имъ многократно въ печати мысль о необходимости для поляковъ тѣснаго единенія съ Россіей.

Какъ бы ни были, подъ-часъ, крайни и рѣзки сужденія, высказываемыя Чайковскимъ, озлобленнымъ веденною имъ многолѣтнею борьбою, но все же его «Замѣтки и Воспоминанія», какъ искренній голосъ восьмидесятилѣтняго старца-поляка, заслуживаютъ полнаго вниманія.

В. Т.

Изъ бумагъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.

(Письма къ нему разныхъ лицъ).

1.

Письмо князя А. Куракина—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

15-го сентября 1813 г. Павловское.

Государь мой Дмитрій Николаевичъ! Письмо ваше отъ 2-го текущаго, я имѣлъ удовольствіе получить и при ономъ приложенный пробный листокъ издаваемаго вами въ свѣтъ сочиненія. Какъ красотою литеръ, такъ бумагою и форматомъ онаго я остался очень доволенъ и для напечатанія 600 экземпляровъ, вмѣстѣ съ двумя весьма любопытными уставами орденовъ Св. апостола Андрея и Св. Екатерины по возвращаемому при семъ образцу, выключая того мѣста, которое на немъ чернилами вычернено, посылаю я вамъ тысячу рублей. Изданіе вами сего сочиненія будетъ вамъ шагомъ къ полученію одной изъ четырехъ орденовъ вакансіи герольда. Мнѣ пріятно васъ въ семъ ожиданіи вашемъ увѣрить. Но при семъ долженъ вамъ сказать, что жалованье, герольдамъ производившееся, давно уже прекращено, а оставлены имъ одни почетные знаки.

За присланную вами собственно вашего сочиненія книгу «Жизнеописаніе митрополита [1]) Амвросія» приношу мою благодарность. Еще въ малолѣтствѣ моемъ, когда я имѣлъ случай видать его довольно часто въ нашемъ домѣ, былъ я свидѣтелемъ того должнаго, имъ внушаемаго,

---

[1]) Рукою Д. Н. Бантышъ-Каменскаго слово митрополитъ зачеркнуто и написано „архіепископъ“.

почтенія, которое послѣ и во мнѣ въ зрѣлыхъ лѣтахъ къ его отличнымъ добродѣтелямъ возродилось.

Примите увѣреніе, что я съ моею къ вамъ дружбою пребываю вашего высокоблагородія вѣрный слуга князь Александръ Куракинъ.

P. S. Скажите мой дружескій поклонъ вашему почтенному родителю и обѣимъ сестрицамъ вашимъ.

2.

Письмо графа А. Мусина-Пушкина—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

21-го ноября 1813 г., с. Плошка.

Невозможно болѣе и чувствительнѣе одолжить, какъ вы то сдѣлали, любезный другъ мой Дмитрій Николаевичъ, доставленіемъ прекраснаго и чувствительнаго изданія, которое я вчера только получилъ, и съ онымъ два письма ваши отъ 8-го и 15-го чиселъ. Изданіе прекрасное, а содержаніе еще лучше: я оное прочиталъ сряду три раза; и всякій разъ обливался пріятными и утѣшительными слезами. Ежели при изданіи имѣли вы намѣреніе описаніемъ качествъ покойнаго усладить горесть ближнихъ его, то успѣли въ томъ совершенно, ибо всякій, кто читалъ здѣсь, обливался слезами; а особливо заключеніе острымъ и умнымъ перомъ написано. Есть пословицы: дерево узнается по плодамъ, и другая: яблоко отъ яблони недалеко катится. Вы обѣ сіи пословицы собою подтверждаете и доказываете ясно, что ступаете по слѣдамъ почтеннаго своего родителя, которому (между нами) я цѣны не знаю! Надобно у васъ учиться, какъ людей къ себѣ привязывать. Прошу считать на мою къ вамъ преданность и вѣрить, что ни въ чемъ возможномъ никогда вамъ отказу не будетъ; но напротивъ радъ буду случаю, когда встрѣчу (возможность?) сдѣлать вамъ услугу, или угодное. Вы спрашиваете подробностей службы и портрета графа Ивана Алекс. Отсюда онымъ услужить вамъ не могу; развѣ когда въ Петербургѣ, что могу узнать сообщу, а на память свою не надѣюсь, чтобы не соврать. Изъ родословной выписку при семъ прилагаю. Портретъ князя Петра Ивановича Прозоровскаго былъ у дяди кн. Михаила Никитича Волконскаго и у князя Ѳедора Николаевича Голицына...[1]) тутъ легко достать можете, а о прочихъ не знаю, гдѣ бы достать могли. Ежели бъ живъ былъ Волконскій кн. Павелъ Михайловичъ, у него много было старинныхъ портретовъ, но теперь гдѣ они не знаю, должны быть у кн. Ѳедора Сергѣевича Голицына, женившагося на Прозоровской княжнѣ. Флавіановой рѣчи назначеніе: извольте

[1]) Одно слово не разобрано.

взять для себя сколько угодно, а затѣмъ прошу приказать переплесть въ корешекъ, или въ бумажку 200, изъ коихъ прошу сюда ко мнѣ прислать 50, въ Петербургъ переслать 50 и оставить у себя для меня 100; а остальныя промѣнять книгопродавцамъ на какія-нибудь русской исторіи книги, ибо теперь у меня ничего, даже моихъ изданій нѣтъ. Всѣмъ вашимъ и батюшки вашего знакомымъ прошу переслать по экземпляру; а кому изъ моихъ знакомыхъ роздать, пришлю записку. Затѣмъ поздравляю васъ съ наступающею именинницею, которую прошу отъ меня и отъ всего моего семейства поздравить и вѣрить, что я навсегда вашъ вѣрный слуга графъ А. Мусинъ-Пушкинъ.

P. S. Подлинно жаль, что не имѣемъ мы доски портрета любезнаго Александра; очень бы хорошо приложить къ изданію его жизни. Эпиграфъ помѣстили вы очень удачно.

Вотъ еще вамъ коммиссія: вамъ, помнится, извѣстно, что я написалъ разсужденіе о найденныхъ человѣческихъ головахъ въ городскомъ валу въ Твери. Бумаги сіи у меня сгорѣли, но отыскать оныя есть слѣдъ: въ церковной типографіи былъ нѣкто секретаремъ г. Щепкинъ. Онъ знакомъ мнѣ со времени служенія въ Св. Синодѣ и служилъ подъ начальствомъ Александра Аполлоновича Наумова, а нынѣ въ отставкѣ. Гдѣ онъ теперь живетъ по разореніи Москвы не знаю, но его навѣрное знаютъ всѣ служащіе въ типографіи и книгопродавцы вамъ знакомые. Ежели бы вы его отыскали, то прошу потребовать у него копію разсужденія о найденныхъ головахъ, которую онъ у меня списалъ; вы тѣмъ меня одолжите.

3.

Письмо графа А. Мусина-Пушкина—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

1-го декабря 1813 г., с. Плошка.

Съ прошедшею почтою получилъ я отъ г. Калайдовича отъ 20-го числа письмо, коимъ требуетъ онъ еще объясненія: о Полтинѣ, о Игоревой Пѣшѣ и о другихъ еще подробностяхъ. Когда съ нимъ увидитесь, прошу ему сказать, что я какъ удосужусь и буду поздоровѣе, то отвѣчать ему буду и по желанію его исполню охотно; а какъ я примѣчаю, что онъ до историческихъ и отечественныхъ древностей охотникъ и знатокъ, то вмѣсто требуемаго имъ съ полтины рисунка прилагаю ему подлинную; что надѣюсь скоро исполнить и прислать съ отправляющимися отсюда людьми въ Москву на слѣдующей недѣлѣ. Съ прошедшею почтою получилъ я журналъ «Вѣстникъ Европы», въ коемъ къ крайнему удивленію нашелъ записку біографіи моей напечатан-

ную, чего я въ журналѣ никакъ видѣть не надѣялся, ибо въ оной есть такія обстоятельства, кои кромѣ меня никому не извѣстны; а потому и ясно, что оная мною сочинена, которую читавъ незнающіе меня коротко, или кто изъ неблагонамѣренныхъ легко почтетъ меня лжецомъ, или хвастуномъ, что̀ крайне непріятно, ибо въ доказательство тому остались только тѣ люди, кои у меня многое видали, а чтобъ всякому неблагонамѣренному было чѣмъ запереть ротъ, того способа я злодѣемъ лишенъ: вотъ, что для меня весьма непріятно.

Записку сію сдѣлалъ я по письму вашему изъ уваженія желанія преосвященнаго калужскаго и послалъ оную къ вамъ съ тѣмъ (ежели вспомните), чтобы показали оную почтенному вашему батюшкѣ, и ежели онъ одобритъ, то бы доставили куда слѣдуетъ. Показали-ли вы оную ему, я не знаю, а напротивъ того теперь вижу оную въ журналѣ; что̀, признаюсь вамъ, мнѣ весьма непріятно, лучше бы о томъ прежде печатанія со мною снестись. Ежели бы милый Александръ былъ живъ, я бы никогда не допустилъ напечатать то, что теперь напечатано, ибо при жизни его сочли бы хвастовствомъ, но теперь ему въ томъ нѣтъ нужды: вотъ какъ я о семъ думаю; а потому и на себя отношу. Откровенность мою прошу принять за мое къ вамъ уваженіе и искренную любовь, ибо съ пріятелями я всегда такъ обращаюсь, пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ и искреннимъ слугою.

4.

Письмо Василія Капниста—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

18-го ноября 1820 г. Обуховка.

Съ чувствительнѣйшимъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше: оно доказываетъ, что вы меня не позабыли. Вы знаете привязанность мою къ вамъ и сколь бесѣды съ вами были мнѣ пріятны; несказанно обяжете меня, если и въ разлукѣ согласитесь продолжать оныя.

Вы справедливо замѣтили, что отецъ мой убитъ въ Егерсдорфскомъ сраженіи, которое происходило 1757 года августа 19-го числа. Онъ погребенъ на мѣстѣ побѣды россійской. Весьма любопытно будетъ и пріятно читать мнѣ невинное претерпѣніе отца моего, изображенное столь искуснымъ и живымъ перомъ.

Вы говорите, что съ удовольствіемъ слышали чтеніе нѣкоторыхъ сочиненій моихъ въ обществѣ университета; друзьямъ пристрастіе свойственно: сомнѣваюсь, чтобы столичная публика была одного съ вами мнѣнія. Недавно послалъ я Антону Антоновичу портретъ мой: вы конечно узнаете его, ибо онъ весьма похожѣе того, который вы доставили

мнѣ. Сдѣлайте одолженіе, узнайте отъ пріятеля вашего, кто ему доставилъ списокъ съ подлинника, котораго, сколько я помню, никому я для снятія копіи не давалъ.

Цѣлую руки милостивой государыни любезной супруги вашей и милостивыхъ государынь сестрицъ вашихъ. Анна Николаевна, конечно, извѣстила васъ, какому превосходному экзамену воспитанниковъ были мы свидѣтелями. Истинно неслыханное чудо совершила княгиня въ Малороссіи, такими успѣхами и въ такое короткое время. Правду говорятъ, что дѣло мастера боится.

Съ душевнымъ почтеніемъ и совершенною преданностью пребуду на всегда, и проч.

5.

Письмо князя Александра Голицына—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

1-го ноября 1822 г. № 3185. С.-Петербургъ.

Препровожденные при письмѣ вашемъ отъ 15-го сентября сего года три экземпляра изданной вами книги подъ названіемъ «Исторія Малой Россіи», въ четырехъ частяхъ, я получилъ, и изъ сего числа два экземпляра оной, согласно съ желаніемъ вашимъ, представилъ отъ имени вашего ихъ величествамъ государынямъ императрицамъ. Государыня императрица Елисавета Алексѣевна, удостоивъ сочиненіе сіе принять, повелѣть мнѣ соизволила изъявить вамъ благоволеніе ея величества съ одобреніемъ полезныхъ и похвальныхъ трудовъ вашихъ. Государыня императрица Марія Ѳеодоровна, принявъ книгу вашу съ удовольствіемъ, повелѣла за усердіе побудившее васъ къ сему приношенію, изъявить вамъ также благоволеніе ея величества.

Исполняя симъ таковую волю ихъ императорскихъ величествъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обязываюсь принести вамъ и съ своей стороны благодарность за экземпляръ помянутой исторіи, назначенный вами собственно для меня.

6.

Собственноручное письмо князя Н. Репнина—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

7-го ноября 1822 г. Полтава.

Удивитесь, можетъ быть, любезный Димитрій Николаевичъ, получивъ отъ меня письмо, но сіе да будетъ вамъ доказательствомъ, что

дружба моя сильнѣе вашей недовѣрчивости и простите правду— упрямства.

Два дня послѣ вашего отъѣзда получилъ я прямо изъ Петербурга повторительное удостовѣреніе, что мѣсто, о коемъ я для васъ ходатайствовалъ, къ 1-му январю будетъ вамъ дано, т. е. тотчасъ по возвращеніи государя. Сіе побудило меня остановиться представленіемъ въ Сенатъ сообщеніями и предложеніями, и вы bon-gré-mal gré досѣлѣ еще считаетесь правителемъ канцеляріи моей; теперь отъ васъ самихъ зависитъ дать ходъ сему дѣлу, или нѣтъ. Ежели вы не отреклись еще отъ похоти на воеводство и хотите на семъ свѣтѣ посвятить еще чему-либо . . . . . то прошу подъ предлогомъ отеческой любви явиться ко мнѣ въ Полтаву и, взявъ мое письмо, отправиться въ Петербургъ; либо съ возвращеніемъ К. Давыдова сказать мнѣ, чтобъ я бумаги отправлялъ. Прощайте, любезный измѣнникъ.

Аннѣ Николаевнѣ искреннее и сердечное почтеніе.

7.

Письмо Евгенія, митрополита кіевскаго—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

19-го ноября 1822 г. Кіевъ.

При почтенномъ письмѣ вашемъ отъ 20-го октября имѣлъ я честь получить трудовъ вашихъ Исторію Малой Россіи, достойную любопытства и уваженія всѣхъ любителей отечественнаго бытописанія. Я видѣлъ ее въ Кіевѣ еще до полученія отъ васъ; а теперь буду пользоваться ею собственно какъ памятникомъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Но замѣчанія мои на оную, если какія мнѣ встрѣтятся, сообщить могу не прежде, какъ по прочтеніи всей на досугѣ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы, имѣвши столь много источниковъ, какіе въ началѣ книги сами объявили, мало можете отъ меня воспользоваться, ибо я о Малороссіи зналъ доселѣ только то, что писали о ней Миллеръ, Шереръ и Туманскій; а въ Кіевѣ я ничего еще не нашелъ о семъ для меня новаго; встрѣтилось мнѣ здѣсь только лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи Ригельманово, котораго я прежде не видалъ. Но оно вамъ извѣстно. Всѣ читавшіе вашу Исторію жалѣютъ только, что введеніе ваше въ оную очень коротко. А можно бы вамъ побольше написать о происхожденіи казаковъ. Бывши въ Калугѣ, я получилъ отъ графа Бутурлина и читалъ «Histoire des Cosaque par Lesures», напечатанную въ Парижѣ въ 1814 г. въ 2 томахъ и посвященную нашему государю. Книга сія достойна вниманія. Но она между вашими источниками не показана.

На просьбу вашу о портретахъ гетмановъ малороссійскихъ, отвѣтствую, что здѣсь въ Лаврѣ видѣлъ я одного только Хмѣльницкаго портретъ. Но разспрошу, нѣтъ-ли гдѣ и другихъ.

Родственникамъ вашимъ кіевскимъ постараюсь я оказать всякую услугу, какую только они отъ меня потребуютъ. Симъ желаю я засвидѣтельствовать вамъ искреннее почитаніе и преданность, съ которыми всегда пребуду вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Евгеній, митрополитъ кіевскій.

8.

Письмо графа А. А. Аракчеева—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

11-го января 1823 г. С.-Петербургъ

По полученіи письма вашего отъ 27-го декабря при сочиненіи вашемъ Исторіи Малой Россіи, я спѣшу принести вамъ, милостивый государь, за оное мою благодарность, но при семъ изъявляю свое и сожалѣніе, что на переплетъ употребили такія лишнія издержки.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

9.

Письмо Евгенія, митроп. кіевскаго—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

28-го февраля 1823 г. Кіевъ.

На письмо ваше отъ 3-го января поздно отвѣчаю; но тѣмъ не меньше усердно благодарю за ваше поздравленіе меня съ новымъ годомъ.

Лезюрову книгу «Histoire des Cosaques», думаю, можете отыскать въ московскихъ библіотекахъ, ибо она съ самаго появленія обратила на себя всѣхъ вниманіе, и нельзя статься, чтобы охотники не успѣли ее купить, а у меня изъ нея только выписки.

Если вамъ и теперь попадаются новыя рукописи о Малороссіи, то мы надѣемся, что второе изданіе вашей Исторіи будетъ совершеннѣйшее; а я ничего еще для васъ отыскать не могъ, ни даже портретовъ.

Молю Господа Бога, да подкрѣпитъ Онъ ваши силы, и призывая Его на васъ благоволеніе, всегда есмь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Евгеній, митрополитъ кіевскій.

10.

Собственноручное письмо Петра Капцевича—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

17-го января 1826 г. Омскъ.

Милостивый государь мой Димитрій Николаевичъ! Сообщаю вашему превосходительству копію съ оффиціальнаго извѣстія о происшествіи, случившемся въ столицѣ 14-го числа декабря [1]). Оно сообщено мнѣ по высочайшей волѣ государя императора и будетъ объявлено въ войска Сибирскаго корпуса. Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, сообщить оное къ свѣдѣнію его высокопреосвященству архипастырю нашему. Здоровье мое вяло, день лучше, день хуже, но перестаютъ морозы для меня тяжкіе, и надѣюсь, что я поправлюсь. Сегодня отправлена военная команда въ д. Мизана на подводахъ, а черезъ 4 дня выѣзжаетъ туда г. Кушнеревъ; я совершенно покоенъ, что нѣтъ тамъ ничего важнаго кромѣ одного неповиновенія и злыхъ отъ крамолы внушеній, но для виду и для примѣру другихъ дѣлается сіе какъ бы выставкой; прежде оказывается участіе къ крестьянамъ, какъ то въ душѣ моей есть истинно, а послѣ онаго и внушенія получатъ достойное наказаніе зачинщики.

Прошу вѣрить совершенному моему уваженію и истинному почтенію, съ коими и пребуду, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

11.

Письмо Евгенія, митрополита кіевскаго—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

16-го іюня 1829 г. Кіевъ.

Милостивый государь Димитрій Николаевичъ! Письмо вашего превосходительства отъ 1-го іюня имѣлъ я честь получить іюня 11-го и на оное отвѣтствую, что время кончины Кіевомихайловскаго игумена Ѳеодосія Софоновича не найдено; а время кончины митрополита Діонисія Балабана означено 1663 года на его портретѣ въ Софійскомъ соборѣ; но мѣсто погребенія его въ Лаврѣ не найдено. Прочіе вопросы ваши я давалъ семинаристамъ здѣшней семинаріи, которые, какъ туземцы, знаютъ суевѣрія своей отчизны не меньше священниковъ.

---

[1]) Извѣстное печатное объявленіе.

Отвѣты ихъ при семъ къ вашему превосходительству препровождаю. [1]). Примите, милостивый государь, увѣреніе мое во всегдашнемъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга.

12.

Письмо Ив. Ив. Дмитріева—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

28-го марта 1834 г.

Препровождаю при семъ къ вашему превосходительству копію, которую вы желали имѣть, съ письма Н. М. Карамзина, по случаю кончины незабвеннаго нашего благодѣтеля. Мнѣ очень будетъ пріятно и впредь оказывать вамъ такого рода услуги. Между тѣмъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

Письмо Н. М. Карамзина—Ив. Ив. Дмитріеву.

1-го декабря 1825 г. С.-Петербургъ.

Любезный другъ!

Мы не имѣли времени приготовиться къ удару: изумились и хотѣли бы плакать еще болѣе, нежели плачемъ, еслибы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности къ незабвенному для насъ Александру. Онъ еще дѣйствуетъ на мою судьбу земную: его мать добродѣтельная, братъ, великія княгини вѣрятъ моей искренней, чистой къ нему любви и видятъ меня, чтобы плакать вмѣстѣ. Слезы печали имѣютъ свою сладость. Объ императрицѣ Елизаветѣ едва смѣю думать: она кажется мнѣ какимъ-то лучезарнымъ ангеломъ въ состояніи неизъяснимомъ. Сердце рвется къ ней. Я мужъ, отецъ и ненадеженъ здоровьемъ: не могу рѣшиться. Впрочемъ, кому быть утѣшителемъ ея, кромѣ Бога? Что для нея теперь жизнь и пріязнь, самая искреннѣйшая? Пишу къ тебѣ единственно для того, чтобы мысленно прижать тебя къ сердцу въ горести глубокой. Я неравнодушенъ къ судьбѣ Россіи; но теперь сердце занимается только жалостію, что не стало того, кого мы любили! будь здоровъ, милый другъ. На вѣки твой

Н. Карамзинъ.

Петербургъ удивительно тихъ. Всѣ мои обнимаютъ тебя нѣжно.

---

[1]) Отвѣтовъ при письмѣ не оказалось.

13.

Письмо Берлинскаго—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

20-го октября 1839 г. Кіевъ.

Имѣвъ честь получить почтеннѣйшее ваше письмо отъ 30-го сентября, въ которомъ изволите предлагать желаніе ваше о свѣдѣніи погребенныхъ въ Кіевѣ князей фельдмаршаловъ Прозоровскаго и Сакена, на что̀ долгомъ считаю донести; о первомъ: что по справкѣ моей и разспросамъ оказалось, на то особую при семъ записку прилагаю, написанную лучшею рукою, нежели моя 75-ти лѣтняя. Сверхъ оной еще можно дополнить, что домъ князя Прозоровскаго каменный, построенъ въ Печерской части города на выѣздѣ къ заставѣ Васильковской; и по совершенномъ устроеніи крѣпости не можетъ существовать. При заложеніи сего дома въ 1810 году и домовой въ немъ церкви митрополитомъ Серапіономъ, говорилъ при случаѣ рѣчь извѣстный кіевскій протоіерей Леванда, которая рѣчь и напечатана въ 3-й части его проповѣдей; имъ же и надпись надъ урною составлена.

О князѣ фельдмаршалѣ Фабіянѣ фонъ-деръ Сакенѣ слѣдуетъ только донести, что его тезоименитство въ Кіевѣ праздновали всегда 20-го генваря. Онъ скончался 1837 года апрѣля 7-го дня; при погребеніи его 10-го того же мѣсяца, говорилъ рѣчь профессоръ здѣшняго университета г. Максимовичъ, которая также напечатана. Тѣло его проводилъ здѣшній епископъ викарный Иннокентій со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ. Племянникъ сего фельдмаршала графъ, камергеръ Иванъ Остенъ-Сакенъ, по знакомству, показывалъ мнѣ прекрасный рисунокъ монумента, присланный ему изъ Курляндіи, какой намѣрено было тамошнее дворянство поставить тамъ по перенесеніи его гроба изъ Кіева въ Курляндію; но почему это не исполнено, мнѣ не извѣстно. Только и по сю пору могила его находится по правую сторону Богородично-Рождественской церкви у дальнихъ пещеръ на бастіонѣ крѣпостномъ.

14.

Письма И. Снегирева—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

1.

23-го мая 1841 г. Москва.

Ваше превосходительство, любезнѣйшій кумъ и незабвенный благодѣтель! Съ душевною радостію прочитавъ въ газетахъ о награжденіи васъ чиномъ, давно заслуженнымъ, обязанностію себѣ поставляю поздра-

вить ваше превосходительство, желая искренно, чтобъ лѣта испытаній замѣнились лѣтами счастія, а счастливымъ быть никогда не поздно. Съ удовольствіемъ видѣлъ я также похвальные отзывы о новомъ почтенномъ трудѣ вашемъ, которымъ дополнили вы литературную свою славу. Ваши книги должны быть настольными у всякаго прямо русскаго, и ни одинъ историкъ не обойдется безъ нихъ. Отецъ архимандритъ Аполлосъ поручилъ мнѣ всеусердно поздравить ваше превосходительство съ новымъ возвышеніемъ и поднести изданную имъ книжку о Новоспасскомъ монастырѣ.

Наконецъ и Шишковъ (А. С.) скончалъ свое теченіе. Любопытно знать, кто-то его замѣнитъ. Преосвященный кіевскій, нынѣ вологодскій Иннокентій проѣздомъ черезъ Москву посѣтивъ меня, сказывалъ, что нынѣ Академія сдѣлалась щедрѣе, печатаетъ на свой счетъ переводы съ нѣмецкаго философскихъ сочиненій; она только (т. е. Д. Н. Языковъ) не благоволитъ къ издателю словаря русскихъ писателей, сочиненія ея почетнаго члена. Г. Языковъ ничего и никогда не писалъ ко мнѣ объ этомъ предметѣ, хотя и обѣщалъ, а только черезъ васъ предлагалъ стѣснительныя для меня условія. Между тѣмъ нѣмецкіе, французскіе и англійскіе журналы меня упрекаютъ, что я не продолжаю! Графъ Строгановъ очень торопилъ меня напечатать къ пріѣзду государя въ Москву двѣ тетради Памятниковъ Московской Древности для поднесенія. Несмотря на то, что я еще не кончилъ и половины своихъ поисковъ въ архивахъ и что болѣли у меня третій мѣсяцъ глаза, я издалъ ихъ и приготовилъ; но сіятельный, по принятому имъ обычаю перемѣняться, не поднесъ. Теперь я въ недоумѣніи, должно-ли мнѣ продолжать начатое и оглашенное въ журналахъ. Какъ въ продолженіе 13-ти лѣтней службы въ цензурномъ комитетѣ я не получилъ ни одной награды, тогда какъ ежегодно получали денежное награжденіе секретарь, писцы и даже сторожа комитетскіе, то предсѣдатель и представилъ меня къ полученію 1000 дес. земли. Не знаю только, вѣрно-ли это и какой ходъ имѣетъ это представленіе по отношеніямъ министра къ попечителю? Отдаю вамъ, незабвенный благодѣтель и другъ, отчетъ въ дѣлахъ своихъ, потому особенно, что вы всегда принимали искреннее участіе въ нихъ. Отъ всей души вамъ преданный, желаю вамъ съ любезнымъ семействомъ всякаго блага, честь и счастіе. Имѣю быть на всегда вашего превосходительства преданнымъ и покорнѣйшимъ слугою.

2.

12-го апрѣля 1845 г. Москва.

Пріятнѣйшею обязанностію поставляю себѣ поздравить поченнѣйшаго кума и благодѣтеля съ праздникомъ праздниковъ, сердечно желая

ему внѣшнихъ и внутреннихъ благъ отъ всещедраго Промысла. Христосъ Воскресе! Съ удовольствіемъ и участіемъ я прочелъ дѣльную статью вашу о Крыловѣ, которая мнѣ показалась лучше всѣхъ широкоописаній. Въ ней вы соединили все, что можетъ быть любопытно и важно, описавши его фактами, а не фразами. Трудами своими, ваше превосходительство, оказали незабвенныя услуги исторіи и литературѣ. Право, это не лесть, когда всѣ пользуются ими.

Вы изволили меня спрашивать, сколько у меня дѣтей? Честь имѣю отвѣтствовать: я живу въ Троицкой улицѣ и дѣтей у меня трое изъ девяти. Изъ литературныхъ чадъ своихъ я нынѣ окончилъ памятники московской древности IX, X и XI книжку, коими довершается описаніе Кремля. Вашему превосходительству извѣстно, что мимо автора типографщикъ Селинъ поднесъ ихъ всей Царской фамиліи, отъ коей и награжденъ перстнями и табакерками. Я остался въ сторонѣ, какъ неприкосновенный къ дѣлу. Теперь, при выходѣ послѣднихъ трехъ книгъ, типографщикъ ѣдетъ въ С.-Петербургъ поднести ихъ государю и его фамиліи отъ своего имени, хотя въ соизволеніи высочайшемъ сказано обо мнѣ. Г. министръ въ письмѣ своемъ, въ отвѣтъ на мое, сказалъ, что, по окончаніи моего труда, онъ готовъ поднести отъ моего имени государю и прочимъ особамъ высочайшей фамиліи. Теперь я не знаю, какъ мнѣ поступить? Экземпляры этой части доставлены типографщикомъ императорской фамиліи и остальныя книги будутъ имъ же представлены. Какъ же мнѣ явиться съ другимъ экземпляромъ уже извѣстной имъ книги. Я не сомнѣваюсь, что если великодушный министръ, обративъ свое вниманіе на это обстоятельство и на обнесеннаго чарочкой писателя, употребитъ свое благотворное ходатайство, то я не останусь обиженнымъ и обойденнымъ. Въ то самое время, какъ по отношенію министра внутреннихъ дѣлъ, историческое общество въ 1840 году поручило мнѣ этотъ трудъ съ назначеніемъ 3.000 р. ежегодно, составленъ былъ журналъ, подписанный княземъ Д. В. (Голицынымъ) и графомъ С. С. (Уваровымъ) и напечатанный въ газетахъ. На требованіе мое назначенныхъ денегъ отвѣчали, что ихъ негдѣ взять и что ошибка въ редакціи журнала; изданіе князь Г. поручилъ Селину, для коего я принужденъ былъ работать за маловажную плату. Дѣло изъ казеннаго превратилось въ частное. Представляя вашему радушному вниманію это обстоятельство, я надѣюсь, что вы не останетесь къ нему равнодушнымъ и замолвите обо мнѣ доброе слово. Неужели трудъ и трудящійся обречены на обидное забвеніе, когда печатникъ награжденъ и отличенъ! Извините меня великодушно, что я такъ много пишу о себѣ, по пословицѣ, что у кого болитъ, тотъ объ томъ и говоритъ. Желая вамъ съ любезнымъ семействомъ непрерывнаго счастья, честь имѣю быть съ ду-

шевною преданностію вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою.

3.

21-го апрѣля 1845 г. Москва.

Достопочтенный другъ, кумъ и благодѣтель! Хотя вы и не родственникъ мнѣ, но въ дѣлѣ моемъ показываете истинно родственное усердіе. По Евангелію, сотворивый милость есть ближній. Изъ вспоминаній вашихъ вижу ясно, что память не измѣняетъ вашему превосходительству. Грѣхъ юности моей не помяни, Господи! По благодушному вызову вашему П. М. Д. (Памятники Московской Древности) честь имѣю вамъ представить для поднесенія. Надѣюсь, что великодушный и благородный министръ не оставитъ въ забвеніи моихъ трудовъ и не допуститъ преградить мнѣ путь къ милостямъ царскимъ, кои изливаются на многихъ. Если писецъ награжденъ столь щедро, то зачѣмъ обойти *писателя*? Я не отважился писать къ графу Строганову, который самъ обѣщалъ мнѣ по окончаніи моего труда исходатайствовать у государя покровителя отечественности соотвѣтственную награду. Въ жизни моей за прежніе труды я, по предстательству С. С. Уварова, получилъ перстень, который по нуждѣ продалъ за 250 р. ассигнаціями. Теперь же, имѣя на себѣ долги для устроенія имѣньишка своего и не малое семейство, я былъ бы счастливъ, если бъ получилъ половину даннаго г. Погодину, которому за поднесеніе писемъ пожаловано 4.000 с. (руб. серебромъ).

По справкѣ доставлю вамъ отвѣты на вопросы вашего превосходительства. Напрасно вы говорите, будто я одинъ хвалю ваши труды; нѣтъ, какъ цензоръ, скажу, что достоинство ихъ составляетъ то, что всѣ наши и чужестанные историки ими пользуются и на васъ ссылаются.

И. И. Дмитріевъ ничего достопамятнаго не говорилъ предъ смертію, кромѣ того что прогналъ священника, который пришелъ его исповѣдовать; онъ былъ въ забытьи и погребенъ въ Донскомъ минастырѣ. На отпѣваніи его и я былъ. Объ этомъ есть статья въ «Московскихъ вѣдомостяхъ». Моя жена и дѣти всеусердно благодарятъ ваше превосходительство за воспоминаніе. Я ничего столько не желаю, какъ вашего долгоденствія съ благоденствіемъ и благословенія Божія въ любезныхъ дѣтяхъ вашихъ. Преданный вамъ душевно, хотя не родной по крови, но по сердцу и душѣ не чужой.

П. П. Пожалуйте не упоминайте о родственности Сергѣю Семеновичу.

4.

23-го мая 1845 г. Москва.

Я думаю, вы уже изволили получить письмо мое съ двумя экземплярами моей книги, ввѣряемой великодушному покровительству просвѣ-

щеннѣйшаго и посему справедливаго и благотворительнаго министра. Селинъ, еще нерасплатившійся со мною, теперь въ Петербургѣ для поднесенія государю моего труда, и вѣроятно, съ письмами отъ графа, который сначала обнадежилъ меня самъ своимъ ходатайствомъ, но теперь отрекся. Итакъ, все упованіе мое возлагаю по Богѣ на благодушіе Сергѣя Семеновича Уварова. Желаніе мое я объяснилъ искренно вашему превосходительству, не утаивъ и нужды своей.

Честь и обязанность имѣю препроводить къ вамъ для библіотеки вашей экземпляръ словаря свѣтскихъ писателей, изданнаго съ моей рукописи Погодинымъ.

О Текели я особеннаго ничего не знаю. Костровъ похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ, по свидѣтельству старожиловъ. Съ даромъ поэзіи онъ соединилъ въ себѣ доброту и остроуміе. Вотъ примѣры, многимъ извѣстные и непридуманные:

Получивъ отъ императрицы за первыя пѣсни Иліады 1.000 рублей новыми ассигнаціями, онъ пошелъ въ Цареградскій трактиръ, гдѣ встрѣтилъ одного печальнаго офицера. Сколько онъ ни приглашалъ его выпить съ собою по стакану пуншу, тотъ никакъ не соглашался и сколько ни спрашивалъ о причинѣ печали, тотъ отвѣчалъ только: «оставьте меня, я несчастенъ». Наконецъ выведенный изъ терпѣнія вопросами и разспросами сердобольнаго Кострова, съ серцемъ сказалъ ему: «что о томъ говорить, чему нельзя пособить; я бѣдный человѣкъ, а теперь самый несчастный; потерялъ казенныхъ денегъ 800 р. и долженъ перемѣнить шпагу на тесакъ». Услышавъ это, Костровъ сказалъ: «я нашелъ ваши деньги и не хочу воспользоваться ими—и, съ этимъ словомъ вынувъ ихъ изъ кармана, положилъ на столъ предъ офицеромъ и тотчасъ ускользнулъ изъ трактира; но трактирщикъ зналъ Кострова и открылъ все. На языкѣ Кострова пить съ воздержаніемъ значило пить такъ, чтобы держаться на ногахъ. Однажды шелъ онъ изъ Царьградскаго съ студентомъ Верещагинымъ, тоже поэтомъ, который, пивши не съ воздержаніемъ, поползъ на четверенькахъ. Костровъ ему закричалъ: «Верещагинъ! не по чину, не по чину». Въ концѣ прошедшаго вѣка подгулять въ дружеской бесѣдѣ не считалось ни безчестнымъ, ни зазорнымъ. Лѣтъ за 40 и за 50 были въ Москвѣ боярскіе и купеческіе домы, гдѣ радушно принимали и подчивали досыта ученыхъ, любили слушать ихъ споры, въ кои ихъ втравливали. Въ одномъ изъ такихъ домовъ, именно у Карина, Костровъ такъ упился, что сидѣлъ на канапяхъ, опрокинувшись на спинку ихъ. Нѣкоторые, желая надъ нимъ подшутить, сказали: «что, Ермилъ Ивановичъ, у тебя мальчики въ глазахъ!» И самые глупые,—отвѣчалъ поэтъ.

Въ бытность свою въ Москвѣ Екатерина II поручила И. И. Шувалову пригласить Кострова къ столу своему. Этотъ истинный и незабвен-

ный меценатъ тотчасъ призвалъ къ себѣ Кострова, велѣлъ его одѣть на свой счетъ и убѣждалъ неотмѣнно явиться трезвымъ въ назначенный день къ нему, чтобы вмѣстѣ ѣхать во дворецъ. Настаетъ день и часъ, Шуваловъ безпрестанно посылаетъ за Костровымъ; но его нигдѣ не нашли. Шуваловъ принужденъ былъ ѣхать одинъ во дворецъ и извиниться предъ императрицей болѣзнію поэта. Недѣли черезъ двѣ является Костровъ къ своему начальнику, который съ добродушіемъ сказалъ ему: «не стыдно-ли тебѣ, Ермилъ Ивановичъ, промѣнять дворецъ на кабакъ?» «Побывайте-ка, Иванъ Ивановичъ, въ кабакѣ; право, не промѣняете его ни на какой дворецъ!» Что жъ Шуваловъ? разсердился, выгналъ что-ли Кострова? Нѣтъ, кротко улыбнулся, промолвивъ: «de gustibus non disputandum est».

Не знаю, пригодится-ли все это мараніе мое для біографіи; по крайней мѣрѣ, оно выказываетъ Кострова, какъ человѣка. Кому неизвѣстно, что великій Суворовъ переписывался съ Костровымъ стихами и что послѣдній посвятилъ ему свой переводъ Оссіана! Такія воспоминанія истинно утѣшительны и отрадны, какъ отголосокъ патріархальныхъ временъ. Не таковъ былъ тотъ дипломатическій чопорный поэтъ, о которомъ вы изволили писать. Точно онъ корчилъ мецената; но надъ всѣми окружавшими его смѣялся, ссорилъ и дурачилъ ихъ: это поэзія сплетень. Не такъ поступали добросовѣстные покровители ученыхъ, къ числу коихъ безспорно принадлежитъ и покойный вашъ родитель, увѣковѣчившій добромъ и трудомъ свою память.

Преосвященный Евгеній пишетъ ко мнѣ четко своею рукой письма, издаетъ свои проповѣди избранныя. Я сообщу ему о вашемъ воспоминаніи, безъ сомнѣнія для него пріятномъ.

Кирѣевскій оставилъ на четыре книжки «Москвитянина», отставшаго двумя мѣсяцами. Жаль, что московскіе журналисты не выдерживаютъ, а Погодинъ вездѣ выигрываетъ, какъ петербургскій кулакъ. Петербургскимъ это потѣха и выигрышъ. Говорятъ, что Ольхинъ переноситъ въ Москву «Сынъ Отечества».

Отецъ архимандритъ Аполлосъ всеусердно благодаритъ ваше превосходительство за память о немъ.

Отъ всей души желая вамъ съ любезными дѣтьми всякаго блага, честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ, душевною преданностію и признательностію вѣрный и покорный слуга И. Снегиревъ.

5.

2-го ноября 1845 г.

Ваше превосходительство! Какъ во всякомъ, такъ и въ этомъ письмѣ вы обязываете меня благодарить за истинно дружеское, смѣю сказать, родственное благодѣтельное участіе во мнѣ и въ судьбѣ трудовъ (моихъ).

По вашему предстательству, г. министръ поднесъ мою книгу государю и цесаревичу; отъ перваго я имѣлъ счастіе получить перстень, оцѣненный въ Москвѣ отъ 500 до 600, а отъ другаго благодарность, послѣ мастера Селина. При моихъ обстоятельствахъ я желалъ бы испросить отъ Кабинета, вмѣсто перстня, деньги, по назначенной цѣнѣ; но не знаю, какъ поступить и къ кому обратиться. За безцѣнокъ отдать не хочется въ нуждѣ настоящей, безъ коей мнѣ пріятно было бы сохранить въ семействѣ своемъ царскій даръ. Погодину дано 4.000 р. сер. по ходатайству г. министра, сверхъ другихъ наградъ. Но мнѣ другое счастіе, даже мастеровой типографщикъ поставленъ выше меня. Получивъ перстень отъ товарища министра кн. Ш(иринскаго), я его увѣдомилъ о полученіи, но къ г. министру не писалъ. Позвольте мнѣ узнать, надобно-ли къ нему писать? Кажется, онъ еще не возвратился изъ Варшавы. Г. Сербиновичъ въ Москвѣ, но я еще не успѣлъ съ нимъ видѣться и поговорить. Если Богъ благословитъ, мнѣ хочется сдѣлать путешествіе, полезное для моего здоровья и рекомендуемое врачами, въ Тульскую и Орловскую области. Жена моя и дѣти свидѣтельствуютъ вашему превосходительству искреннее свое почтеніе, съ коимъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и преданнымъ слугою.

6.

19-го ноября 1846 г. Москва.

Ваше превосходительство, достопочтеннѣйшій кумъ и благодѣтель!

Не удивляйтесь и не сомнѣвайтесь, что я замедлилъ отвѣтомъ на пріятнѣйшее и драгоцѣннѣйшее письмо ваше отъ 29-го октября; только вчерашній день я получилъ отвѣтъ на вашъ вопросъ отъ г. Дмитріева, занятаго писаніемъ московскихъ элегій. Записку его въ подлинникѣ имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству.

Весьма радъ и отъ всей души поздравляю васъ съ Божіею и царскою милостію, коими желаю вамъ сколь можно долѣе наслаждаться. Будьте увѣрены, что чувство моей признательности и преданности къ вамъ, моему благодѣтелю, нисколько не измѣнились, и воспоминаніе о васъ живетъ въ моемъ сердцѣ. Вы *чужіе* мнѣ по крови, но *родные* по душѣ. Вашу любовь ко мнѣ, укрѣпленную давностью, я почитаю даромъ Божіимъ.

Жена моя и дѣти свидѣтельствуютъ искреннее почтеніе и благодарность вашему превосходительству.

Очень радъ, что вы возобновляете изданіе общеполезнаго словаря знаменитыхъ россіянъ; увѣренъ, что въ немъ найду много новаго и при томъ такого, что не прошло чрезъ московское чистилище. Я желалъ бы, чтобы вы исключили изъ этого пантеона имена бунтовщиковъ и

злодѣевъ. Вмѣсто ихъ пусть вступятъ въ него тѣ знаменитости, кои недавно сошли съ поприща своего, кромѣ гернгутера Ливена.

Въ первомъ изданіи у васъ былъ пропущенъ, не знаю почему, Херасковъ и Платонъ? О Новиковѣ есть много статей въ «Москвитянинѣ». Я слышалъ, что баронъ Корфъ пишетъ жизнь Сперанскаго.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю появленія сего полезнаго труда, этой настольной книги для всякаго русскаго громотея.

Постоянно дополняя и поправляя свои Памятники Московскихъ Древностей, я желалъ бы сдѣлать дешевое изданіе, доступное для всякаго, но еще не нашелъ средствъ.

Теперь печатаю возможно полное собраніе русскихъ пословицъ— ихъ текстъ, съ варіантами изъ лѣтописей, грамотъ и рукописей; образчикъ ихъ я подалъ С. С. Уварову, который, несмотря на свое предубѣжденіе противъ старыхъ и пристрастіе къ новымъ, принялъ меня очень благосклонно. Онъ замѣтилъ, что не всѣ пословицы можно объяснить: изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ пропускать. Многое объясняется жизнію народа и случайно открываемыми фактами; гдѣ отыскано много источниковъ, тамъ они указаны. Здѣсь я руководствовался словами г-на le Roux de Lincy, издавшаго недавно ученымъ образомъ французскія пословицы: J'ai préféré, je l'avoue, citer simplement sans avoir prétention de tout expliquer.

Въ пословицахъ вся душа народа. Кто же возьмется ее вполнѣ обнять, проникнуть и объяснить?

Этимъ трудомъ занимаюсь между дѣломъ на отдыхѣ; но вечеромъ при свѣчахъ глаза мнѣ напоминаютъ, что они не прежніе.

Всѣ мои книги и деньги, около 25 тыс. рубл., утонули въ Ширяевскомъ конкурсѣ. Это плоды 25 лѣтнихъ работъ.

По милости графа С. С. Уварова, И. И. Давыдовъ получаетъ мѣсто въ Педагогическомъ институтѣ; а мы отстаемъ отъ товарищей своихъ,

Свидѣтельствуя вамъ искреннее почтеніе и душевную преданность, честь и счастіе имѣю быть и проч.

Если найдете свободную четверть часа и предметъ, порадуйте меня писаніемъ вашимъ.

7.

27-го декабря 1846 г. Москва.

Пріятнѣйшею обязанностью себѣ вмѣняю поздравить васъ съ новымъ годомъ, сердечно желая вамъ провести многіе года въ совершенномъ благополучіи съ любезнѣйшимъ вашимъ семействомъ.

На вопросъ вашего превосходительства о преосвящен. Серафимѣ Глаголевскомъ честь имѣю отвѣчать то, что мнѣ достовѣрно извѣстно.

*

Въ Петербургскихъ газетахъ, или въ «Христіанскомъ Чтеніи», кажется, помѣщена его біографія.

Онъ уроженецъ Калужскій, учился въ Троицкой лаврѣ, откуда въ 80-хъ годахъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ обучался и училъ въ гимназіи, на содержаніи Дружескаго общества, подъ покровительствомъ Новикова. Товарищими его были въ Московскомъ университетѣ Матвѣй Десницкій, Сандуновъ, Сохацкій, Снегиревъ, и, кажется, митр. Евгеній, въ мірскомъ Евфимій Болховитиновъ. Отношенія его, очень близкія къ одной секретаршѣ, заставили его идти въ монахи, къ чему особенно склонилъ его митр. Платонъ, чтобы избавить отъ непріятныхъ послѣдствій дѣла. Это случилось въ 1788 или 87 г. Статный, миловидный Стефанъ Глаголевскій слылъ блéсточкою. Когда его постригали въ монахи, дамы восклицали: «какъ онъ милъ и прекрасенъ!» «Это мой сынъ», сказала одна старушка, стоявшая тутъ же. Отецъ его былъ священникъ, отрѣшенный отъ мѣста за невоздержаніе. Но Серафимъ, несмотря на его слабость и безпокойный нравъ, держалъ его у себя и всегда показывалъ къ нему рѣдкое въ нашъ вѣкъ снисхожденіе и терпѣніе. Однажды полиція схватила и привела отца его съ панагіею сына, которую онъ продавалъ, разумѣется, унесши ее. Серафимъ оправдалъ его, сказавъ, что самъ послалъ продать его по нуждѣ въ деньгахъ.

Въ Московской академіи онъ былъ учителемъ богословія, а не ректоромъ послѣ Евлампія, и проповѣдникомъ. Онъ почитался знатокомъ латинскаго, французскаго и русскаго языковъ; въ 1789 г., будучи іеромонахомъ, онъ издалъ: Цвѣтъ чистаго латинскаго языка. При Павлѣ I Серафимъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ на череду; въ присутствіи государя вышелъ говорить наизусть проповѣдь, но отъ смущенія забылъ ее; ему велѣно было возвратиться въ Москву. Платонъ въ утѣшеніе (ему) исходатайствовалъ его себѣ викаріемъ и въ 1799 году декабря 25-го посвященъ отъ митрополита въ епископы въ Троицко-Сергіевской лаврѣ; въ 1801 г. былъ при коронаціи Александра I, а въ 1804, января 29-го, переведенъ въ Вятку, куда отправился съ большимъ прискорбіемъ. Во время нашествія Наполеона его чуть не захватили непріятели. Изъ тверскихъ онъ переведенъ 1819 г. въ Москву, которая приняла его весьма хорошо. Митрополію ему предрекалъ давно Платонъ; «ты до нея дотерпишься»— говорилъ прозорливый іерархъ. И точно главною чертою характера въ Серафимѣ была терпѣливость и умѣніе выжидать благопріятныя обстоятельства. Въ 1821 году онъ нареченъ митрополитомъ новгородскимъ, вѣнчалъ на царство Николая I, имѣвшаго къ нему искреннюю довѣренность и уваженіе до смерти его. Имя Серафима утвердило русскій переводъ Евангелія и Псалтыря. Иностранцы вмѣняютъ ему въ подвигъ уничтоженіе масонскихъ ложъ, библейскаго общества и духовнаго ми

нистерства, а торжественное свидѣтельство государя — присутствіе на площади въ декабрьскомъ мятежѣ. Слова царя пойдутъ въ потомство. Среди холеры онъ выходилъ увѣщевать и утѣшать народъ. Во многихъ важныхъ и достопамятныхъ событіяхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ, какъ кормчій церкви.

Смоленской проповѣди его у меня нѣтъ, но есть прекраснѣйшая привѣтственная рѣчь Александру I въ Москвѣ. Громкія и радостныя восклицанія народа сопровождали государя до Успенскаго собора, гдѣ Серафимъ встрѣтилъ его словами: «В. Г. Въ священномъ писаніи сказано, что предъ Александромъ Великимъ умолче земля, а предъ тобою вся Москва изливается въ радостныхъ восклицаніяхъ». Тѣ немногія изъ напечатанныхъ его проповѣдей обнаруживаютъ основательность мыслей, большую начитанность и чистый слогъ, показывающій глубокое изученіе русскаго языка.

Кромѣ благоразумной, хорошо разсчитанной терпѣливости, въ немъ было милосердіе и великодушіе. Вдовы и сироты въ немъ находили отца. Въ Смоленскѣ одинъ священникъ не хотѣлъ похоронить бѣднаго рыбака потому, что вдова не могла ему заплатить столько, сколько онъ требовалъ на отпѣваніе. Серафимъ, узнавъ это, самъ отпѣлъ бѣдняка, принудилъ священника взять съ своего архіерея деньги за отпѣваніе и помогъ вдовѣ и ея дѣтямъ. Въ Твери онъ просилъ торжественно прощенія у священника, оскорбленнаго имъ понапрасно; ибо онъ его принялъ за другаго, заслужившаго выговоръ. Врагамъ своимъ часто отомщалъ онъ благодѣяніями и услугами.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно о Серафимѣ! Жизнь его достопамятна, сколько его личностію, а болѣе по отношенію ея ко многимъ важнымъ событіямъ въ Россіи. Изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ видно, что подъ личиною стариковской простоты онъ былъ политикъ. Въ молодости своей отличался насмѣшливостію. На экзаменѣ въ Смольномъ монастырѣ при императрицѣ, когда Германъ ученицамъ доказывалъ, что благоденствіе государства основывается на мореплаваніи, Серафимъ сказалъ: «какъ вы, милостивый государь, основываете благоденствіе народа на водѣ, а не на религіи, которая есть твердая его основа». Исторія его съ Фотіемъ, думаю, вамъ извѣстна, такъ равно и переписка съ митрополитомъ Филаретомъ, по случаю запрещенія катихизиса послѣдняго.

Увѣренъ, что опытное перо ваше придастъ интересъ общій біографіи сего архипастыря, питомца Платонова. Рѣдкому святителю посчастливилось имѣть послѣ себя сряду трехъ преемниковъ изъ любимыхъ своихъ питомцевъ, которыхъ онъ самъ предназначалъ на свое мѣсто: Августинъ, Серафимъ и Филаретъ.

Извѣстно-ли вашему превосходительству, что св. Дмитрій Ростовскій

говорилъ надгробное слово Лефорту! Оно есть въ новгородской Софійской библіотекѣ.

Къ числу знаменитыхъ россіянъ слѣдуетъ присоединить двухъ знаменитыхъ богослововъ: Ѳеофилакта Горскаго, послѣдняго епископа Переславскаго и Іакинѳа Карпинскаго; они извѣстны даже и иностранцамъ въ переводахъ. Перваго система богословія до нынѣ служитъ руководствомъ въ училищахъ, такъ какъ и послѣдняго. Оба были латинисты. См. поучительныя слова, въ разныя времена сказанныя Кирило-Бѣлозерскимъ архимандритомъ Іакинѳомъ Карпинскимъ. С.-Петербургъ 1782 г. Въ одномъ изъ нихъ есть разсужденіе о греческой иконописи, весьма замѣчательное.

Отъ преосвященнаго Евгенія я давно не получалъ писемъ, да и самъ виноватъ, давно къ нему за недосугами не писалъ. Все трудишься да все назади остаешься; не только товарищи, но и ученики давно перегнали меня по службѣ и производству.

Отецъ архимандритъ Аполлосъ всеусердно благодаритъ васъ за вспоминаніе; онъ жалуется на нездоровье.

Ваша кума, моя жена съ дѣтьми свидѣтельствуетъ искреннее почтеніе вашему превосходительству, желая отъ души вмѣстѣ со мною вамъ съ любезною супругою и дѣтьми счастія и радости въ новомъ году и на многія лѣта.

Вашъ вѣрный, искренній и преданнѣйшій слуга И. Снегиревъ.

8.

7-го января 1847 г. Москва.

Очень радъ, что имѣю пріятнѣйшій случай заочно бесѣдовать съ вашимъ превосходительствомъ, почтеннѣйшимъ кумомъ и любезнѣйшимъ сердцу моему благодѣтелемъ. Любовію своею и довѣренностію ко мнѣ вы мнѣ замѣняете истинно роднаго; самая многолѣтняя давность съ отрадными воспоминаніями придастъ этому новую цѣну, которую прибавляетъ всякій новый годъ. Дай Богъ, чтобы жизнь ваша, посвященная истинѣ, добру и полезнымъ трудамъ, продлилась сколь можно долѣе. Съ утѣшеніемъ слышу и на опытѣ вижу, что вы всецѣло сохранили тѣ силы, которыя другіе, не достигнувъ полвѣка, утрачиваютъ въ наше время, когда взапуски гоняются за вѣкомъ и за Европою; но эти межеутки отъ одного берега отстаютъ, а къ другому не пристаютъ. Вы же идете твердою стопою къ предназначенной цѣли. Имя родителя вашего и ваше останутся незабвенными и въ области исторіи и въ сердцахъ всѣхъ благомыслящихъ.

Искренно радъ, если чѣмъ-либо могу быть полезнымъ вашему превосходительству. Рѣчь Серафима изволите найти на оборотѣ листа, списан-

ную вѣрно съ печатнаго. Подъ словами царя я разумѣю рескриптъ митрополиту С(ерафиму) о дѣйствіяхъ его 14-го декабря, когда онъ выходилъ на площадь увѣщевать мятежныхъ, подъ ружейными выстрѣлами. Это напечатано въ газетахъ того времени. О(тецъ) Аполлосъ и пр. увѣряютъ, что Серафимъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ на череду не при Павлѣ, но въ концѣ царствованія Екатерины II. Не угодно-ли видѣть вѣрность указаній хронологиста Хавскаго въ его указателѣ источниковъ исторіи и географіи Москвы, М. 1839, ч. 8, стр. 300 и 301?

«1799 года, декабря 25-го Серафимъ Глаголевскій, викарій въ Москвѣ, хиротонисанъ изъ архимандритовъ Заиконоспасскихъ, а въ 1774 году переведенъ въ Вятку».

Прошу не вѣрить тому человѣку, который хочетъ унижать труды другихъ и въ томъ числѣ мои! Не думайте, чтобы это былъ одинъ промахъ; въ его книгѣ наберешь сотни. Онъ зять И. И. Давыдова. Я ни на кого не писалъ критикъ, тружусь тихомолкомъ, безъ притязанія на славу и даже извѣстность. Не имѣя за себя предстателей, далеко отсталъ отъ товарищей и учениковъ своихъ; я лишь статскимъ совѣтникомъ, и тогда какъ моихъ сослуживцевъ уволили съ полною 5 т. пенсіею, мнѣ дали только 2 тыс. Нужда и привычка заставляютъ держаться за цензуру, коей я многимъ пожертвовалъ, остальное поручаю Богу, единственной моей надеждѣ и опорѣ въ жизни.

Поручая себя вашему благорасположенію и любви, съ истиннымъ почтеніемъ, преданностію и признательностію честь имѣю быть и проч.

15.

Письмо князя Витгенштейна—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

5-го сентября 1841 г., М. Каменка.

Я имѣлъ честь получить, при письмѣ вашего превосходительства отъ 24-го прошедшаго іюля, экземпляръ составленныхъ вами біографій россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ, которыя съ великимъ удовольствіемъ прочитывая, нашелъ, что сколько знамениты дѣйствія мужей, прославившихъ себя и отечество своими достохвальчыми заслугами и подвигами на пользу онаго, столько и описаніе оныхъ пріятно и соотвѣтственно событіямъ. Что относится до моей біографіи, то оная написана согласно съ обстоятельствами, сопровождавшими дѣйствія мои на поприщѣ военномъ, съ нѣкоторыми однакожъ маловажными неполностями, которыя неминуемо должны были послѣдовать при затруднительномъ собраніи объ оныхъ свѣдѣній, и противъ которыхъ я, согласно вашему, милостивый государь, желанію, препровождаю при семъ мои замѣчанія.

Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю принесть вашему превосходительству искреннѣйшую мою благодарность за сдѣланное мнѣ одолженіе и доставленное удовольствіе и при томъ увѣрить въ особенномъ и истинномъ почтеніи, съ коимъ честь имѣю быть и проч.

Собственноручныя замѣчанія генералъ-фельдмартала князя Витгенштейна на біографію его.

Стран. 1-ая.—1) Генералъ-фельдмаршалъ князь Витгенштейнъ родился въ Переяславѣ.

Стран. 4-ая.—2) Онъ отставленъ былъ отъ службы императоромъ Павломъ I января 1-го дня 1801 года, а 2-го ноября того года императоромъ Александромъ принятъ опять въ оную, съ назначеніемъ командиромъ Елисаветградскаго гусарскаго полка. Въ январѣ же 1802 года назначенъ шефомъ Маріупольскаго гусарскаго полка.

3) Въ войну съ Франціею 1805 князь Витгенштейнъ откомандированъ былъ княземъ Кутузовымъ подъ Вишау съ двумя гусарскими, однимъ драгунскимъ полками и 12-ти орудіями конной артиллеріи. Съ симъ отрядомъ атаковавъ французскую кавалерію, занимавшую позицію предъ Вишау, разбилъ ее и взялъ въ плѣнъ 24 штабъ и оберъ-офицера и до 400 человѣкъ нижнихъ чиновъ; убитыхъ и раненыхъ было въ семъ дѣлѣ до 500 человѣкъ; въ русскомъ же отрядѣ былъ уронъ незначительный. Сего сраженія былъ свидѣтелемъ блаженныя памяти императоръ Александръ и послѣ онаго изволилъ сказать князю Витгенштейну, что онъ въ первый разъ въ жизни былъ на полѣ битвы.

Стран. 21-ая и 22-ая. 4) Въ сраженіи подъ Полоцкомъ 5-го октября 1812 года, французская кавалерія, состоявшая изъ кирасирскихъ полковъ, пробила центръ русскихъ войскъ и овладѣла артиллерійскою батареею полковника (что нынѣ генералъ-лейтенантъ) Байкова, который отбивался прибойниками. Въ то самое время князь Витгенштейнъ, будучи на лѣвомъ флангѣ, съ однимъ баталіономъ Калужскаго пѣхотнаго полка и двумя эскадронами лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, и увидѣвъ, что онъ отрѣзанъ, повелъ атаку на непріятеля на правый флангъ, а Гродненскій гусарскій полкъ, подъ командою подполковника Ридигера, ударилъ на лѣвый. Непріятель былъ опрокинутъ, потерявъ много людей, а начальникъ отряда, сынъ бывшаго французскимъ консуломъ, полковникъ Лебрёнъ, взятъ въ плѣнъ. Отбитая же артиллерія полковника Байкова, воспользовавшись симъ случаемъ, обратила свой огонь на бѣгущаго непріятеля и нанесла ему большой вредъ.

Стран. 29-ая.—5) С.-Петербургское дворянство, съ соизволенія го-

сударя императора, прислало 31-го августа 1814 года князю Витгенштейну грамоту съ изъясненіемъ въ оной: «что въ засвидѣтельствованіе признательности своей къ знаменитымъ подвигамъ князя Витгенштейна, охранившаго въ 1812 году С.-Петербургскую столицу и губернію отъ вторженія непріятельскаго, онъ и родъ его внесенъ въ дворянскую родословную книгу С.-Петербургской губерніи, въ пятую ея часть». Таковыя грамоты получены княземъ Витгенштейномъ отъ дворянства Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерній.

Въ построенной въ Печорахъ церкви, вмѣсто предполагавшагося обелиска [1]), коего князь Витгенштейнъ не пожелалъ, по просьбѣ его, поставлены на стѣнахъ въ церкви двѣ черныя доски и на оныхъ написаны имена всѣхъ убитыхъ подъ Полоцкомъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, по числу убитыхъ каждаго полка.

Стран. 61-ая, 62-ая и 63-ая.—6) 15-го февраля 1814 года въ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ, король прусскій находился лично при князѣ Витгенштейнѣ, въ продолженіе всего дѣла, и видя во время атаки русскихъ на центрѣ французской позиціи, на высотахъ бывшей, что оныя взяты храбрыми русскими войсками штурмомъ и непріятель прогнатъ штыками, снималъ съ своихъ адъютантовъ ордена «Пуръ-лемеритъ» и посылалъ ихъ на мѣсто сраженія баталіоннымъ командирамъ. Въ семъ сраженіи дѣйствовали одни французскія войска,—а когда обходъ совершенъ графомъ Паленомъ и принцомъ Евгеніемъ Виртембергскимъ и французы начали отступать, тогда уже графъ Вреде атаковалъ городъ и овладѣлъ онымъ. Здѣсь находился князь Шварценбергъ и получилъ контузію.

Вторая записка князя Витенштейна, составленная для Бантышъ-Каменскаго.

Такъ какъ Бантышъ-Каменскій имѣетъ уже формуляръ мой по 1827 годъ, гдѣ вся моя служба показана, то продолженіе оной состоитъ въ томъ, что въ 1828 году командовалъ я арміею противъ турокъ—въ продолженіе коей получилъ я, іюня 9-го числа, въ лагерѣ при Трояновомъ валѣ на рѣкѣ Карасу, алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго и девять орудій изъ взятыхъ въ продолженіе первой кампаніи девяти крѣпостей, а именно:

1) при переправѣ за Дунай съ батареи, дѣйствующей противъ насъ; 2) Тулчи; 3) Исачи; 4) Браилова; 5) Мачина; 6) Кюстенджи; 7) Гирсова; 8) Варны; 9) Кале.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1890 г., № 10, стр. 143. Ред.

Въ 1829 году по неоднократнымъ моимъ просьбамъ, былъ я уволенъ отъ командованія арміей, о чемъ прилагается копія рескрипта.

Въ 1834 году получилъ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшаго отъ короля прусскаго, съ согласіемъ его императорскаго величества,—также прилагается копія рескрипта. Дипломъ и указъ Правительствующаго Сената можно видѣть изъ «Сенатскихъ Вѣдомостей», тогда публикованныхъ.

Отецъ мой служилъ въ русской службѣ генералъ-лейтенантомъ и былъ женатъ на графинѣ Финкенштейнъ въ Пруссіи, отъ которой я родился;—во второмъ супружествѣ имѣлъ онъ за собою вдову графиню Бестужеву-Рюмину, урожденную княжну Долгорукову. Воспитывался я у фельдмаршала князя Салтыкова, который былъ президентомъ Военной коллегіи и смотрѣлъ за воспитаніемъ великихъ князей во время царствованія императрицы Екатерины II. Супруга фельдмаршала князя Салтыкова была урожденная княжна Долгорукова и родственница моей мачихи. Я родился въ 1768 году, 25-го декабря. Князь Витгенштейнъ.

16.

Письмо графа Строганова—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

24-го декабря 1845 г.

Милостивый государь Димитрій Николаевичъ! Въ письмѣ вашемъ отъ 4-го сего декабря вы извѣстили меня о продажѣ библіотеки покойнаго академика Языкова. По этому случаю я покорнѣйше прошу васъ доставить мнѣ на короткое время каталогъ книгъ, какой есть; послѣ того я васъ рѣшительно увѣдомлю, могу-ли оказать съ своей стороны содѣйствіе къ покупкѣ библіотеки или части оной.

17.

Письма В. Панаева—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

1.

3-го октября 1846 г. С.-Петербургъ.

Въ числѣ бумагъ, полученныхъ мною съ прибывшимъ вчера фельдегеремъ, оказалась и выписка изъ сочиненной вашимъ превосходительствомъ біографіи князя А. Н. Голицына. Печатать дозволено, только В. Ѳ. Адлербергъ, для большей исторической вѣрности, замѣтилъ, что извѣстныя слова при взглядѣ на портретъ князя государь изволилъ

написать не на бумагѣ, а на стѣнѣ, подъ самымъ портретомъ: это дѣйствительно такъ. Сверхъ того замѣчу отъ себя, что портретъ былъ, кажется, не живописный, а гравированный. Впрочемъ, объ этомъ я справлюсь и вамъ сообщу послѣ.

Оффиціальный отзывъ генерала Адлерберга достигнетъ до Цензурнаго комитета развѣ дней черезъ десять, ибо проектъ онаго посылается къ подписанію только сегодня.

2.

20-го мая 1847 г.

Идиллiи изданы въ 1820 году. Россійская Академія наградила меня за нихъ золотою медалью. Изданы также особо: Похвальное слово императору Александру I въ 1816 и Похвальное же слово князю Кутузову-Смоленскому въ 1823 году. За послѣднее императоръ пожаловалъ мнѣ богатый брилліантовый перстень, а императрица (Елисавета Алексѣевна)—фермуаръ моей невѣстѣ. Я тогда былъ помолвленъ. Сверхъ того въ разныхъ журналахъ, преимущественно въ эпоху времени отъ 1817 по 1826 годъ, напечатано нѣсколько моихъ стихотвореній, въ различныхъ родахъ поэзіи и болѣе десяти повѣстей, заимствованныхъ изъ истинныхъ происшествій. Я полагалъ, что бывальщина лучше небывальщины и что правда усугубляетъ интересъ разсказа.

Изъ пятерыхъ моихъ братьевъ я—четвертый, душевно преданный вашему превосходительству, В. Панаевъ.

Изъ архива А. В. Никитенко.

I.

Письма П. Леонтьева—А. В. Никитенко.

1.

15-го апрѣля 1852. Москва.

Задержанный поѣздкою въ Тулу, я не успѣлъ придать письма въ спутники тому экземпляру 2-й книги «Пропилеевъ», который, надписанный на ваше имя, я препроводилъ для доставленія вамъ въ книжный магазинъ Ѳ. В. Базунова, вмѣстѣ съ первыми экземплярами, отправленными въ Петербургъ. Позвольте поправить эту оплошность теперь и вмѣстѣ просить васъ представить отъ моего имени прилагаемый при семъ экземпляръ его превосходительству Абраму Сергѣевичу Норову, который былъ такъ внимателенъ ко мнѣ, что выразилъ письмомъ свое сожалѣніе о томъ, что я не могъ быть имъ принятъ въ бытность мою въ Петербургѣ.

Вторая книга «Пропилеевъ» имѣетъ болѣе литературный характеръ, нежели первая, и составъ ея, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, удачнѣе и стройнѣе. Я жалѣю только, что мѣсто не позволило мнѣ помѣстить въ ней ни одной статьи о художествѣ.

Въ 3-ей книгѣ я надѣюсь восполнить этотъ недостатокъ, а вмѣстѣ продолжать рядъ переводовъ драматическихъ произведеній древности.

Желая искренно, чтобы эта вторая книга заслужила, подобно первой, ваше одобреніе, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою П. Леонтьевъ.

2.

1855 г.

Послѣ свиданія съ вами въ прошлый вторникъ я продолжалъ думать и передумывать о журнальномъ дѣлѣ. Взвѣшивая извѣстныя мнѣ соображенія, которыми руководился Михаилъ Никифоровичъ (Катковъ) при составленіи программы, и сообщенныя вами основанія сомнѣній А. С. [1]), важности и существенности которыхъ нельзя оспаривать, я пришелъ наконецъ къ мысли о слѣдующемъ среднемъ пути, который можетъ быть въ состояніи помирить и тѣ и другія. Сожалѣю, что время не позволяетъ мнѣ лично узнать отъ васъ ваше мнѣніе объ этихъ предположеніяхъ, но, желая привезти съ собою въ Москву какъ можно болѣе данныхъ для Михаила Никифоровича, я просилъ Меѳодія Никифоровича [2]) побывать у васъ и представить это письмо на ваше благоусмотрѣніе и благосклонное обсужденіе.

Я выхожу отъ вашей мысли, что не слѣдуетъ упускать превосходнаго случая воспользоваться программою «Сына Отечества», и что изданіе политическаго листка въ настоящее время можетъ встрѣтить непреодолимыя затрудненія. Но я желалъ бы знать ваше мнѣніе о мѣрѣ возможности слѣдующихъ двухъ измѣненій, которыя имѣли бы для М. Н. значительную важность:

1. Нельзя-ли, вполнѣ сохраняя программу «Сына Отечества», просить о дозволеніи измѣнить заглавіе журнала. Основаніе для этого то, что «Сынъ Отечества» издавался въ нынѣшніе годы крайне небрежно и неправильно, вслѣдствіе чего совершенно потерялъ довѣріе публики: предразсудокъ противъ имени стараго журнала, неудовлетворившаго своихъ подписчиковъ, можетъ быть перенесенъ на новый журналъ той же фирмы. А примѣръ—«Финскій Вѣстникъ», перемѣнившій свое заглавіе въ послѣдній годъ прошлаго царствованія.

2. Нельзя-ли, пожертвовавъ листкомъ, просить о разрѣшеніи издавать, лишь на время войны, прибавленія къ возобновляемому журналу съ правомъ помѣщать въ этихъ прибавленіяхъ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства. Такія прибавленія конечно не могутъ идти въ сравненіе съ политическими газетами, а между тѣмъ они могли бы послужить значительною поддержкою журнала въ настоящее нелитературное время, когда военныя извѣстія поглощаютъ всеобщее вниманіе. Цензурныхъ затрудненій при подобныхъ «текучихъ извѣстіяхъ» не могло бы быть, ибо они перепечатывали бы однѣ оффиціаль-

---

[1]) Авраама Сергѣевича Норова.

[2]) Брата М. Н. Каткова.

ныя вѣсти, самимъ правительствомъ сообщаемыя ко всеобщему свѣдѣнію.

Позвольте просить васъ о сообщеніи Меѳодію Никифоровичу вашего взгляда на эти два пункта и воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы еще разъ поблагодарить васъ за рѣдкое радушіе и любезную внимательность, которыми вы украсили время моего пребыванія въ Петербургѣ.

Съ сердечнымъ уваженіемъ имѣю честь быть искренно преданный вамъ покорнѣйшій слуга П. Леонтьевъ.

II.

Письма Г. П. Данилевскаго—А. В. Никитенко.

1.

2-го апрѣля 1854 г.

Заходилъ я къ вамъ, Александръ Васильевичъ, съ Дружининымъ, который кланяется вамъ; мы шли отъ Виктора Павловича Гаевскаго, очень серьезно больнаго грудью.

Вы были такъ внимательны въ послѣдній разъ ко мнѣ. Дѣло теперь вотъ въ чемъ: мое кровохарканье такъ же безпокоитъ меня и грудь такъ же требуетъ поѣздки хотя на два мѣсяца въ степь; но... теперь моя судьба, подъ вліяніемъ близкаго вѣроятно повышенія моего начальника, должна измѣниться. Я, видя все будущее отъ одной службы, долженъ ждать этого измѣненія здѣсь, и тогда уже, снова укрѣпившись на мѣстѣ, ѣхать иначе не смѣю! Я бы желалъ опять остаться чиновникомъ особыхъ порученій при будущемъ товарищѣ [1]); здѣсь единственно могу своими силами принести пользу и быть свободенъ для честнаго выполненія литературнаго зова.

Не можете-ли вы, мой всегдашній высокій защитникъ, поддержать меня заранѣе, здѣсь рѣшается участь многаго хорошаго въ моемъ будущемъ и въ моей молодости. А это зависитъ отъ Абрама Сергѣевича (Норова) и его взгляда на мою судьбу, за три года первой службы при немъ. Я знаю, что если это будетъ зависѣть отъ Павла Ивановича,—послѣдній меня пригрѣетъ. Не оставьте же меня... Глубоко уважающій васъ Григорій Данилевскій.

2.

15-го апрѣля 1855 г.

Представляю вамъ, моему дорогому и незабвенному учителю и руководителю первыхъ моихъ литературныхъ шаговъ, разсказъ объ украин-

[1]) Князѣ П. А. Вяземскомъ.

скихъ старцахъ-пчеловодахъ и о поэтическихъ захолустьяхъ нашей общей родины, гдѣ еще длится медленное замиранье старины, подъ наплывомъ новыхъ пришельцовъ. Это отрывокъ изъ той грустной панихиды, которая служится нынѣ по старинѣ Украйны не однимъ моимъ сердцемъ!

Не знаю, судьба-ли это дѣлаетъ, или моя природа,—только видно, не ужиться мнѣ на сѣверѣ. На-дняхъ опять разболѣлась грудь моя,—отрыжка тѣхъ страданій, которыя нѣкогда посѣтили мою студенческую молодость. Что ни весна,—безсонницы и кровохарканье не даютъ мнѣ покоя! А тутъ еще подмываетъ меня вѣянье весны и чего-то далекаго и золотаго, чему имя—родина! Не знаю, справлюсь-ли я съ собою, только видно, прійдется просить мнѣ и Павла Ивановича и Абрама Сергѣевича объ отпускѣ, если можно соединенномъ съ откомандировкой по Археографической коммиссіи, какъ прошлый годъ. Моимъ рапортомъ и найденными рукописями въ монастыряхъ и въ городахъ остались довольны и министръ и Коркуновъ. Теперь же кстати и по еврейскому комитету лѣтомъ будетъ отдыхъ: Мухлинскій, нашъ предсѣдатель, ѣдетъ на каникулы въ Литву; а Мандельштамъ на воды хочетъ проситься. Не знаю, право, какъ мнѣ быть? Боюсь сдѣлать что-нибудь неугодное министру.

3.

28-го октября 1855 г.

Поручая вашему благосклонному вниманію, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, статью мою о «Полтавскихъ достопамятностяхъ», составленную изъ моихъ замѣтокъ, этого лѣта, для «Журнала Министерства Просвѣщенія» если можно, для ближайшей книжки, я вмѣстѣ съ этимъ, для любопытства, сообщаю вамъ и рисунки главнѣйшихъ мѣстъ, сдѣланные въ каммеръ-обскуру. По совѣту съ Авраамомъ Сергѣевичемъ и княземъ [1]), я думаю отдать эти рисунки Тиму, для «Художественнаго Листка», чтобы получить ихъ оттиски, и приложить эти оттиски къ отдѣльному выпуску брошюры, шрифтомъ журнала, по напечатаніи статьи въ немъ. Если бы вы, соображая интересъ статьи, идущей въ тактъ съ теперешнимъ трудомъ Н. Г. Устрялова, и, оставя въ сторону какую-нибудь сухую и черствую статью журнала, какими до васъ угощалъ Сербиновичъ читателей, пустили ее и въ декабрьскую книжку, тогда бы я оттиски съ рисунками могъ бы выпустить какъ разъ къ новому году. Авраамъ Сергѣевичъ заинтересованъ

---

[1]) П. А. Вяземскимъ.

статьей и, вѣроятно, самъ вамъ о ней скажетъ; рисунки также ему понравились.

Оставляя статью вамъ, за рисунками я явлюсь на-дняхъ.

4.

1-го іюля 1856 г.

Сдѣлавши главныя поѣздки по югу Россіи, по порученію отъ великаго князя Константина Николаевича, для «Морскаго Сборника», я теперь собралъ значительное количество матеріаловъ объ указанныхъ мнѣ «Чумакахъ» и другихъ предметахъ, и готовлюсь сдѣлать послѣдній главнѣйшій переѣздъ. Черезъ мѣсяцъ, около половины августа, думаю уже быть на мѣстѣ и снова вступить въ обязанности службы, при князѣ Петрѣ Андреевичѣ (Вяземскомъ), къ которому на-дняхъ писалъ о выполненіи моего порученія. Васъ спѣшу извѣстить о сдѣланной мною находкѣ, въ семьѣ помѣщицы Курисъ, близъ Одессы, неизданныхъ двадцать Суворовскихъ бумагъ. (Курисъ—предокъ, былъ секретаремъ при Суворовѣ). Въ числѣ ихъ есть неизвѣстная ода Кострова и нѣсколько писемъ другихъ особъ къ Суворову (Платона Зубова, напримѣръ) кромѣ собственныхъ писемъ, замѣтокъ дневныхъ и стиховъ самого Суворова. Списавши письма и всѣ клочки бумагъ, я снабдилъ ихъ справками печатными и воспоминаніями семьи Курисъ, и получилъ право на изданіе бумагъ. Статья, по обѣщанію моему Каткову, послана безъ имени моего въ «Русскій Вѣстникъ». Указываю вамъ на нее, какъ на свидѣтельство моихъ скромныхъ, посильныхъ заботъ о розысканіяхъ историко-литературныхъ, сверхъ даннаго мнѣ порученія. Въ этомъ во всемъ я обязанъ сѣменамъ, брошеннымъ вами въ душу того поколѣнія, которое толпилось вкругъ вашей каѳедры въ университетѣ. И потому, не переставая вѣчно благодарить васъ, моего наставника, я, какъ гражданинъ литературнаго молодаго нашего общества, не перестаю благодарить васъ и моего путеводителя по литературному пути, гдѣ болѣе и болѣе спадаетъ съ меня кора ветхости и непрочности, для болѣе зрѣлаго и прочнаго дѣла жизни. Пишу со станціи, при звукахъ пѣсенъ украинскихъ, при заходящемъ солнцѣ и обычной картинѣ нашего вечера: табунъ бѣжитъ съ поля, поднимая пыль, къ рѣкѣ, стадо идетъ по толокѣ, гуси летятъ съ молодыхъ гречихъ и просъ, и статныя дѣвки, всѣ заквѝчанныя маками и барвинкомъ, идутъ, неся грабли, съ покосовъ...

Не поминайте насъ лихомъ!

Гдѣ-то вы живете на дачѣ и что вашъ маленькій козакъ? И есть-ли у васъ такіе вареники съ вишнями свѣжими, какіе я ѣмъ каждый день?

5.

28-го сентября 1856 г.

Не заставши васъ дома, имѣю честь обратиться съ покорнѣйшею просьбою объ оказаніи вашего вниманія моей статьѣ «Суворовскія бумаги», о которой я писалъ вамъ лѣтомъ и которую теперь взялъ у меня г. Галанинъ. Она теперь у васъ. Не будучи велика, гораздо меньше моей статьи «Полтавская старина»—она можетъ быть скоро напечатана, и я крайне желалъ бы увидѣть ее въ этой книжкѣ, при появленіи моего отчета, по совершенной командировкѣ, и въ «Морскомъ Сборникѣ».

Щербину порченнаго и заболѣвшаго я отвезъ четыре дня назадъ въ Петропавловскую больницу. Онъ вамъ очень кланяется.

6.

22-го іюля 1868 г. Харьковъ.

Не знаю, кто и какого рода отзывъ дадутъ о моей книгѣ «Украинская Старина» въ коммиссіи по уваровскимъ преміямъ. Сентябрь близокъ. Вы, мой дорогой и незабвенный учитель, были такъ добры, что предложили мнѣ послать это изданіе на премію и въ прошлую зиму принимали въ немъ участіе. Поэтому, спѣшу вамъ сообщить для передачи г.г. судьямъ, которые по отзыву эксперта должны постановить рѣшеніе о моей книгѣ, что я, несмотря на занятія мои по званіямъ члена Харьковской губернской земской управы и почетнаго мироваго судьи приготовляю къ выпуску 2-й томъ этой Старины, для чего и нужна мнѣ сумма преміи, такъ какъ издатели 1-го выпуска, здѣшніе богатые студенты Любарскій и Заленскій, сошли со сцены.

Во 2-й выпускъ, въ случаѣ полученія преміи, войдутъ: 1) «Петръ Первый на Донцѣ», разсказъ изъ семейной хроники 1709 г.; 2) «Первые поселенцы въ Харьковской губерніи изъ-за Днѣпра, по фамильнымъ бумагамъ помѣщиковъ XVIII вѣка»; 3) «Біографія поэта Гулака-Артемовскаго» (въ pendant къ напечатаннымъ въ 1-мъ выпускѣ Сковороды, Квитки и Каразина); 4) Нѣсколько любопытныхъ актовъ изъ здѣшняго губернскаго архива, въ родѣ сообщеннаго мною и напечатаннаго на-дняхъ у Бартенева въ его «XVIII вѣкѣ» (сборники)—акта «Въѣздъ Екатерины II въ Харьковъ» и пр. и пр.

На ваше сочувствіе я всегда разсчитывалъ. Но я боюсь за Пекарскаго, который никогда не любилъ меня вмѣстѣ съ былой К° «Современника». Не знаю, кто другіе члены коммиссіи. Если тамъ Устряловъ, со-

общите ему это мое письмо. Я также былъ однимъ изъ любимыхъ его учениковъ.

Къ Срезневскому и Сухомлинову, какъ людямъ, лучше другихъ имѣющимъ возможность оцѣнить мой трудъ, я пишу о 2-мъ выпускѣ. Но не знаю, кто другіе, могущіе быть въ коммиссіи судьями по уваровскимъ преміямъ.

Если бы вы, Александръ Васильевичъ, захотѣли вспомнить меня, среди и другихъ моихъ занятій (въ томъ числѣ по сооруженію Азовской линіи), я бы васъ просилъ сообщить мнѣ: что готовится къ 8-му февраля 1869 г. для юбилея С.-Петербургскаго университета и къ кому адресоваться? Я бы что-либо приготовилъ и прислалъ бы къ этому дню.

Казимірѣ Казиміровнѣ и дочерямъ вашимъ прошу передать мое почтеніе.

Вашъ глубоко-уважающій и любящій ученикъ и слуга Г. Данилевскій.

Прошу передать мое сердечное уваженіе А. С. Норову.

7.

1-го іюня 1873 г.

Посылаю вамъ, многоуважаемый Александръ Васильевичъ, первую часть моего романа. Если она вами начнется и прочтется легко—это будетъ единственнымъ предметомъ для моей рѣшимости—поднести вамъ на прочтеніе продолженіе. Иначе—такъ вы и не узнаете—ни судьбы моего героя, ни судьбы героини и второстепенныхъ лицъ. Я всячески старался, чтобы рукопись была переписана четче; но все-таки въ нее кое-гдѣ вползли потомъ менѣе четкія поправки.

Въ пятницу зайду узнать, черезъ недѣлю,—начато-ли чтеніе? А если начата эта часть и прочтена,—я въ субботу же доставлю вторую. Меня бомбардируютъ изъ Москвы, прося присылки этого романа. Но, хотя тамъ въ немъ и нуждаются, пока я не узнаю о немъ вашего мнѣнія и не увижу на поляхъ вашихъ дорогихъ замѣтокъ карандашемъ, я туда этой рукописи не пошлю.

Въ Академію 31-го я вамъ приносилъ и письма редакторовъ «Русскаго Вѣстника» и «Бесѣды»; но вы были послѣ вашей рѣчи заняты съ другими.

8.

17-го февраля 1874 г.

Разсказъ только-что принесли изъ переписки. Какъ видите, многоуважаемый Александръ Васильевичъ, я постарался переписать его осо-

бенно хорошо, жалѣя глаза ваши или И. А. Гончарова,—кому изъ васъ прійдется его читать и о немъ докладывать комитету редакціи(?).

А. А. Краевскій письмомъ назначилъ мнѣ срокъ для доставленія разсказа—20-е февраля. Я его доставляю вамъ 17-го, т. е. тремя днями ранѣе. Не можете-ли вы мнѣ за это сдѣлать еще одну уступку,—въ случаѣ принятія разсказа,—дать мнѣ его на день для того, чтобъ еще надъ нимъ поработать. Онъ написанъ на-скоро, и я едва успѣлъ его прочесть въ копіи набѣло.

III.

Письма Ѳ. Чижова—А. В. Никитенко.

1.

7-го февраля 1843 г. Римъ.

Долго шло письмо ваше, мой добрый другъ, Александръ Васильевичъ, но, наконецъ, слава Богу, сегодня, только сейчасъ я получилъ его. Благодарю и васъ и Казимиру Казимировну за сохраненіе ко мнѣ старой дружбы, простите, глупая благодарность, я въ этомъ и не могъ сомнѣваться; но, привыкши быть вблизи моихъ друзей, невольно сгрустнулъ, когда нѣтъ ни отъ кого ни полслова. Не понимаю, что̀ сдѣлалось съ Полѣновымъ, хотя и увѣренъ, что молчаніе его никакъ не происходитъ отъ невнимательности. Увидѣвъ его, скажите ему это—ну, да и будетъ.

Письмо ваше тронуло другія струны, не знаю, оно какъ-то зашевелило въ сердцѣ, а движеніе этого сквернаго сосудика мнѣ всегда достается дорого, скверный сосудикъ, самый скверный; пожалуй, въ немъ есть много и хорошаго, въ моемъ сердцѣ, какъ и въ каждомъ,—но это хорошее такъ смѣшано, такъ сбито съ гадостями, что не знаешь, какъ и что выйдетъ, когда все уляжется на своемъ мѣстѣ. Съ нѣкотораго времени всѣ мои виды, все мое вниманіе устремилось на практическую работу надъ самимъ собою,—вотъ вамъ отвѣтъ на вопросы, что̀ дѣлается внутри меня. Болѣе нежели уединенная жизнь, жизнь отшельника, строгость, доходящая до педантически смѣшнаго (когда она не выходитъ изъ убѣжденія), стараніе, большею частью тщетное, не переносить эту глупую строгость въ сужденія и даетъ ей мѣсто, только въ работѣ надъ самимъ собою; однимъ словомъ, иноческая жизнь со всѣми ея мерзостями внутренними—вотъ вполнѣ теперешняя жизнь моя. Можетъ быть, вы будете бранить ее, я и самъ браню; но что же дѣлать, когда она одна даетъ мнѣ и пріютъ и нѣкоторое спокойствіе. Внѣшняя жизнь моя, то-есть мои планы поневолѣ соединились съ этимъ

*

отшельничествомъ, много тутъ работали и обстоятельства. Бросивъ меня въ пучину жизни, навязавъ на меня тысячу и условныхъ, и неусловныхъ обязанностей, проклятыя обстоятельства отняли много силы, не отняли ничего отъ демоническаго самолюбія. Такъ было во мнѣ, или не такъ, я не знаю; но только, подъ вліяніемъ такого внутренняго хода, я составилъ планъ моей жизни, или, вѣрнѣе, планъ трудовъ моихъ, о которомъ до сихъ поръ не говорилъ, потому что боялся высказать. Ради Бога, забросьте въ него вашу думу подъ свободный часъ, согрѣйте эту думу любовью ко мнѣ и напишите, что̀ изъ этого выйдетъ. Вы говорите мнѣ, чѣмъ я займусь и какъ я займусь, говорите, что для занятія философіею какъ наукою не нужно было бы таскаться за моря. Пожалуй и такъ, но это ко мнѣ нейдетъ, я не въ состояніи заниматься философіею какъ наукою, тутъ нуженъ талантъ самостоятельный, нужно можетъ быть кое-что и болѣе личнаго таланта, именно потребность общества, чего, по моему мнѣнію, въ насъ еще не образовалось. Я люблю философію съ другой стороны, люблю ее какъ явленіе жизни, и въ этомъ отношеніи она влечетъ меня къ себѣ сильно. Въ философіи не философія занимаетъ меня, а человѣкъ, тотъ, другой, третій, все-равно, будетъ-ли это одинъ человѣкъ, высказавшійся въ системѣ, народъ въ ряду системъ, или все человѣчество во всемъ томъ, что̀ мы называемъ философіею. Вотъ какъ она меня завлекаетъ. Изъ этого вы видите, что она тутъ второстепенное лицо, первое—жизнь, скажите и мнѣ сами, если разъ я увлекся этимъ, можно все же остановить себя и сказать: ну, хорошо, и изучай философію, какъ явленіе жизни ума человѣческаго, этого на твой вѣкъ и будетъ. Человѣчество жило не однимъ умомъ, другія стороны жизни его еще заманчивѣе, и что̀ умъ, когда нѣтъ сердца! Жизнь одного ума и холодна и непонятна, какъ хотите, а надобно познакомиться и съ жизнью сердца. Вотъ и другое занятіе,—исторія искусствъ, какъ прямыхъ и законныхъ дѣтей сердца человѣческаго. Это двѣ главныя вѣтви, конечные цвѣта радуги, но сколько же тутъ пойдетъ переходовъ, какъ начнешь въ нихъ вглядываться, хочешь не хочешь, а невольно зайдешь въ третію область, жизнь воли, то-есть въ исторію всякаго рода человѣческихъ дѣяній.

Вижу, Александръ Васильевичъ, что вы очень и очень непріязненно смотрите на то, какъ завладѣла мною бѣсовская самонадѣянность, умоляю васъ, ради Бога, будьте снисходительнѣе. Положа руку на сердце, говорю вамъ, что если все это вышло изъ гордости человѣческой, то только по неумѣнію возобладать надъ собою. За то я самъ буду и жертвою. Съ трепетомъ и какимъ душевнымъ трепетомъ передалъ я вамъ мои глупые планы, а вмѣстѣ и съ какимъ-то довольствомъ: если я избралъ алтарь моего служенія, если мой выборъ предписанъ мнѣ моимъ убѣжденіемъ, зачѣмъ мнѣ приносить жертву въ катакомбахъ?

Нитью моего странствованія по лабиринту жизни выбралъ я искусство, то-есть жизнь сердца, во-первыхъ, въ немъ все яснѣе высказывается, потому менѣе подчиняется обстоятельствамъ, во-вторыхъ, сами люди въ немъ благороднѣе. Но искусство будетъ для меня только руководителемъ.

Какъ первую попытку, думаю я, по окончаніи первой моей поѣздки за границу, представить мою Венецію, въ ней я думаю изобразить тотъ періодъ человѣческой жизни, о которомъ люди забыли, почему, Богъ знаетъ, именно переходъ отъ жизни чувства средней исторіи къ жизни ума, анализа, явившагося въ новой исторіи. Боюсь я за одно, и боюсь сильно,—за недостатокъ таланта въ изображеніи жизни, онъ можетъ мнѣ сильно помѣшать при исполненіи. Но попробую: не пойдетъ, выберу другой путь исполненія. По теперешнимъ предположеніямъ, я хочу изъ каждаго періода венеціанской жизни взять одно происшествіе и въ немъ въ формѣ разсказа, повѣсти, изобразить ея сущность и пружины, явно или тайно двигавшія ее на пути ея естественнаго развитія. Въ концѣ я передамъ ходъ венеціанской школы искусства и въ этомъ ходѣ постараюсь представить значеніе венеціанской исторіи. Съ этимъ намѣреніемъ теперь я сильно и очень сильно работаю надъ изученіемъ всѣхъ сторонъ венеціанской жизни. Даже если мнѣ и не удастся исполненіе, и тогда пріобрѣтеніе итальянскаго языка и полное изученіе народа, пропущеннаго въ новой европейской исторической литературѣ, окупятъ мнѣ мои занятія. Еще одно, въ настоящей моей жизни я нахожу бездну наслажденій, и это что-нибудь да значитъ. День мой съ 6-ти часовъ утра до 11-ти вечера, за исключеніемъ четырехъ или пяти часовъ для обѣда, для свиданія съ Языковымъ (больнымъ нашимъ поэтомъ) и Гоголемъ, для прогулки по галлереямъ и мастерскимъ художниковъ, весь остальной день отданъ Венеціи или вообще изученію Италіи. Думаю, что, изучивши ее, я превозмогу большую и весьма большую трудность, потому что эта страна была колыбелью всей новой образованности. Нѣсколько получасовъ посвящаю матеріальнымъ работамъ, то-есть для насущнаго хлѣба; теперь оканчиваю подробный разборъ итальянской книги, вышедшей подъ именемъ политической экономіи среднихъ вѣковъ, то-есть собственно картины средневѣковой Италіи, я думаю, для «Журнала министерства народнаго просвѣщенія». Гебгардту бью челомъ, да испроситъ мнѣ милости у близкаго ему редактора и всего болѣе платы. Александръ Васильевичъ, если можно, отбросьте лѣнь на эту минуту и отвѣчайте мнѣ, не откладывая,—по сущности письма моего вы видите, что отвѣтъ важенъ.

Весною я поѣду изъ Рима, прогулявшись по берегу Адріатики, то-есть осмотрѣвъ многое замѣчательное, пущусь въ Венецію, и если ничто

не отвлечетъ на сѣверъ, тамъ останусь мѣсяца на три, потомъ къ осени опять въ Римъ. Письма ко мнѣ лучше было бы писать прямо, иначе ихъ я и чрезъ годъ не дождусь. Адресъ самый вѣрный: «à monsieur Tchijoff, antico café greco, à Rome». Гдѣ бы я ни былъ, мнѣ они непремѣнно будутъ переданы.

Здоровье мое идетъ порядочно, особенно нынѣшнею зимою. Зима у насъ была такова, что я не топилъ ни разу мою комнату, большею частію ее грѣло солнце. 31-го января и 1-го февраля жарко было ходить въ одномъ лѣтнемъ сюртукѣ, за то теперь больше недѣли такіе дожди, что это ужасъ. Съ утра до вечера льетъ, льетъ безъ перемежки. Тибръ три дня какъ уже выступилъ изъ береговъ; по нѣкоторымъ улицамъ, къ нему прилежащимъ, ѣздятъ на лодкахъ. Если еще такъ будетъ дня четыре, плохо будетъ для транстеверинцевъ, и теперь правительство принуждено ихъ кормить; но народъ сильно недоволенъ. Даютъ всего по фунту хлѣба, и римляне кричатъ вездѣ, что все пожираетъ поповское правленіе. Сегодня я пошелъ было посмотрѣть на разлитіе воды, да дождь не пустилъ. Сейчасъ иду и, что увижу, припишу.

Все кончилось, Тибръ понизился аршина на полтора. Вотъ вамъ наши новости. Вы не можете себѣ представить тишины нашей жизни; теперь еще иностранцы много прибавляютъ шуму, а безъ нихъ такая патріархальность, какой нигдѣ не найдешь кромѣ Рима.

По утрамъ, напримѣръ, я въ халатѣ, то-есть шубкѣ, только подъ шинелью, хожу въ кофейню, тамъ встрѣчаемся съ художниками, и это нисколько не странно. Въ трактирахъ лакеи шумятъ, балагурятъ, и все это съ такою чинностію. Позвольте вы шутку нѣмецкому или французскому лакею, онъ непремѣнно нагрубитъ, итальянецъ, какъ старый камердинеръ, онъ и сядетъ разсчитываясь и назоветъ васъ Александрушко, Alexandrino и при всемъ этомъ вѣжливъ и предупредителенъ. Чтобъ видѣть вполнѣ состарившійся народъ, чтобъ получить объ этомъ понятіе, непремѣнно надобно быть въ Италіи. Все обрисовываетъ старость, начиная отъ любимой итальянцами шахматной игры до ихъ растабарыванія въ кофейняхъ, отъ ихъ литературы, въ области изящнаго вертящейся или на самыхъ истертыхъ истинахъ, или на самомъ подробномъ разсказѣ о старинѣ, до всего рѣшительно, вездѣ все одно и то же. Особенно это видно въ ходѣ дѣлъ; повѣрьте, что большая половина проволочекъ зависитъ не отъ мошенничества, какъ у насъ, а отъ какого-то оцѣпенѣнія; все это дряхло, все валится. Но Богъ съ нею, какъ бы ни было, а Италія чудо какъ хороша, и, побывавъ разъ, трудно разстаться съ мыслію, что больше ея не увидишь. Пріѣзжайте, Александръ Васильевичъ, пока я здѣсь; гдѣ я васъ встрѣчу, какъ хозяинъ, это въ Венеціи. Душка Ве-

нція, сказала бы институтка, именно, душка Венеція. Такъ мила, такъ обворожительна, такъ прекрасна и теперь, что я всегда съ грустію изъ нея выѣзжаю. Я тамъ нанималъ квартиру у одного венеціанца, очень хорошую комнату за 75 копѣекъ въ день съ постельнымъ бѣльемъ и прислугою. Кто же мнѣ прислуживалъ? Воду приносила или жена его, 32 лѣтъ венеціанка, типъ венеціанской красоты, или миленькая ея племянница 15-ти-лѣтняя Эйя, какое имя! Прощаясь, хозяйка поцѣловала меня, мужъ ея называлъ меня братомъ и велѣлъ племянницѣ поцѣловать меня; такую доброту можно найти только въ Венеціи и развѣ у насъ. У насъ ея много, очень много! Вы пишете, что у насъ сильно бранятъ Европу; это очень понятно. Съ понятіемъ объ европейской образованности мы невольно соединяемъ педантскій академизмъ, которымъ она высказывается, когда является въ докторской мантіи, и какъ хотите, народу молодому съ свѣжими силами нельзя сносить этой устарѣлости. Истинная же образованность, вошедшая въ кровь, такъ тиха, такъ скромна, что ее никто и не замѣчаетъ, а если и замѣчаетъ, приписываетъ ее людямъ, а не Европѣ и не слѣдствію образованности. Впрочемъ, еще одно: если начали бранить, слава Богу, начали чувствовать свои силы. Какъ хотите, по мнѣ брань самая безсмысленная лучше безусловной покорности. Я имѣю право это говорить, потому что тамъ, гдѣ случается говорить публично, вездѣ тѣми слабыми силами, какія даны мнѣ, стою за образованность. Едва есть мѣсто отъ души обнять васъ.

Вашъ Чижовъ.

Я уже и не пишу объ нашихъ; всѣмъ поклонъ, Гебгардту и Петросиму въ особенности. Отъ Полѣнова подожду, подожду, да накажу его пріятельскимъ письмомъ. Еще разъ земной поклонъ Казимирѣ Казимировнѣ за память обо мнѣ. Есть важное дѣло написать къ Michel Куторгѣ, да все собираюсь. Потрудитесь пока сказать ему, а я напишу послѣ и даже скоро, но все лучше сказать хоть коротенько: бывши въ Брюсселѣ, онъ получилъ отъ Кетле (Quetelet) что-то для передачи университету, который не отозвался ничѣмъ на вѣжливость брюссельскаго ученаго. Теперь Кетле не знаетъ, отдано-ли университету или нѣтъ?

2.

9-го сентября 1844 г. Венеція.

Давно хотѣлось мнѣ писать къ вамъ, но не писалось, а много было на душѣ, много диктовалось сердцемъ, привыкшимъ любить васъ. Сегодня письмо Гебгардта воскресило во мнѣ все: оно посадило меня между вами въ Итальянской; я не умѣю иначе представить нашей бесѣды,

хотя вы и давно оставили Итальянскую. Кругомъ меня душно отъ жару, что я люблю до безумія; отъ солнца окна закрыты ставнями, но во мнѣ не угомонивается чувство, всколышенное милымъ письмомъ Гебгардта; я къ Джульетѣ, нѣтъ Джульеты; мало въ эту минуту,—я заставилъ ее пѣть и между тѣмъ пишу къ вамъ, мой добрый другъ, Александръ Васильевичъ. Какъ много доставило мнѣ радости извѣстіе, первый разъ принесенное бѣгло Порошинымъ, второй разъ переданное Гебгардтомъ о томъ, что вы трудитесь надъ исторіей русской литературы. Наше время, время трудовъ историческихъ, это разъ; старое, мое личное убѣжденіе, время самостоятельныхъ трудовъ для славянскаго ума; но объ этомъ послѣ, для этого будутъ наши вечера на будущій годъ,—не думаю, чтобъ это убѣжденіе нашло себѣ враговъ въ славянахъ нашихъ, когда подъ его защитою я такъ братски жалъ руку и на Адріатическомъ морѣ простому черногорцу, и въ Истріи—бѣдному поселянину, и въ Парижѣ—профессору въ Collège de France. Оно дало мнѣ сотни братьевъ, братьевъ юныхъ душою, крѣпкихъ тѣломъ, полныхъ вѣры и смиренія сердечнаго, оно представило мнѣ въ лучшемъ свѣтѣ моихъ законныхъ родныхъ братьевъ и еще больше побратало меня съ вами, моимъ стариннымъ братомъ по душѣ. У васъ—исторія литературы, у Вронченки—переводъ Фауста,—даже и въ Парижѣ отъ этихъ извѣстій я не могъ бы не быть веселымъ. Даже и въ Парижѣ,—простите мнѣ это выраженіе,—я могу уважать Парижъ, думаю объ немъ, сознаюсь, что нельзя не любить его, но онъ нейдетъ въ сердце. Это вѣчный балъ жизни, а я съ дѣтства привыкъ больше къ тихой бесѣдѣ, на балѣ мнѣ скучно и душно. Настоящее парижское движеніе—рѣшительно бальная суматоха, все движется, умъ, сердце, все въ ходу, все занято рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ человѣчества, но Богъ знаетъ почему, о всемъ толкуютъ, не рѣшая, хотя и толки есть своего рода дѣло. Но какъ Парижъ является не тѣмъ, чѣмъ думаешь найти его, и какъ онъ перемѣнился въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ можно было ясно его видѣть, и не бывши въ немъ. Но Богъ съ нимъ, Парижемъ; вы объ немъ много услышите отъ его жаркаго защитника, нашего милаго, добраго Виктора Степановича. Онъ первый принесъ мнѣ живыя вѣсти о васъ и о другихъ, многихъ порадовалъ, однимъ сильно опечалилъ, это вашею разладицею съ Полѣновымъ. Гебгардтъ двумя, тремя строками пояснилъ дѣло,—но развѣ ничего не значитъ десятилѣтіе, больше, двѣнадцатилѣтіе? его во всей жизни врядъ-ли удастся встрѣтить два раза и то второй разъ оно уже начнется слишкомъ поздно, такъ что ходъ жизни успѣетъ ослабить чувства. Да, двѣнадцатилѣтіе должно было бы сковать колечко терпимости, но не принимайте этого за упрекъ: я люблю васъ и тоже сильно люблю Полѣнова; вотъ причина, почему говорю вамъ такъ, впрочемъ, мнѣ нечего и извиняться. Вы жили едва-ли

(и даже не едва-ли) не больше меня, не лѣтами, а внутреннею жизнію, а потому вамъ нечего говорить о цѣнѣ чувствъ, сколько бы у нихъ ни отнимали этой цѣны наши личные недостатки.

Въ нынѣшнюю поѣздку мою на сѣверъ, я былъ у Печерина, провелъ день тихо, спокойно и ладно. Онъ сблизился съ своимъ бытіемъ; въ сближеніи его я больше вижу, что онъ нашелъ пріютъ огромному самолюбію, нежели точно покорился сердцемъ и умомъ религіи. Религія для него пристань, а разъ ее нашедши, нашедши послѣ долгихъ бѣдствій и терзаній, съ нею уже трудно разстаться, тѣмъ больше, что точно это пристань самая вѣрная и истинно успокоивающая, а не только дающая пріютъ тѣмъ, кто входитъ въ нее съ полною покорностью сердца. Жаль мнѣ, что у Печерина почти не осталось воспоминаній о прошедшей жизни сердца, но винить его не смѣю, можетъ быть, ни съ его стороны, ни съ нашей, не было никакого истинно сердечнаго соединенія, все было, можетъ быть, условное, все и уничтожилось съ оставленіемъ условій. Нашъ разговоръ ограничивался тѣмъ, что̀ наиболѣе занимало насъ обоихъ, именно религіею и ея формами, съ полнымъ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ, налагаемыхъ образованностію, и съ полнымъ спокойствіемъ, купленнымъ цѣною истиннаго убѣжденія; я сказалъ ему и его собратамъ, что мы теперь не о томъ должны заботиться, чтобъ соединиться богослуженіемъ, а о томъ, чтобъ быть братьями внутри насъ, тогда объяснится для насъ и различіе богослуженій, тогда откроется, быть можетъ, и необходимость его, то-есть необходимость историческая, потому что безусловнаго на землѣ нѣтъ, все подъ условіемъ времени и мѣста. Вотъ вамъ донесеніе о Печеринѣ; мало, но только и было, больше сказать нечего. Въ Парижѣ я встрѣтилъ еще нашего переселенца, позабылъ фамилію, онъ еще писалъ философскія статьи; но Печеринъ вамъ скажетъ о немъ. По мнѣ: молодо, зелено, а выстоится хорошо, да не окиснетъ, будетъ вино славное.

Не полѣнитесь разъ написать мнѣ въ Римъ, когда вздумаете, увѣдомьте о вашемъ семействѣ, о Казимирѣ Казимировнѣ, которой низко, пренизко кланяюсь. Еще около года я остаюсь за границею,—зачѣмъ? чтобы напиться Италіи до-пьяна. Чудное питье, чудное питье, какого я никогда не воображалъ найти на землѣ; вотъ четвертый разъ я въѣзжаю въ нее и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ бо̀льшимъ наслажденіемъ, не знаю чѣмъ это кончится. Въ теперешній пріѣздъ мой, она приняла меня съ полною любовію; выслала мнѣ навстрѣчу миленькую 22-хъ-лѣтнюю итальяночку съ соловьинымъ голосомъ—она была моею спутницею до Монако и до Бергамо. Это первая пѣвица Лиссабонскаго театра; но душа ея еще чище ея голоса. Богъ ей далъ все, немножечко еще прибавить къ ея монастырскому воспитанію, и дѣло кончено. Въ письмѣ

я руководствую ея итальянскимъ и французскимъ чтеніемъ, она пишетъ мнѣ свои сужденія: взглядъ итальянки, воспитанной во всей сельской патріархальности, я не дамъ за него десяти озанановъ, которые такъ напыщенно читаютъ о Данте на парижской каѳедрѣ, между тѣмъ, какъ она просто, чистымъ сердцемъ понимаетъ поэтовъ благословенной своей родины.

Порошинъ оправдаетъ меня въ глазахъ вашихъ за занятія Венеціею, за которую, какъ я слышалъ отъ Галагана, меня побранивали: онъ не умѣлъ меня оправдать ничѣмъ, кромѣ денегъ, ну, онъ молодъ, а деньги тутъ не участвуютъ. Для насущнаго хлѣба, я перевелъ жизнь Бенвенуто Челлини, простаго мужика, золотыхъ дѣлъ мастера, жившаго въ началѣ и половинѣ XVI столѣтія; онъ пишетъ обо всемъ спроста и такъ знакомитъ съ исторіею того времени, съ вседневною уличною и домашнею жизнью, какъ не узнаешь ее ни откуда. Можетъ быть, переведу еще записки Альфіери. Еще я началъ писать рядъ путевыхъ писемъ, въ которыхъ у меня помѣстится почти вся Италія. Не многіе, особенно изъ нашихъ, заглядывали съ такимъ вниманіемъ и съ такою любовію, какъ я, во всѣ уголки, во всѣ закоулки этой обворожительной страны; еще я проживу въ ней мѣсяцевъ восемь, пользуясь всѣмъ, что было писано, а всего болѣе собственнымъ взглядомъ, передамъ ее всю, можетъ быть, найдутся читатели. Сѣверная и средняя Италія дадутъ мнѣ историческій ходъ живописи, средняя и южная — скульптуры и архитектуры, особенно Сицилія, гдѣ я проживу около двухъ мѣсяцевъ. Что будетъ, то и будетъ: скажете, что идетъ, напечатается; скажете—плохо, сильно плохо, пойдетъ на домашнее употребленіе.

Для Венеціи готовятся у меня матеріалы, и въ Парижѣ мнѣ удалось найти много любопытнаго, между прочимъ одну небольшую рукопись конца XVI вѣка; я ее списалъ и здѣсь на-дняхъ помѣщаю, съ небольшимъ предисловіемъ, въ одномъ венеціанскомъ журналѣ. Это описаніе праздниковъ, которые Венеція, но старая Венеція, давала Генриху III-му, когда онъ ѣхалъ на престолъ французскій. Замѣчательно то, что описывается простой веронезецъ, пріѣхавшій посмотрѣть на праздники, пишетъ безъ притязаній на плохомъ венеціанскомъ языкѣ, но подробно и потому занимательно. Вотъ вамъ полное донесеніе о себѣ; за все это имѣю полное право требовать отъ васъ письма о всѣхъ и вся.

Пожалуйста поклонитесь нашимъ: Куторгамъ, Сорокину, Делю-Петросиму [1]) напишу изъ Рима; онъ, бездѣльникъ, лѣнивъ, да и занятъ сильно. Я пока эти дни безъ работы, потому что оставилъ все платье

[1]) Докторъ Петръ Петровичъ Эвенгофъ.

въ Тріестѣ и не могу выйти ни въ библіотеку, ни къ тѣмъ, съ кѣмъ надобно было бы посовѣтоваться. Я писалъ къ Гебгардту, какой праздникъ устроился у нашихъ собратьевъ въ Истріи; оттуда я возвратился третьяго дня, и дотого надоѣли мнѣ непріятности съ австрійскимъ чиновникомъ, къ тому же теперь въ Тріестѣ ужасъ какъ дорого, потому что тамъ императоръ; все это заставило меня изъ Ровиньи, то-есть съ русскаго берега Истріи, пуститься въ Венецію на баркѣ съ четырьмя моряками. Тутъ 150 верстъ разстоянія по морю; но мы пріѣхали безъ всякихъ особыхъ приключеній, только море продержало насъ два дня. Чтобы вамъ прогуляться по Европѣ?—повѣрите-ли, что самыя непріятности и опасности имѣютъ бездну прелести. Въ Европѣ опасности нѣтъ, но по этимъ странамъ надобно имѣть бездну терпѣнія, чтобъ путешествовать съ черепашными австрійскими дилижансами, тогда только избѣжишь ихъ. Я сдѣлалъ эту поѣздку верхомъ и на баркахъ. Прощайте, обнимаю васъ.

Вашъ Чижовъ.

Я позабылъ отвѣтить Гебгардту, что съ Гоголемъ и Языковымъ мы прожили цѣлую зиму въ Римѣ, въ одномъ домѣ, всякій день проводили вмѣстѣ вечера. Гоголь не гордъ, а имѣетъ своего рода оригинальность въ жизни,—это его дѣло; теперь онъ постоянно живетъ во Франкфуртѣ, а временно поѣхалъ въ Остенде, пользоваться водами. Надняхъ я буду отвѣчать ему на его письмо. Въ Франкфуртѣ тоже и Жуковскій, но мнѣ нельзя было нынѣшняго года съѣздить туда, было далеко и не время, торопился въ Италію.

Потрудитесь сказать Прейсу, что въ Перейскую церковь прислано множество вещей и что перейцы и священникъ ему кланяются; они помнятъ ихъ съ Срезневскимъ, да тутъ же Прейсу и мой поклонъ.

3.

31-го декабря 1849 г. Кіевъ.

Трудно какъ-то писать безъ дѣла, и потому я радъ дѣлу, чтобъ хоть по этому случаю побесѣдовать съ вами. Начну съ дѣла: теперь у васъ одинъ изъ нашихъ кіевскихъ профессоровъ, Селинъ, держитъ экзаменъ на доктора. Вы его знаете, слѣдовательно, мнѣ нечего просить за него; но дѣло въ томъ, что онъ часто ходитъ по небу и пропускаетъ необходимое на землѣ, этого-то я и боялся. Между тѣмъ, чтобъ обрисовать его вамъ, я скажу одно, что въ Кіевѣ это одинъ изъ немногихъ представителей чистоты и благородства, потому что къ несчастію у многихъ, особенно по словесному факультету, рыльцо въ пушку. Сказавши это, я считаю просьбу мою высказанною вполнѣ и

даже не сомнѣваюсь, что вы съ своей стороны поможете ему и сами, и вашимъ вліяніемъ. Побаиваюсь я немного нашего милаго, но часто щепетильнаго Михаила Семеновича Куторги,—при свиданіи замолвите у него за Селина и сами, и отъ меня.

Дѣлу конецъ—теперь къ бездѣлію.

Съ тѣхъ поръ какъ я съ вами разстался и до сего времени, я все хлопочу о моемъ шелковичномъ предпріятіи; оно ввело меня въ сношеніе съ крестьянскимъ бытомъ здѣшней околицы и въ такую простоту жизни, о которой я когда-то мечталъ, но что̀ не считалъ возможнымъ. Тишина и простота новыхъ занятій, я надѣюсь, введетъ тишину и въ душу, а въ ней сильный недостатокъ. Особенно былъ сильнѣйшій недостатокъ въ то время, когда я съ вами былъ въ Петербургѣ. Сколько разъ хотѣлось мнѣ просто, по-старинному, по-братски провести вечерокъ съ вами, съ Петросимомъ [1]) и съ Гебгардтомъ,—но въ душѣ не было силъ обратиться къ прошедшему. Между нимъ и настоящимъ всталъ гробъ, который унесъ съ собою живую часть души и, что̀, бывало, ни затронетъ душу, все въ ней отзывается одною смертію. Время уложило все, снова начинаешь оживать, хоть и чувствуешь, что живешь половинно. Въ это время дѣятельность тихая, безмятежная, жизнь посреди природы, вдали отъ всѣхъ общественныхъ отношеній,—самое лучшее цѣлительное средство. Я поселяюсь въ 50-ти верстахъ отъ Кіева, близъ Днѣпра, вдали отъ всего помѣщичьяго; кругомъ поля, сады и хаты,—подлѣ шелковичныя плантаціи. Между тѣмъ, пока еще дѣло мое не совсѣмъ рѣшено, я заготовляю матеріалы для изданія въ свѣтъ книги,—о различіи живописи отъ иконописи и теперь поднялъ изъ старины все знаніе латыни, читаю соборы и творенія отцовъ Церкви. Вотъ мое время. Въ замѣнъ моего отчета, передайте вы, чѣмъ вы занимаетесь, какъ поживаете, каково здоровье ваше и Казимиры Казимировны. Что толстякъ Гебгардтъ? Нажилъ-ли онъ, наконецъ, милліонъ и пересталъ-ли быть скупердяемъ? Что Ѳединька [2]), рисуетъ глазки съ Викторомъ Ивановичемъ [3]), или же перешелъ къ носикамъ. Ѳединька всегда меня переноситъ къ геологическому состоянію, потому что самъ онъ олицетвореніе слоя, остановившагося въ первоначальномъ періодѣ своего развитія, онъ остановился на возрастѣ ученика и весь вѣкъ назначенъ быть ученикомъ или учителя гимнастики, или Виктора Ивановича... Петръ Петровичъ [4]) обитаетъ-ли все съ своими звѣрями: шпакомъ, обезьяною и Ѳедоромъ? Какъ бы мнѣ хотѣлось перетащить

---

[1]) Докторъ Эвенгофъ.
[2]) Младшій Гебгардтъ.
[3]) Барановскій.
[4]) Эвенгофъ.

его сюда, когда бы только двинулись дѣла мои. Откликнитесь, Александръ Васильевичъ, или попросите отъ меня Казимиру Казимировну извѣстить меня о себѣ и о васъ,—буду ждать вашихъ строкъ, обнимаю васъ товарищески и дружески.

Вашъ Ѳ. Чижовъ.

Вотъ хорошо, писалъ, писалъ и не поздравилъ ни васъ, ни Казимиры Казимировны съ новымъ годомъ; дайте же еще васъ обнять, у Казимиры Казимировны поцѣловать ручки и пожелать всего, чего можетъ желать искренняя дружба,—живите весело, веселье лучше всего. Carpe diem, лови день; что вырвано у времени, то и наше.

4.

9-го ноября 1864 г.

Наше время—время дѣла, суетъ, хлопотъ и разсчетовъ, по сему не будь дѣла, не напишешь ни полслова. Ну собрались-ли бы мы писать, вы—ко мнѣ, я—къ вамъ, если бы дѣло меня не толкнуло подъбокъ, и если бы васъ не заставила необходимость мнѣ отвѣтить. Дѣло мое слѣдующее: здѣшняя цензура, собраніе идіотовъ въ родѣ нашего давнишняго знакомаго Росковшенка и себя сберегающихъ Петровыхъ, не пропустила статьи моего молодаго пріятеля (Н. Б.) о Лжедимитріи, отданной имъ въ газету «День». Пропуститъ-ли верхняя цензура,—это въ рукѣ Божіей, которая въ подобныхъ случаяхъ является почти всегда его карающей шуйцей. Только, сдѣлайте милость, будьте такъ добры, толкните, чтобы высшая цензура не держала этого долго, ибо авторъ ждетъ здѣсь рѣшенія и не ѣдетъ въ деревню. Чтобъ напомнить вамъ о семъ, посылаю вамъ стараго Чижова въ фотографическомъ его фракѣ. Казимирѣ Казимировнѣ передайте дружеское пожатіе руки, а васъ позвольте обнять вашему старому Чижову.

Я теперь весь по уши въ желѣзныхъ дорогахъ и банкахъ, купеческихъ, разумѣется...

У насъ начинается Московскій купеческій банкъ.

5.

18-го ноября 1864 г.

Долгъ платежемъ красенъ; очень благодарю васъ за вашу карточку и за приписку отъ имени Казимиры Казимировны. Подлые годы уносятъ все, стираютъ живость чувствъ, о позывахъ страстей не оставляютъ и помину,—за то уничтожая все настоящее живое и кипучее, яснѣе и свѣтлѣе даютъ взглянуть на прошедшее.

Много прекраснаго бываетъ въ прошедшемъ у каждаго, не было недостатка въ такомъ прекрасномъ и у насъ съ вами, и теперь вашъ отзывъ и откликъ Казимиры Казимировны напомнили мнѣ четверостишіе нашего, для насъ покойнаго, а все-таки милаго и дорогаго Печерина:

Снова слышу: голосъ милый
Пѣснь привѣтную поетъ,
И какъ Лазарь изъ могилы
Тѣнь минувшаго встаетъ.

Желѣзныя дороги, топка, смазка, ремонтъ, поверстный разсчетъ и тому подобныя гадости обиходныхъ заботъ вмѣстѣ съ банками купеческими, съ учетомъ векселей, съ ссудами подъ товары и всѣми пакостями, которыя едва не доводятъ до осквернения человѣчества, производимаго Гебгардтскимъ старческимъ насиліемъ природы, все это какъ колесо, въ которомъ бѣгаетъ бѣлка съ утра до вечера, не изгладитъ прелести преданій. Во имя ихъ обнимаю васъ, позволяю себѣ просить прислать головку Казимиры Казимировны и посылаю вамъ мою образину.

Вашъ Ѳ. Чижовъ.

IV.

Письмо графа Дм. Толстаго—А. В. Никитенко.

15-го мая 1846 г. С.-Петербургъ.

Отъѣзжая за границу, я поручилъ пріятелю моему Александру Лукичу Жемчужникову получить отъ васъ находящееся у васъ мое сочиненіе: «Исторія финансовъ Россіи» и потому покорнѣйше прошу васъ, по отцензированіи его, вручить Г. Жемчужникову.

Съ чувствомъ искренняго почтенія имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою гр. Дм. Толстой.

V.

Письмо князя Александра Голицына—А. В. Никитенко.

7-го января 1837 г.

Сочиненіе ваше О творящей силѣ въ поэзіи вмѣстѣ съ письмомъ при ономъ, исполненнымъ признательныхъ чувствъ, я получилъ съ удовольствіемъ и благодарю васъ за сіе свидѣтельство вашей обо

мнѣ памяти. Мнѣ весьма пріятно видѣть успѣхи ваши на поприщѣ жизни, трудамъ и пользѣ посвященной. Всѣми счастливыми событіями, о коихъ говорите, вы обязаны собственному достоинству, опредѣляющему степень значимости каждаго въ кругу гражданскомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ всегда пребуду и проч.

В. А. Жуковскій и А. И. Тургеневъ въ 1812 и 1814 годахъ.

12-го августа 1812 года Жуковскій, какъ извѣстно, вступилъ, въ чинѣ поручика, въ ряды Московскаго ополченія. Послѣ Бородинской битвы, онъ, состоя при главной квартирѣ, дошелъ съ арміею до Вильны, гдѣ въ ноябрѣ занемогъ сильною горячкою. Друзья Жуковскаго, не получая о немъ никакихъ извѣстій, находились въ большой за него тревогѣ. А. И. Тургеневъ писалъ въ Вильну къ тамошнему почтъ-директору Андрею Ивановичу Бухарскому[1]) и къ виленскому римско-католическому епископу Іерониму Стройновскому[2]), прося ихъ сообщить ему какія-либо свѣдѣнія о Жуковскомъ, которому, черезъ Бухарскаго, Тургеневъ послалъ письмо и деньги. Ни Бухарскій, ни Стройновскій ничего не могли узнать о Жуковскомъ[3]). Въ то время, какъ Бухарскій писалъ нижепомѣщаемое отвѣтное письмо Тургеневу, Жуковскій находился уже на родинѣ, въ Бѣлевѣ, куда, оправившись нѣсколько отъ болѣзни, онъ прибылъ 6-го января 1813 года.

Вотъ письмо Бухарскаго къ Тургеневу[4]):

Вильно, 29 генваря 1813.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичь!

Я имѣлъ честь получить письмо ваше отъ 24 сего генваря съ почталіономъ Непорошневымъ. Могу увѣрить васъ, милостивый государь

[1]) Андрей Ивановичъ Бухарскій (р. 1767†1833), впослѣдствіи бывшій сенаторомъ, извѣстенъ также какъ переводчикъ и стихотворецъ (писалъ оды и комедіи).

[2]) Іеронимъ Стройновскій (р. 1752†1815) сперва былъ профессоромъ и ректоромъ Виленской академіи, затѣмъ членомъ Римско-католической коллегіи въ Петербургѣ, а съ 1808 г. виленскимъ епископомъ.

[3]) См. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, Москва. 1895, стр. 96—97; Остафьевскій Архивъ, т. I, Спб. 1899, стр. 13.

[4]) Подлинники какъ этого письма, такъ и помѣщаемаго ниже письма епископа Досиѳея къ А. И. Тургеневу, сохранились въ бумагахъ В. А. Жуковскаго.

мой, что я употребилъ всѣ старанія, какія только зависѣли отъ меня, чтобы отыскать здѣсь въ Вильнѣ родственника вашего Василія Андреевича Жуковскаго, и для меня весьма пріятно было бы оказать вамъ сію услугу и посредствомъ оной воспользоваться честію вашего знакомства. Но всѣ стараніи мои были тщетны, и мы не только не могли отыскать его здѣсь, но даже и узнать, не отправился-ли онъ куда-либо отсюда. Епископъ Стройновскій съ своей стороны отъискивалъ его столь же безуспѣшно. Итакъ не оставалось намъ ничего болѣе сдѣлать, какъ отправить присланное съ помянутымъ почталіономъ письмо и деньги обратно съ нимъ же.

Исполнивъ сіе, я поставляю долгомъ увѣрить васъ, милостивый государь мой, въ томъ, что я имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вашимъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою Андрей Бухарскій.

Слѣдующее письмо епископа орловскаго Досиѳея (Ильина) къ Тургеневу относится къ 1814 году, къ тому времени, когда Жуковскій изыскивалъ всѣ способы, чтобы повліять на Е. А. Протасову дать согласіе на бракъ его съ Марьею Андреевною, препятствіе чему Екатерина Аѳанасьевна полагала въ слишкомъ близкомъ родствѣ Жуковскаго съ ея дочерью. «Здѣсь есть люди,—писалъ Жуковскій Тургеневу изъ Черни, 5-го мая 1814 года,—которыхъ она (Е. А. Протасова) уважаетъ и которые готовы съ нею говорить з а н а с ъ, именно баронесса Черкасова (Марья Алексѣевна, жена стариннаго знакомаго Протасовыхъ, барона Ивана Петровича Черкасова). Она хочетъ ей присовѣтовать отдаться на судъ орловскаго архіерея Досиѳея. Согласится-ли она на это, не знаю; но во всякомъ случаѣ надобно предупредить Досиѳея. Можешь-ли это взять на себя? Если можешь, то пиши къ нему немедленно. Болѣе всего въ письмѣ своемъ утверждай, что между нами родства нѣтъ. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ это родство: я с ы н ъ е я о т ц а. Скажи въ своемъ письмѣ, что ищешь его покровительства, еще не зная, будутъ-ли ему объ насъ говорить, но что хочешь только предупредить его въ нашу пользу. Это письмо отправь къ нему немедленно[1])». «Ты вѣрно уже получилъ мое письмо, посланное съ эстафетою, въ которомъ прошу о письмѣ къ Досиѳею—писалъ Жуковскій Тургеневу во второй половинѣ мая того же года.—И теперь повторяю ту же просьбу. Но не знаю, будетъ-ли какая-нибудь польза, захотятъ-ли съ нимъ совѣтоваться и примутъ-ли его совѣтъ. Не одинъ фанатизмъ противъ меня вооружается. Есть много нечувствительности и упрямства. Если нельзя дойти до сердца, то разсудокъ убѣдить трудно; а при слабомъ, нерѣши-

[1]) Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 116.

тельномъ характерѣ (Е. А. Протасовой) едва-ли и возможно. Я самъ съ твоимъ мнѣніемъ согласенъ: монаховъ вводить въ это дѣло опасно. Но если уже нельзя будетъ избѣжать отъ нихъ, то хотя приготовленныхъ монаховъ, а не простыхъ, покрытыхъ непроницаемою рясою, заставить дѣйствовать. Итакъ пиши къ Досиѳею. Напиши объ немъ и къ Ивану Владиміровичу (Лопухину, извѣстному масону, пріятелю отца А. И. Тургенева, Ивана Петровича, принимавшему близкое участіе въ сердечномъ дѣлѣ Жуковскаго), который твое письмо подкрѣпитъ въ случаѣ нужды своимъ...[1])».

Тургеневъ поспѣшилъ исполнить просьбу своего друга, какъ это видно изъ слѣдующаго письма епископа Досиѳея:

11 іюня 1814 года.

Высокородный господинъ, милостивый государь!

Почтеннѣйшее письмо ваше я имѣлъ честь получить. Весьма утѣшаюсь, что сынъ искренняго моего друга нашелъ меня. Вы, милостивый государь, наслѣдникъ добродѣтелей покойнаго родителя вашего. Я имѣю право просить васъ, чтобы вы, вмѣсто покойнаго, усладили сердце мое вашею ко мнѣ любовію. Оно для васъ будетъ неизмѣннымъ. Изволите просить меня о споспѣшествованіи съ моей стороны браку г. Жуковскаго. О семъ бракѣ писалъ ко мнѣ и Иванъ Владиміровичъ [2]); при томъ увѣдомилъ, что госпожа Протасова желаетъ ко мнѣ пріѣхать для разрѣшенія совѣсти.

Къ разрѣшенію сего брака никакого не нахожу сумнѣнія. Мать невѣсты мнитъ я к о б ы... Въ тайномъ свидѣтелей нѣтъ и одна догадка. Я к о б ы не есть доказательство, и я к о б ы разрѣшить не сумнѣваюсь. Да избавитъ меня Господь дѣло рѣшить на одномъ я к о б ы!

Сіи мои чувствованія по побужденію дружбы вамъ открываю. Ожидаю матери, чтобы успокоить ея совѣсть и побудить совѣтомъ моимъ къ скорѣйшему совершенію брака для счастія любящихся. Васъ, милостивый государь, паки дружбою ко мнѣ покойнаго родителя вашего убѣждаю полюбить меня.

Пребываю съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію вашего высокородія, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Досиѳей, епископъ орловскій.

Намъ неизвѣстно, исполнила-ли Е. А. Протасова свое намѣреніе съѣздить къ преосвященному Досиѳею; если эта поѣздка и состоялась, то во всякомъ случаѣ она не повліяла на рѣшеніе Екатерины Аѳанасьевны не давать согласія на бракъ ея дочери съ Жуковскимъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) Тамъ же, стр. 118.
[2]) Лопухинъ.

Изъ рескриптовъ императора Павла I.

1798 г.

1.

Кол. сов. Гильдебранту объ изобрѣтенныхъ имъ подошвахъ.

15-го января.

Господинъ коллежскій совѣтникъ Гильдебрантъ. Пріемля съ благоволеніемъ изобрѣтеніе ваше о приведеніи русскихъ подошвъ въ лучшую противъ англійскихъ прочность и благодаря васъ за усердіе ваше, я отдалъ письмо ваше сыну моему великому князю Александру Павловичу для разсмотрѣнія въ воинской коммиссіи; а васъ прошу, если не поставите за трудъ, пріѣхать сюда на время для объясненія ему [1]) самолично способа толь полезнаго изобрѣтенія. Вашъ благосклонный.

2.

М. М. Хераскову благодарность за стихи.

16-го февраля.

Господинъ тайный совѣтникъ Херасковъ. Я получилъ стихи, вами сочиненные, по случаю рожденія сына моего. Въ нихъ я видѣлъ изъявленіе чувствованій вашихъ, за которыя васъ благодаря, пребываю вамъ благосклоннымъ.

---

[1]) Это слово приписано государемъ собственноручно.

3.

Бѣлорусскому губернатору Жегулину выговоръ.

21-го марта.

Господинъ тайный совѣтникъ и бѣлорусскій губернаторъ Жегулинъ. Извѣстясь съ неудовольствіемъ, что вы вмѣшиваетесь не въ свое дѣло, налагая на комендантовъ обязанность свидѣтельствовать въ городахъ провіантскіе магазейны и денежную казну, нужнымъ почитаю подтвердить вамъ, чтобы вы впредь ограничили себя исполненіемъ только должности своей по гражданской части, не дѣлая никакихъ военнымъ чиновникамъ препорученій, не свойственныхъ имъ по воинскому уставу, который рекомендую вамъ читать чаще для познанія, что, по силѣ онаго, не должны вы мѣшаться въ части военной службы.

4.

Архіепископу тверскому Иринею благодарность за присылку креста царя Алексѣя Михайловича.

2-го іюля.

Преосвященный архіепископъ тверскій Ириней. Я получилъ исправно доставленные мнѣ чрезъ васъ при письмѣ отъ священника Спасо-Преображенской церкви Петра Симеонова ковчегъ и животворящій съ святыми мощами крестъ. Монахиня Варсонофія, получившая оный отъ своей матери, извѣстна мнѣ по приближности къ любезнѣйшей бабкѣ моей, въ Бозѣ опочивающей императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и по предсказанію, событіемъ потомъ оправданному, о времени моего рожденія, ею учиненному. Крестъ сей, чрезъ ея руки нынѣ до меня дошедшій, сугубо мнѣ драгоцѣненъ, яко залогъ святыни и яко принадлежность предку моему царю Алексѣю Михайловичу, и я приношеніе сего дара пріемля въ полной по достоинству онаго цѣнѣ и съ приличнымъ тому уваженіемъ, васъ за доставленіе мнѣ онаго благодарю и съ обыкновеннымъ моимъ къ вамъ благоволеніемъ пребываю всегда благосклонный [1]).

---

[1]) Подобный же рескриптъ былъ данъ и на имя священника Петра Симеонова. Послѣдній былъ возведенъ въ санъ протоіерея, по приказанію государя, петербургскимъ митрополитомъ Гавріиломъ.

5.

Епископу бѣлогородскому Ѳеоктисту благодарность за стихи семинаристовъ.

7-го іюля.

Преосвященный епископъ бѣлогородскій и курскій Ѳеоктистъ. Благодарю васъ за доставленіе привѣтственныхъ мнѣ стиховъ, отъ питомцевъ Бѣлогородской семинаріи подносимыхъ. Съ удовольствіемъ видя въ приношеніи семъ успѣхи ученія и словесность отечественную, въ нѣдрахъ вамъ ввѣренной паствы процвѣтающую, отношу оное къ рачительному вашему о томъ попеченію, за что изъявя мое благоволеніе, пребываю вамъ благосклонный.

6.

Генералъ-маіору Кропотову выговоръ по поводу просьбы подпоручика Рагозина 1-го объ опредѣленіи его въ сенатскіе курьеры.

19-го августа.

Господинъ генералъ-маіоръ Кропотовъ. Изъ препровождаемой при семъ просьбы полка вашего отъ подпоручика Рагозина 1-го увидите вы нелѣпое желаніе его изъ оберъ-офицерскаго чина быть помѣщену въ сенатскіе курьеры. За таковую безразсудность должны вы, по полученіи сего повелѣнія нашего, онаго Рагозина арестовать на мѣсяцъ, взявъ при томъ въ замѣчаніе ваше то, что въ полку, вамъ ввѣренномъ, офицеры такими для званія ихъ и разсудка постыдными и непристойными просьбами насъ утруждать дерзаютъ, за что объявляемъ мы вамъ негодованіе наше.

7.

А. И. Голенищевой-Кутузовой благодарность за поздравленіе со днемъ рожденія и за кошелекъ.

25-го сентября.

Авдотья Ильинишна. Поздравленіе ваше по случаю дня рожденія моего и присланный мнѣ отъ васъ собственныхъ трудовъ вашихъ кошелекъ я пріемлю съ благоволеніемъ и, благодаря васъ за питаемыя вами чувства всегдашняго ко мнѣ усердія, пребываю вамъ доброжелательный.

8.

П. И. Измайлову благодарность за письмо.

12-го ноября.

Петръ Ивановичъ. Правиломъ сердца моего поставляя всѣмъ, искренно преданнымъ къ особѣ моей, изъявить всегда знаки несомнѣнные моего благоволенія и васъ издавна въ числѣ оныхъ зная, вамъ много за письмо ваше благодарствую, и пожеланія ваши на мой счетъ, въ намъ изображенныя отъ усерднаго ко мнѣ сердца вашего, суть моему весьма пріятны.

Желаю вамъ добраго здоровья, поздравляю въ новомъ чинѣ и вѣрить прошу тому, что я навсегда къ вамъ пребываю благосклонный.

9.

Бѣлорусскому губернатору Жегулину выговоръ.

13-го ноября.

Господинъ тайный совѣтникъ и гражданскій бѣлорусскій губернаторъ Жегулинъ. Съ крайнимъ негодованіемъ моимъ увидѣлъ я глупость вашу въ присылкѣ съ эстафетомъ нарочнымъ, не по обыкновенной почтѣ, донесеніе совсѣмъ пустое и ничего не значущее отъ 4-го ноября и твердо приказываю вамъ отъ подобныхъ старыхъ глупостей впредь воздерживаться.

10.

Владимірскому губернатору Руничу по поводу сгорѣвшихъ старообрядческихъ церквей въ Верхне-Успенскомъ монастырѣ.

16-го ноября.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и владимірскій гражданскій губернаторъ Руничъ. Вслѣдствіе донесенія вашего, въ коемъ упоминаете вы объ извѣстіи, къ вамъ присланномъ, касательно погорѣнія церквей въ Верхне-Успенскомъ старообрядческомъ монастырѣ, сказать вамъ здѣсь я имѣю, что грамоты, о которой пишете вы, давать я приличія не вижу, а на построеніе всѣхъ оныхъ погорѣв-

шихъ церквей нужное число денегъ повелѣваю вамъ выдать изъ казны моей. Пребываю къ вамъ благосклонный.

11.

А. А. Турчаниновой благодарность за стихи.

20-го декабря.

Анна Александровна. Присланные вами ко мнѣ сочиненія вашего стихи подъ названіемъ «Приношеніе праху блаженной и вѣчно-достойной памяти государя императора родителя моего» принялъ я съ чувствіемъ, имъ приличнымъ, и одобряя дарованія разума вашего, дѣлающія честь вашему полу, посылаю вамъ при семъ знакъ моего благоволенія. Пребываю къ вамъ благосклонный.

1799 г.

1.

Архіепископу казанскому Амвросію съ препровожденіемъ 15.000 р. для раздачи бѣднымъ невѣстамъ Петербурга.

20-го февраля.

Преосвященный Амвросій, архіепископъ казанскій и свіяжскій. По случаю, благословеніемъ Всевышняго, совершившаго(ся) обрученія любезнѣйшей дочери нашей великой княжны Александры Павловны съ его королевскимъ высочествомъ эрцъ-герцогомъ Іосифомъ, палатиномъ Венгерскимъ, препровождаемъ при семъ 10.000 отъ насъ и 5.000 отъ любезнѣйшей супруги нашей, препоручая вамъ купно съ с.-петербургскимъ губернаторомъ барономъ фонъ-деръ-Паленомъ раздать сумму сію на вспоможеніе вступающимъ въ бракъ недостаточнымъ дѣвицамъ въ нашемъ столичномъ градѣ С.-Петербургѣ по общему соображенію вашему ихъ поведенія и состоянія. Пребываемъ къ вамъ благосклонный [1]).

---

[1]) Такіе же рескрипты даны были на имя фонъ-деръ-Палена, митрополита московскаго Платона и московскаго военнаго губернатора графа Салтыкова.

2.

Минскому губернатору Карнѣеву выговоръ.

15-го апрѣля.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и минскій гражданскій губернаторъ Карнѣевъ. Рапортъ вашъ отъ 27-го марта я получилъ и съ удивленіемъ въ немъ увидѣлъ представленіе ваше о предполагаемой вами и ни на чемъ не основанной надобности въ перемѣнѣ выборовъ въ судьи чрезъ три года въ противность порядку, на сіе по прочимъ губерніямъ учрежденному, ежегоднымъ оныхъ избраніемъ, и, не находя нимало причинъ, понудившихъ васъ войти съ представленіемъ столь недѣльнымъ, совѣтую впредь отъ подобныхъ остерегаться.

3.

Тверскому губернатору Тейльсу повелѣніе открыть торговыя бани.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и тверскій гражданскій губернаторъ Тейльсъ. По случившемуся въ Твери приключенію, что женщина Ворошилова найдена мертвою въ печи, въ которой она по обыкновенію парилась, повелѣваю вамъ немедленно, снесясь съ тамошнимъ комендантомъ барономъ Маркловскимъ 2-мъ, учредить вольныя торговыя бани. Пребываю вамъ благосклонный.

4.

Астраханскому вице-губернатору Каховскому выговоръ.

4-го іюля.

Господинъ коллежскій совѣтникъ и астраханскій вице-губернаторъ Каховскій. Принявъ съ негодованіемъ моимъ рапортъ вашъ отъ 15-го іюня, въ которомъ вы ложно доносите мнѣ, будто неизвѣстно вамъ, отчего сдѣлался пожаръ въ городѣ Астрахани въ амбарахъ подполковницы Поповой, въ коихъ казенная мука находилась, объявляю вамъ за сіе донесеніе мое неудовольствіе, поелику извѣщенъ я, что тотъ пожаръ произошелъ отъ поджога, и наистрожайше вамъ повелѣ-

ваю не дерзать впредь поступать столь несходственно съ долгомъ вашимъ; въ противномъ же случаѣ вы строго наказаны будете [1]).

5.

Графу Салтыкову 2-му по поводу изобрѣтенія новаго способа выдѣлки сахара.

5-го іюля.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-ой. Изобрѣтенный аптекаремъ Биндгеймомъ новый способъ, столь полезный для государства моего, въ дѣланіи сахару, не заимствуясь изъ иностранныхъ земель пескомъ, изъ одной только бѣлой свеклы, я, апробуя, изъявляю за пріемлемыя въ семъ случаѣ со стороны вашей попеченія совершенное мое вамъ благоволеніе, каковое и за то изобрѣтеніе способа объявите оному аптекарю, а при томъ положите ваше мнѣніе, исключительную-ли дать ему на сію привилегію, или, предоставя оное казнѣ, сдѣлать ему особливое какое награжденіе, и мнѣ о семъ донесите. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный.

6.

Маіоршѣ Надаржинской о портретѣ Петра I.

11-го декабря.

Госпожа маіорша Надаржинская. Присланный отъ васъ при письмѣ портретъ блаженной и вѣчно достойной памяти государя императора Петра Перваго я получилъ и, вамъ его возвращая, оставляю его въ фамиліи вашей, яко памятникъ отличныхъ милостей прапрадѣда моего, предкомъ вашимъ пристойно заслуженный. Пребываю вамъ благосклонный.

---

[1]) Въ тотъ же день государь далъ слѣдующій указъ Сенату: „По причинѣ случившагося въ Астрахани пожара въ амбарахъ подполковницы Поповой, гдѣ хранилась мука казенная, повелѣваемъ Сенату нашему весь казенный ущербъ взыскать съ тамошняго вице-губернатора Каховскаго и потомъ намъ донести“.

1800 г.

1.

М. М. Хераскову по поводу его поэмы „Царь“.

29-го марта.

Господинъ тайный совѣтникъ и Московскаго университета кураторъ Херасковъ.

Присланную ко мнѣ отъ васъ поднесенную поэму вашу подъ названіемъ «Царь» я получилъ и, отдавая всю должную справедливость вашимъ дарованіямъ и равномѣрно тому усердію, коимъ вы руководствовались въ семъ сочиненіи вашемъ, благодарю васъ за изъявленіе въ немъ вашей ко мнѣ преданности; въ разсужденіи же похвалъ, кои вы мнѣ приносите, то я не нахожу себя быть ихъ достойнымъ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

2.

Архіепископу с.-петербургскому Амвросію по поводу поступленія семинаристовъ на гражданскую службу.

27-го мая.

Преосвященный Амвросій, архіепископъ с.-петербургскій. Узнавъ, что изъ Тверской семинаріи, по требованію недѣльному с.-петербургскаго гражданскаго губернатора князя Мещерскаго, уволено десять человѣкъ семинаристовъ для опредѣленія въ статскую службу, повелѣваю вамъ сдѣлать преосвященному тверскому выговоръ, подтвердя ему при томъ, чтобъ впредь безъ особаго моего повелѣнія изъ сего званія въ другія не поступали. Вы же имѣйте неослабный надзоръ надъ тѣмъ, чтобъ сія воля моя по всѣмъ епархіямъ равномѣрно исполнялась. Пребываю къ вамъ благосклонный.

Слѣдующія строки написаны собственноручно государемъ: «Предпишите всѣмъ епархіямъ семинаристовъ не обращать безъ воли моей въ другое какое званіе, о чемъ каждый разъ Синоду меня спрашивать».

3.

Генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову 2-му повелѣніе заключить князя Голицына въ смирительный домъ за его отказъ вступить въ бракъ съ дѣвицей, съ которою былъ помолвленъ.

10-го іюля.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-ой. Отставнаго корнета князя Голицына, вслѣдствіе донесенія вашего, за неисполненіе обѣщанія его жениться на дочери отставнаго жъ корнета Павловой, съ которою онъ уже былъ помолвленъ, и за прочіе его противу оной дурные поступки повелѣваемъ посадить въ смирительный домъ безъ срока. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Слѣдующія слова написаны собственноручно императоромъ: «А деньги или удовлетвореніе съ него взыскать. П.».

4.

Саратовскому губернатору Ланскому повелѣніе объявить купчихѣ Петровой, что государь крестится такимъ же крестомъ, какъ и она.

13-го іюля.

Господинъ тайный совѣтникъ и саратовскій гражданскій губернаторъ Ланской. Въ отвѣтъ на рапортъ вашъ іюня отъ 30-го числа въ разсужденіи донесенія въ немъ вашего о женѣ саратовскаго купца Петровой, повелѣваемъ вамъ въ обращеніе ея отъ ея безумныхъ толковъ сказать ей отъ меня именно, что я самъ такимъ же, какъ и она, крестомъ крещуся. А если и послѣ сего останется она непреклонною, тогда отдать ее подъ начало въ ближній женскій монастырь. Пребываю къ вамъ благосклонный.

5.

Святѣйшему Синоду объ увольненіи митрополита Гавріила отъ должности.

19-го декабря.

Указъ нашему Синоду. Митрополита новгородскаго Гавріила отъ управленія епархіею увольняя, повелѣваемъ ему остаться въ Новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ онъ нынѣ находится.

6.

Митрополиту Гавріилу о томъ же.

20-го декабря.

Преосвященный митрополитъ Гавріилъ. Съ удивленіемъ видя изъ полученнаго мною письма вашего просимый вами пенсіонъ и дозволеніе имѣть вамъ пребываніе ваше въ московскомъ Симоновѣ монастырѣ, и находя, что вы милостями моими награждены уже весьма довольно устроеніемъ васъ при томъ мѣстѣ, гдѣ вы находитесь, повелѣваю вамъ, не мысля о прочемъ, остаться въ Новгородѣ. О увольненіи же вашемъ далъ я свое повелѣніе.

Сообщилъ **Александръ Успенскій.**

Къ біографіи В. Н. Каразина.

I.

Письма В. Н. Каразина П. И. Кеппену [1]).

1.

Село Кручикъ, окт. 16 1826.

За что вы меня такъ любите, почтенный, достойнѣйшій уваженія и любви Петръ Ивановичъ?.. Вотъ уже дошли ко мнѣ и послѣднія

---

[1]) На обложкѣ, въ которой хранятся письма, рукою П. И. Кеппена послѣ имени Каразина и краткихъ о немъ свѣдѣній приписано: „Ему Харьковъ обязанъ университетомъ". Здѣсь кстати привести замѣтку Кеппена о Каразинѣ, написанную въ 1863 г. и напечатанную въ „Чтеніяхъ московскаго общ. ист. и др." за тотъ же годъ въ кн. 3-й: „Пользуясь усердно сообщаемыми мнѣ чтеніями Общества, я давно уже собираюсь представить оному нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до помѣщенныхъ въ 3-й книгѣ 1861 года статей о покойномъ Васильѣ Назарьевичѣ Каразинѣ, который, сколько мнѣ извѣстно, воспитывался у моего дѣда по матери Ивана Петровича Шульца. Каразинъ былъ постояннымъ другомъ нашего семейства, и, въ бытность мою студентомъ Харьковскаго университета, онъ обращался ко мнѣ для перевода на нѣмецкій языкъ его сочиненій. Въ Петербургѣ онъ, 3-го января 1820 года внесъ въ мой альбомъ отрывокъ изъ своей рѣчи о истинной и ложной любви къ отечеству, произнесенной 21-го августа 1818 года въ Харьковѣ, въ публичномъ собраніи Филотехническаго общества. Тутъ же онъ прибавилъ: „Родился 1773 года января въ 30-й день, Слободско-Украинской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Кручикѣ, принадлежавшемъ его отцу, а нынѣ ему принадлежащемъ; вступилъ въ службу въ 1791-мъ, оставилъ оную въ 1804-мъ, содѣйствовалъ къ основанію Харьковскаго университета въ 1802, 3-мъ и 4-мъ, а къ основанію Филотехническаго общества въ 1811 годахъ". „Недостаточно, по моему мнѣнію, еще оцѣнено то обстоятельство, что Каразинъ уже въ 1810-мъ году, именно, въ запискѣ, читанной имъ 15-го марта того года въ засѣданіи Московскаго общества испытателей природы, относительно метеорологическихъ наблюденій, опередилъ ученыхъ западной Европы. Тутъ онъ впервые изрекъ мысль о пользѣ многочисленныхъ мете-

страницы вашихъ Библіографическихъ листовъ [1]) и ваши замѣчанія о нарѣчіяхъ венгерскихъ [2]). Все прежде посыланное вами въ свое время также получено съ чувствомъ усердной къ вамъ благодарности. Я не писалъ къ вамъ—по извѣстнымъ причинамъ, по которымъ давно ни къ кому не пишу. Ожидаю со дня на день, что мои обстоятельства перемѣнятся: и тогда, вѣрьте, что тѣмъ или другимъ образомъ постараюсь вамъ доказать, сколько я цѣню ваше, столь постоянное ко мнѣ благорасположеніе. Надѣюсь служить вамъ между прочимъ и нѣсколькими матеріалами для трудовъ вашихъ. Сіи труды почтенны въ моихъ глазахъ!.. Вы прямой ученый, каковыхъ у насъ еще мало: избравшій въ необъятной массѣ человѣческихъ познаній опредѣленную часть и полюбившій ее всѣмъ сердцемъ не изъ видовъ какихъ, или по легкомыслію перепархивающій изъ вѣтви на вѣтвь. Вы оставите по себѣ сокровища, ихъ же (простите мнѣ славенщину) тля не тлитъ и татіе не окрадываютъ.

Оканчиваю письмо на сей разъ, которое и не написалъ бы я, еслибъ не долженъ былъ облегчить свою совѣсть, давно уже меня за васъ укоряющую. Простите! Скажите мое истинное и совершенное почитаніе милостивому государю Ѳедору Павловичу, и увѣрены будьте сами, что я по жизнь сохраню къ вамъ то же чувствованіе.

Вашъ преданнѣйшій слуга Василій Каразинъ.

На оборотѣ не Каразинымъ приписано:

Его Высокоблагородію милостивому государю моему Петру Ивановичу Кеппену въ С.-Петербургѣ.

По неизвѣстности мнѣ его квартиры покорнѣйше прошу доставить его родительницѣ М. Г. Каролинѣ Ивановнѣ Кеппенъ въ Харьковѣ. О чемъ и беру смѣлость ее просить.

2.

Москва, 14-го генв. 1829.

Самъ я удивляюсь, милостивый государь почтенный мой Петръ Ивановичъ, какъ я до сихъ поръ къ вамъ не писалъ, не могши ни

орологическихъ станцій, мысль, которая стала осуществлятся въ Россіи лишь съ 1833 года (см. К. Веселовскаго сочиненіе о климатѣ Россіи. Спб. 1857, 4, стр. IX и д.). Отправляясь въ чужіе краи въ 1821 году, я, при проѣздѣ чрезъ Харьковъ, видѣлъ у себя В. Н. Каразина. Возстаніе грековъ волновало его душу, и онъ собирался опять писать къ царю, посылая ему увѣщанія. Предвидя, что такой шагъ могъ бы навлечь ему новыя неудовольствія, я упросилъ его оставить это намѣреніе, и просьба моя была имъ уважена".

[1]) Послѣдній № Библіографическихъ листовъ П. И. Кеппена (№ 43) вышелъ 28 мая 1826 г.

[2]) Вѣроятно, Literärnotizen, betreffend die Magyarischen und Sächsischen Dialecte in Ungern und Siebenbürgen (SPb. 1826).

почему винить васъ въ этомъ грѣхѣ: ибо вы и квартиры моей здѣсь не знаете.

Позвольте же поздравить васъ съ Новымъ годомъ! Удостойте передать и маменькѣ вашей и сестрицамъ это поздравленіе.

Въ сосѣдствѣ вашемъ, т. е. въ Севастополѣ, теперь мой старшій сынъ [1]). По жестокой ранѣ своей, полученной 3-го октября за Варною, онъ былъ привезенъ въ тамошніе гошпитали. Слава Богу, теперь онъ вышелъ изъ бѣды! Скоро долженъ будетъ возвращаться въ полкъ. Утѣшьте, обласкайте его на перепутьѣ. Поручаю его, какъ молодаго человѣка, достойнаго благорасположенія друга моего Каролины Ивановны и почтеннаго ея сына, передаю его вмѣсто своихъ въ в а ш и объятія. Можетъ быть, нужно вамъ будетъ его предувѣдомить въ Севастополѣ, чтобы онъ не миновалъ вашего дома. А къ любезнѣйшему Карлу Ивановичу я уже писалъ въ Одессу, равно просилъ о немъ и достойнаго вашего генералъ-губернатора [2]).

Не упустите увѣдомить о вашихъ упражненіяхъ и образѣ жизни, пріятномъ безъ сомнѣнія! Также и о испрошеніи чего-либо въ пользу бѣднаго іерусалимскаго патріарха не забудьте.

Вашъ драгоцѣнный для меня отзывъ найдетъ меня въ Москвѣ, на углу Поварской и Молчановки въ домѣ генералъ-маіора Базилевича. Простите! Душевно васъ обнимая, съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ пребуду по жизнь мою.

Вашъ преданный слуга Василій Каразинъ.

Скоро пришлю вамъ экз. вступительной моей рѣчи въ Обществѣ исторіи и древностей, которая однако еще не написана [3]). Столько заботъ, хлопотъ и разсѣянія въ огромной Москвѣ!

Сообщилъ **В. И. Срезневскій.**

---

[1]) Василій Васильевичъ Каразинъ, авторъ книги «Иліодометръ для повѣрки часовъ» (Харьковъ, 1825); ему же принадлежитъ переводная статья „О лунѣ“, напеч. въ Украинскомъ журналѣ 1824 г. (см. Даниловскій „Украинская Старина“, 1866, стр. 149).

[2]) М. С. Воронцовъ.

[3]) Въ протоколахъ Общества нѣтъ свѣдѣній о произнесеніи этой рѣчи (см. Труды общ. ист. и др.“, ч. 8-я).

II.

Въ статьѣ Н. Ѳ. Дубравина «Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ» [1]) между прочимъ упоминается о неутвержденіи Каразина предсѣдателемъ уголовной палаты. Мы имѣемъ возможность сообщить нѣкоторыя подробности по этому дѣлу.

Въ 1828 году происходили въ Слободско-Украинской губерніи выборы чиновниковъ на гражданскія должности, при чемъ кандидатами въ предсѣдатели палаты уголовнаго суда были избраны маіоры Михаилъ Бедрага и Иванъ Гиржевъ и статскій совѣтникъ Василій Назарьевичъ Каразинъ. 10-го ноября 1828 г. губернаторъ представилъ Правительствующему Сенату объ испрошеніи высочайшаго утвержденія одного изъ двухъ первыхъ въ означенной должности. 23-го февраля 1829 г. послѣдовалъ именной указъ Сенату о назначеніи предсѣдателемъ маіора Гиржева. Когда Гиржеву былъ объявленъ высочайшій указъ и приглашеніе явиться къ должности, то онъ далъ письменный отзывъ, въ которомъ указалъ на невозможность, по старости и болѣзненному состоянію, принять на себя обязанности предсѣдателя и просилъ представить о томъ его величеству и его отъ должности уволить. Губернаторъ донесъ о такомъ случаѣ Правительствующему Сенату и представилъ формулярный списокъ третьяго кандидата, В. Н. Каразина. При чемъ, по отношенію къ Каразину губернаторъ нашелъ нужнымъ сообщить Сенату, что изъ дѣлъ предмѣстниковъ его видно, что по высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи бывшаго начальника главнаго штаба его императорскаго величества, отъ 10-го мая 1821 года, статскому совѣтнику Каразину назначено было непремѣнное мѣстопребываніе въ помѣстьи его тамошней губерніи, съ запрещеніемъ выѣзда изъ онаго и съ подтвержденіемъ о наблюденіи, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть сношеніе и чѣмъ будетъ заниматься, и что по таковому же высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи начальника главнаго штаба отъ 5-го ноября 1826 года, разрѣшено Каразину жить, гдѣ пожелаетъ, съ дозволеніемъ имѣть пребываніе и въ Москвѣ, кромѣ, однакожъ, С.-Петербурга, впредь до повелѣнія и съ тѣмъ, чтобъ воздержался отъ всякаго сужденія, до него не принадлежащаго.

Правительствующій Сенатъ, имѣя въ виду, что избранные дворянствомъ чиновники и уволены могутъ быть лишь съ согласія дворянства же, вернулъ представленіе губернатору, съ предписаніемъ предложить

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г. № 4, стр. 7—9.

дворянству, если оно согласно на увольненіе Гиржева, избрать къ представленному прежде кандидату Бедрагѣ другаго кандидата и затѣмъ представить Сенату для утвержденія. Относительно же Каразина Правительствующимъ Сенатомъ указывалось, что въ виду донесенія губернатора Правительствующій Сенатъ и не можетъ представить его кандидатомъ на высочайшее утвержденіе предсѣдателемъ въ палату уголовнаго суда, а полагаетъ поставить на видъ дворянскому собранію неумѣстность таковаго выбора.

Между тѣмъ В. Н. Каразинъ, интересуясь избраніемъ и узнавъ объ отправленіи въ Сенатъ его формулярнаго списка, писалъ 6-го іюля министру юстиціи:

«Получивъ списокъ съ таковаго же формулярнаго о службѣ моей, представленнаго въ Правительствующій Сенатъ отъ 22-го числа прошедшаго мѣсяца за подписаніемъ г-на слабодско-украинскаго предводителя дворянства Времева, нашелъ я въ ономъ значительныя упущенія. Нисколько не обвиняя почтеннаго сего чиновника, тѣмъ не менѣе обязанностью моею, какъ отца шестерыхъ сыновей, поставляю дополнить упущенное предъ лицемъ вашего сіятельства и августѣйшаго государя императора, которому необходимо изволите докладывать по поводу вступившаго обо мнѣ представленія...

Въ четвертой графѣ подъ надписью: когда въ службу вступилъ и пр. сказано только, что я подалъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета. Но я, по прошествіи двадцати семи лѣтъ, въ продолженіе которыхъ молчалъ о участіи моемъ въ семъ дѣлѣ, долженъ, теперь, въ семъ вѣроятно какъ первомъ, такъ и послѣднемъ случаѣ, сказать истину: что я былъ виновникомъ и главнымъ исполнителемъ сего государственнаго учрежденія, равно какъ и пожертвованій на оное, простиравшихся до шести сотъ осьмнадцати тысячъ рублей по тогдашнему курсу, что́ составило бы два милліона по нынѣшнему; что я не только уклонился въ то время отъ предложеннаго мнѣ всемилостивѣйшаго награжденія за мой подвигъ, но понесъ чувствительнѣйшія огорченія, самое состояніе мое разстроено въ конецъ (въ Правительствующемъ Сенатѣ извѣстно, что все мое имѣніе продается съ аукціона); что не взирая на это я, и въ отставку вышедъ, продолжалъ еще усердно заниматься дѣлами университета. Во всемъ этомъ я, еслибъ настояла надобность, могъ бы представить множество доказательствъ, въ письмахъ ко мнѣ и обо мнѣ лицъ, не подозрительныхъ въ пристрастіи. Но дабы не затруднять правительство, беру смѣлость сослаться только на нынѣшняго предсѣдателя Государственнаго Совѣта, его сіятельство графа Виктора Павловича Кочубея, въ памяти коего (смѣю надѣяться) и въ бумагахъ сохранилось болѣе, нежели нужно для подтвержденія моего показанія. Ему же,

яко управлявшему тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, совершенно извѣстно, въ чемъ состояли «нескромныя представленія блаженной памяти государю императору», о коихъ г. губернскій предводитель упоминаетъ въ формулярномъ спискѣ. Уповаю, что жертва, принесенная мной всѣмъ благосостояніемъ моимъ и многочисленнаго моего семейства государю и отечеству, будетъ имѣть свою цѣну теперь, когда событія оправдали мое дерзновеніе, и что наслѣдникъ Александра Благословеннаго обратитъ напослѣдокъ на меня достойный его взоръ милости и правды!»

Имѣя въ виду, что формулярные списки составляются изъ документовъ о службѣ чиновниковъ, министромъ 22-го августа 1829 г. было предписано слободско-украинскому губернскому прокурору объявить Каразину, чтобы онъ имѣющіеся у него документы (по отношенію къ университету) представилъ мѣстному начальству для дополненія формулярнаго о службѣ его списка.

Когда сообщеніе министра было объявлено В. Н. Каразину, то онъ, 22-го сентября, вручилъ губернатору четыре свертка бумагъ и просилъ представить ихъ къ министру юстиціи, что̀ губернаторомъ и было 26-го сентября исполнено, а 2-го октября того же 1829 г. Каразинъ изъ Харькова послалъ новое письмо:

«Въ канцелярію его высокопревосходительства, господина управляющаго министерствомъ юстиціи.

«Благоволите, милостивые государи, пріобщить къ бумагамъ уже доставленнымъ на имя его высокопревосходительства отъ слободско-украинскаго гражданскаго губернатора по дѣлу о пожертвованіи на Харьковскій университетъ и четыре, при семъ прилагаемыя. Не имѣвъ ихъ тогда (подобно какъ и многихъ другихъ, кои бы могли служить доказательствами), я сейчасъ оныя получаю по благосклонности г-на предводителя дворянства нашего уѣзда изъ архива онаго; и по совѣту его превосходительства г-на губернатора имѣю честь представить непосредственно».

Димитрій Васильевичъ Дашковъ, возвращая губернатору представленныя имъ и В. Н. бумаги, въ отношеніи своемъ отъ 13-го ноября 1829 г. писалъ: «Прочитавъ оныя со вниманіемъ, я не могу не отдать полной справедливости усердію и дѣятельному участію, которыя оказалъ г. Каразинъ на пользу отечества въ учрежденіи Харьковскаго университета; но со всѣмъ тѣмъ находя не относящимся до меня исправленіе послужнаго его списка, представленнаго въ Правительствующій Сенатъ за подписаніемъ г. губернскаго предводителя дворянства, покорно прошу васъ, милостивый государь, сдѣлавъ по сношенію съ г. предводителемъ дворянства нужныя въ послужномъ спискѣ (Каразина) дополненія, представить оный отъ себя въ Правительствующій Сенатъ въ

замѣнъ доставленнаго уже вами по случаю избранія г. Каразина въ число кандидатовъ на вакансію предсѣдателя уголовной палаты».

Въ январѣ 1830 года формуляръ В. Н. былъ дополненъ, согласно его домогательствамъ и желанію, но въ Сенатъ представленъ не былъ, въ виду послѣдованія уже указа, отъ 19-го сентября 1829 г., о неутвержденіи его въ должности предсѣдателя палаты.

Н. А. Мурзановъ.

Карлъ Карловичъ Зейдлицъ.

Карлъ Карловичъ Зейдлицъ «другъ и братъ» Жуковскаго, какъ именуетъ его въ письмахъ самъ поэтъ, былъ моложе его на 15 лѣтъ. Онъ познакомился съ Василіемъ Андреевичемъ на «коммершѣ» студентовъ въ Дерптѣ 14-го августа 1815 г., описанномъ поэтомъ потомъ въ извѣстномъ стихотвореніи, посвященномъ старику профессору Эверсу:

Вступая въ кругъ счастливцевъ молодыхъ,
Я мыслилъ тамъ, на мигъ товарищъ ихъ,
Съ веселыми весельемъ подѣлиться;
Но въ семъ кругу меня мой геній ждалъ:
Тамъ Эверсъ мнѣ на дружбу руку далъ...

а Василій Андреевичъ подалъ руку на дружбу восторженному 17-лѣтнему младшему во всемъ собраніи «фуксу» (новичку) Карлу Карловичу Зейдлицу. Они выпили «брудершафтъ», и Зейдлицъ вѣрно хранилъ клятву во всю жизнь Жуковскаго, а когда великій поэтъ и человѣкъ скончался, онъ поставилъ ему нерукотворный памятникъ въ «умно, правдиво и сердечно написанномъ очеркѣ».

Зейдлицъ родился въ Ревелѣ 6-го марта 1798 г. По окончаніи курса наукъ въ Дерптскомъ университетѣ, со степенью доктора медицины, онъ поѣхалъ за границу и работалъ преимущественно въ Парижѣ и Монпельѣ. Въ Пизѣ онъ ознакомился съ употребленіемъ стетоскопа, только еще получившимъ примѣненіе, и первый ввелъ его употребленіе въ Россіи. Карлъ Карловичъ разсказывалъ, какъ на него «окрысились» коллеги по ремеслу и славили его шарлатаномъ. Затѣмъ съ 1836 года Зейдлицъ занимаетъ профессуру въ Медико-хирургической академіи и съ 1847 года, выйдя въ отставку, поселяется въ Дерптѣ и позднѣе въ имѣніи Мейерсгофѣ, пріобрѣтенномъ для Жуковскаго и затѣмъ имъ у

него перекупленномъ. Зейдлицъ скончался 7-го февраля 1885 года, на 88 году жизни. Это былъ высокообразованный и начитанный человѣкъ. Энергію дѣятельности сохранилъ онъ до конца жизни. Членъ многихъ ученыхъ обществъ, онъ постоянно работалъ на пользу науки и былъ полонъ самыхъ животрепещущихъ интересовъ.

Я познакомился съ нимъ у графини Софьи Михайловны Сологубъ, рожденной Віельгорской, прелестной, идеальной женщины, большимъ другомъ Юрія Самарина, воспѣтой Лермонтовымъ, очень любимой Гоголемъ и особенно Жуковскимъ. Жена извѣстнаго нашего писателя, она доживала вѣкъ свой въ Дерптѣ, гдѣ воспитывала дѣтей. Я очень любилъ эту, тогда уже престарѣлую женщину, относившуюся ко мнѣ съ искреннею пріязнью, Здѣсь упоминаю о ней потому, что она помогала Зейдлицу при составленіи его очерка жизни Жуковскаго на русскомъ языкѣ, послѣ того, какъ онъ въ 1868 году издалъ его на языкѣ нѣмецкомъ. Зейдлицъ владѣлъ когда-то русскимъ языкомъ вполнѣ и переписывался съ Жуковскимъ по-русски (иногда по-нѣмецки или по-французски), но, проживая въ 1847 году въ Лифляндіи, онъ вращался въ обществѣ, въ которомъ говорили исключительно по-нѣмецки, и отвыкъ отъ русскаго языка, что̀ замѣчалось въ оборотахъ рѣчи и нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Вотъ тутъ-то помощь графини пришлась кстати. Въ высшей степени скромная Софья Михайловна, не довѣряя силамъ своимъ, уговорила Зейдлица отдать очеркъ на пересмотръ профессору Дерптскаго университета А. Н. Котляревскому. Котляревскій многое выкинулъ. «Преимущественно касавшееся религіозныхъ чувствъ писателя и придворной его жизни, какъ неимѣющихъ интереса для русскихъ читателей. Сверхъ того,—писалъ онъ Зейдлицу,—они (т. е. эти мѣста біографіи) могутъ подать поводъ къ неприличнымъ выходкамъ и насмѣшкамъ въ нашей quasi демократической печати». Зейдлицъ, полагаясь на сужденіе профессора, которому русская читающаяся публика должна была быть болѣе извѣстна, чѣмъ ему,съ конца 40-хъ годовъ поселившемуся въ Прибалтійскомъ краѣ, выкинулъ изъ рукописи всѣ указанныя мѣста и—какъ самъ выражается—чтобы гусей не раздразнить, рѣшается напечатать очеркъ свой съ выпусками и безъ многихъ писемъ Жуковскаго. Такимъ образомъ, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», за 1869 годъ, было напечатано лишь извлеченіе изъ нѣмецкаго труда Зейдлица подъ заглавіемъ: «Очеркъ развитія поэтической дѣятельности В. А. Жуковскаго». Этимъ заглавіемъ Котляревскій замѣнилъ данное труду своему Зейдлицемъ: «Очеркъ поэтической жизни Жуковскаго», чѣмъ старикъ былъ недоволенъ [1]).

[1]) Въ предисловіи къ письмамъ Жуковскаго, изданнымъ мною въ „Русской Старинѣ“ 1883 года, январь, стр. 193 и д., Зейдлицъ смягчилъ то, что писалъ мнѣ объ изданіи своей біографіи. Съ трудомъ уговорилъ я его смяг-

Ближе съ Зейдлицемъ сошелся я въ концѣ 70-хъ годовъ черезъ проживавшую въ Дерптѣ Авдотью Петровну Елагину. Зейдлицъ, по желанію Авдотьи Петровны, подарившей ему письма Жуковскаго къ ней и роднѣ, просилъ меня приготовить изданіе писемъ. Приближался день столѣтней годовщины дня рожденія Жуковскаго. Старикъ былъ очень тронутъ тѣмъ, что дожилъ до этого дня. Не думалъ онъ, что ему выпадетъ на долю быть свидѣтелемъ чествованія памяти друга. Вотъ тогда-то зародилась мысль издать пересмотрѣнную и пополненную всѣмъ, что̀ выкинулъ Котляревскій, біографію. Онъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ письмомъ:

Высокочтимый профессоръ!

Такъ какъ вы приняли на себя трудъ приготовить къ печати помѣщаемую въ «Русской Старинѣ» переписку Василія Андреевича

чить тоже и нападки свои на одного московскаго редактора (см. тамъ же, стр. 195). Онъ согласился не выставлять имени этого почтеннаго редактора и опустить нѣкоторыя подробности, взявъ съ меня обѣщаніе, что я при случаѣ, когда опять придется говорить объ этомъ предметѣ, напишу вышущенное имъ. Суть заключается въ томъ, что почтенный редакторъ пріѣхалъ въ имѣніе къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной и просилъ по старой дружбѣ просмотрѣть богатый семейный архивъ, гдѣ находились и письма Жуковскаго къ Бунинымъ, Протасовымъ, Майеръ и др. Редакторъ гостилъ тамъ недѣли двѣ. Хозяйка была удивлена, что онъ днемъ много спалъ. Редакторъ отговорился дѣйствіемъ деревенскаго воздуха, наводящаго сонливость. Но слуга, присутствовавшій при разговорѣ, донесъ потомъ: „Помилуйте, какъ же имъ не спать днемъ, когда они всю ночь пишутъ“.

Надо замѣтить, что доступъ къ архиву былъ данъ г. редактору подъ честнымъ его словомъ, что онъ ничѣмъ не воспользуется безъ согласія Авдотьи Петровны и ничего списывать не будетъ. Днемъ онъ, дѣйствительно, заходилъ въ архивъ не на долго. Читалъ и бесѣдовалъ съ домочадцами. Никому въ голову не приходило, что онъ работаетъ ночью и такимъ образомъ обходилъ обѣщаніе. Сынъ Авдотьи Петровны, Василій Алексѣевичъ Елагинъ, узнавъ истину, пропустилъ нѣсколько дней, и неожиданно, поздно ночью, когда редакторъ давно распростился и вмѣстѣ со всѣми отправился спать, вошелъ въ комнату съ рукописями. Онъ засталъ редактора за работой: письма были тщательно переписаны. Василій Алексѣевичъ поблагодарилъ редактора за трудъ: „Теперь у насъ будутъ и копіи, составленныя знатокомъ дѣла“,— сказалъ онъ и отнялъ всѣ ихъ. Редакторъ уѣхалъ разочарованный и пристыженный. Авдотья Петровна Елагина, передавая Зейдлицу нѣкоторыя письма въ оригиналѣ, передала и копіи, писанныя рукою редактора. Съ этихъ копій и печатались письма въ „Русской Старинѣ“ покойнымъ Семевскимъ, а что не напечатано, находится у меня. Вотъ этотъ-то инцидентъ съ названіемъ имени редактора Зейдлицъ хотѣлъ опубликовать уже тогда, въ 1883 году. Страшно возмущенный циническою выходкою того же редактора, пріѣхавшаго къ нему съ свѣдѣніями (см. „Русск. Стар.“ въ означенномъ мѣстѣ), прося меня издать письма, онъ поставилъ условіемъ не печатать ихъ въ московскомъ журналѣ, принадлежавшемъ злополучному редактору. П. В.

Жуковскаго къ племянницѣ его Маріи Андреевнѣ Протасовой и тѣмъ сдѣлать ее доступной для литературно-образованной публики, то прошу васъ тоже приготовить къ печати новое изданіе моего, появившагося въ свѣтъ 14 лѣтъ тому назадъ, очерка жизни друга В. А. Жуковскаго, какъ дара моего къ торжественному празднованію 29-го января 1883 года столѣтней годовщины его рожденія.

Съ полнымъ уваженіемъ преданный вамъ
д-ръ К. фонъ-Зейдлицъ.
Дерптъ, 7-го декабря 1882 года.

При этомъ Карлъ Карловичъ дополнилъ, что выручку отъ продажи біографіи онъ жертвуетъ на памятникъ Жуковскому, который, онъ не сомнѣвается, будетъ рѣшено воздвигнуть одному изъ достойнѣйшихъ людей и поэтовъ Россіи.

Времени терять было нечего. Я поспѣшилъ къ недомогавшему тогда старцу и принялся за дѣло. Карлъ Карловичъ внимательно слушалъ, когда я читалъ ему написанное. Онъ давалъ указанія и поясненія. М. М. Стасюлевичъ охотно согласился издать Біографію бывшаго когда-то редактора «Вѣстника Европы», славнаго поэта, и я частями посылалъ наскоро составляемый трудъ, въ основаніе котораго легли: писанное Зейдлицемъ на нѣмецкомъ языкѣ и печатавшійся «Очеркъ» въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія».

Уже 21-го января 1883 года, за 8 дней до празднованія юбилея, Михаилъ Матвѣевичъ писалъ мнѣ:

Многоуважаемый
Павелъ Александровичъ!

Сегодня мнѣ выдался очень счастливый день: въ 10 часовъ утра я былъ у начальника по дѣламъ печати и поднесъ ему отъ имени автора экземпляръ съ просьбою и т. д., которую онъ обѣщалъ исполнить; въ 12 часовъ благополучно кончился цензурный срокъ; но самое лучшее то, что въ 2 часа я внесъ отъ имени Карла Карловича въ думу предложеніе принять чистую выручку изъ продажи изданія, а именно: 780 рублей впередъ, не ожидая результатовъ самой продажи (я пришлю вамъ и Карлу Карловичу разсчетъ, на основаніи котораго я сдѣлалъ эту операцію). Дума приняла и опредѣлила: 1) благодарить отъ имени всего городскаго общества черезъ городскаго голову почтеннаго К. К. и 2) въ нынѣшнемъ году приступить къ выполненію дѣла, если эта ссуда будетъ возвышена новыми приношеніями (а это будетъ); въ крайнемъ же случаѣ она сама дополнитъ изъ суммъ, отказанныхъ на украшеніе города. Мѣстомъ будетъ Александровскій садъ, въ сторонѣ Зимняго дворца, гдѣ жилъ Жуковскій. Благодаря этому, Карлу Карловичу

не нужно ждать 2 или 3 года, когда распродалось бы все изданіе, и онъ сегодня можетъ уже сказать, что цѣль имъ достигнута вполнѣ. Прочитайте ему это мое письмо, чтобы онъ не былъ удивленъ, когда получится благодарность отъ города С.-Петербурга. Пусть это будетъ первою его и вполнѣ заслуженною имъ наградою. Это письмо отъ думы можно будетъ также прочесть на вашемъ актѣ и т. д.

Вашъ М. Стасюлевичъ.

Дума и многія другія учрежденія готовились праздновать этотъ день. Дерптскій университетъ, который былъ обязанъ продолженіемъ своего существованія заступничеству Жуковскаго, когда было рѣшено закрыть его, положилъ праздновать день торжественнымъ актомъ и поручилъ мнѣ приготовить къ нему рѣчь. Къ вечеру того дня профессора университета и многіе изъ общества должны были собраться въ квартирѣ дочери умершей уже тогда графини Сологубъ, Елизаветы Владиміровны Сабуровой, на торжественный раутъ съ чтеніемъ и живыми картинами изъ сочиненій Жуковскаго. Я приготовилъ актовую рѣчь на русскомъ языкѣ (напеч. въ № 3 «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.»), но меня просили произнести ее по-нѣмецки, такъ какъ къ торжественному дню собирались посѣтить семьи всей дерптской интеллигенціи, и многіе извнѣ хотѣли пріѣхать тоже. Желаніе это я исполнилъ [1]). Многое было выслано мною въ Петербургъ для выставки, по поводу которой я велъ переписку съ вицепрезидентомъ Академіи наукъ Я. К. Гротомъ, и мнѣ удалось съ точностью опредѣлить годъ рожденія поэта, о чемъ существовало разногласіе (см. біографію В. А. Жуковскаго и предисловіе мое къ ней). Занятый въ Дерптѣ, я не могъ принять приглашенія Академіи участвовать на торжественномъ актѣ ея. Отъ приглашенія отказался и Карлъ Карловичъ. Старикъ былъ такъ потрясенъ, что его боялись пустить въ университетъ и вечеромъ на собраніе у г-жи Сабуровой (приглашенія исходили отъ г-жи Сабуровой и К. К. Зейдлица). Онъ подчинился и только просилъ объ одномъ, чтобы ему были пропѣты нѣкоторые романсы, излюбленные Жуковскимъ и переведенные имъ на русскій языкъ. То были: пѣснь: «Къ востоку» (Nach Osten) музыка Wetzel'a и Вейерауха романсъ на слова «Розы расцвѣтаютъ» («Wenn die Rosen blühn»). Я уговорилъ дочь мою, только-что прибывшую изъ-за границы, ученицу Арто, сдѣлать старику пріятное, и было трогательно видѣть то глубокое движеніе души, которое отразилось на лицѣ бѣлаго старца.

---

[1]) Университетъ издалъ эту рѣчь: „Rede zur Feier des Hundertjährigen Geburtsfestes von W. A. Joukowsky am 29 Januar 1883, gehalten von Pr. Dr. Paul v. Wiskomatoff". Dorpat 1883.

Карлъ Карловичъ не многимъ пережилъ эти для него знаменательные дни, полные дорогихъ воспоминаній; онъ скончался 7-го февраля 1885 года.

При всей своей рѣзкости и гнѣвности Карлъ Карловичъ былъ человѣкъ высокаго идеала. Свидѣтель самыхъ задушевныхъ чувствъ Жуковскаго, любви его къ «Машѣ» и теплыхъ отношеній къ сестрѣ ея, Александрѣ Андреевнѣ, по мужѣ Воейковой, скончавшейся въ Пизѣ (онъ привезъ и тѣло ея въ Россію), Зейдлицъ не могъ простить Жуковскому его брака, заключеннаго уже старикомъ, съ молодой дочерью пріятеля своего Рейтерна. Карлъ Карловичъ говорилъ о томъ съ горечью, хотя и послѣ этого брака оставался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ. Карлъ Карловичъ говаривалъ: «другъ обязанъ не оправдывать, но понимать друга; такъ и я относился къ затѣѣ Василія Андреевича. Онъ всю жизнь мечталъ о семейной счастливой жизни. Въ молодости ему было въ томъ отказано, затѣмъ все время его было поглощено заботами о воспитаніи наслѣдника престола столь любимой имъ Россіи. Онъ въ эти годы даже и мало, очень мало творилъ, такъ проникнутъ былъ онъ важностью возложеннаго на него порученія». Когда воспитаніе наслѣдника было закончено, Василій Андреевичъ опять берется за литературный трудъ, и почти одинокій протягиваетъ руки къ запретному кубку. Онъ пытается зажить семейной жизнью, осуществить мечту юности и всей своей жизни. Онъ совѣтовался съ Зейдлицемъ... «Я ему не противорѣчилъ, я зналъ, что эта любящая душа не могла быть въ одиночествѣ». Такъ говорилъ мнѣ Карлъ Карловичъ, передавая нѣкоторыя, самыя интимныя подробности. Но прибавлялъ онъ: «Больно было мнѣ видѣть Жуковскаго, въ юности сѣдлавшаго пегаса, сидящимъ въ послѣдніе дни жизни на деревянномъ россинантѣ. Доктора предписали ему движеніе, и такъ какъ садиться на лошадь онъ не могъ, то въ кабинетѣ его стояло искусственное подобіе коня, на которомъ онъ совершалъ гимнастическія прогулки».

Зейдлицъ хранилъ въ памяти идеальный образъ «Маши» и всѣ эпизоды любви къ ней Жуковскаго. Онъ до конца дней ходилъ на могилу Марьи Андреевны и приносилъ на нее свѣжіе цвѣты. Мнѣ онъ подарилъ фотографію, на которой видна могила «Маши» на Дерптскомъ кладбищѣ, а передъ ней одинокій старецъ Зейдлицъ, безъ шляпы, съ лицомъ, обрамленнымъ густыми, какъ снѣгъ бѣлыми, длинными волосами.

Дочь Маши отъ Мойера, Екатерина Ивановна, вышедшая замужъ за сына Авдотьи Петровны, Василія Алексѣевича Елагина, проживала въ то время въ Дерптѣ и была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Зейдлицу. Весь кружокъ былъ занятъ своего рода культомъ Жуковскаго и всякихъ семейныхъ воспоминаній. Уважая эти чув-

ства, я не могъ въ редактируемой мною біографіи говорить о многихъ, ставшихъ мнѣ извѣстными фактахъ. Нѣкоторые факты изъ жизни Жуковскаго не помѣщены въ біографіи, кое-что требуетъ инаго освѣщенія, особенно касающееся послѣдней поры жизни Жуковскаго. Несмотря на все желаніе быть объективнымъ, Зейдлицъ все же не правъ въ оцѣнкѣ послѣдняго періода жизни поэта. Тѣмъ не менѣе, книга его проникнута большой теплотой и правдивостью, особенно въ описаніи двухъ первыхъ періодовъ жизни Василія Андреевича.

Переписка Жуковскаго съ Зейдлицемъ находится у меня. Печатая её, я думалъ высказать и то, что знаю и слышалъ и чего не могъ сказать въ сочиненіи, вышедшемъ подъ именемъ глубокоуважаемаго мною Карла Карловича,—друга еще не достаточно оцѣненнаго большаго поэта и человѣка; но отлагаю это до времени, когда появится новое изданіе труда Зейдлица или другая болѣе полная біографія.

П. Висковатовъ-Висковатый.

Проектъ генералъ - интенданта Канкрина о новомъ способѣ поселенія войскъ [1]).

6-го февраля 1817 г.

Содержаніе большой арміи хотя для Россіи необходимо, но по мѣрѣ доходовъ государства и по низкой степени усовершенствованія, на коей находятся хлѣбопашество и всѣ производительныя занятія вообще, для оной гораздо труднѣе, нежели по соразмѣрности для всякаго другаго. Армія одна истощаетъ почти всѣ доходы, а для гражданскаго устройства остается слишкомъ мало. Сіе есть главнѣйшая причина, что по гражданской бытности ежегодно усиливаются неустройства, безпорядки, недостатокъ нужнѣйшихъ заведеній, злоупотребленія, продажа правосудія и прочее; даже примѣчательному глазу скрыться не можетъ, что внутреннее благосостояніе съ нѣкотораго времени идетъ болѣе назадъ, нежели впередъ. Симъ же самымъ содержаніе свыше милліона праздныхъ рукъ со временемъ еще болѣе затруднить должно.

Поселеніе войскъ по сей части принесло бы неоцѣненную пользу, если бы тутъ не открылись два особенныя затрудненія.

Огромность издержекъ, если поселить воиновъ въ необитаемыхъ мѣстахъ,и значительность издержекъ и разстройство обывателей, если оныя поселить съ переводомъ части крестьянъ.

Невозможность содержать поселенный полкъ въ комплектѣ, ибо черезъ 25 лѣтъ изъ цѣлаго поселеннаго полка едва-ли можно будетъ набрать нѣсколько ротъ, а размноженіе людей, напримѣръ, какъ было въ казачьихъ войскахъ, не такъ скоро можетъ усиливаться, особливо въ населенныхъ до того мѣстахъ, чтобы оно было достаточно укомплектовывать полкъ; да и въ сѣверныхъ краяхъ вообще народонаселеніе имѣетъ тѣснѣйшія границы. Правда, что можно присовокупить къ войсковому поселенію часть изъ мѣстныхъ поселянъ, но тогда съ важнѣйшими издержками получается то, къ чему безъ оныхъ,кажется, можно было доходить чрезъ систему полковыхъ кантоновъ.

Положимъ, что по западной границѣ государства во второй линіи

---

[1]) Представлено при письмѣ къ князю П. М. Волконскому отъ 6-го февраля 1817 г., Моск. отд. гл. шт.; св. 91, № 50.

губерній полагается осѣдлое войско, составляющее населеніемъ своимъ одну полосу отъ Балтійскаго по Черное море.

Каждому пѣхотному полку назначить кантонъ, напримѣръ, два уѣзда въ 600.000 душъ, изъ коего укомплектуется рекрутами.

Новые рекруты, по выученіи, будутъ отпускаемы въ свои дома на собственное пропитаніе, собираясь еженедѣльно для ученія въ частности, ежемѣсячно или смотря по разстояніямъ чрезъ два мѣсяца по ротамъ, ежегодно, по-полковно.

По мѣрѣ выбытія старыхъ солдатъ полкъ, наконецъ, будетъ имѣть налицо одну шестую часть комплекта, составленную наиболѣе изъ кадровъ.

Сіе ускорится, если старымъ солдатамъ позволится жениться на дочеряхъ казенныхъ крестьянъ съ полученіемъ домовыхъ отпусковъ и если служба солдатская будетъ составлять только 12 лѣтъ. Отчасти также можно перевести солдатъ, урожденныхъ изъ тѣхъ мѣстъ, изъ полка въ полкъ.

Солдаты изъ имѣній помѣщиковъ, во время отпусковъ, отправляютъ обыкновенныя повинности, а по отставкѣ возвращаются имъ; въ долговыхъ отпускахъ находятся подъ расправою унтеръ-офицеровъ, въ разныхъ мѣстахъ распредѣленныхъ и ближайшихъ ротъ.

Провіантомъ содержится отъ казны одна наличная часть полка и весь полкъ во время сбора. При малыхъ сборахъ люди могутъ имѣть свой провіантъ; даже и по части провіанта вообще можно изыскивать для казны облегченіе на счетъ земли, тѣмъ болѣе, что чрезъ кантоновъ рекрутская повинность очень облегчается.

Обмундированіе станетъ долѣе, жалованье получатъ одни наличные люди; офицеры остаются на казенномъ содержаніи.

Оружіе, оружейныя и мундирныя вещи хранятся при ротныхъ дворахъ.

Поселеніе на семъ основаніи можно распространить и на кавалерію, хотя, впрочемъ, не удобовозможно, чтобъ регулярная кавалерія была на ногѣ милиціи.

Систему кантоновъ нѣкоторымъ образомъ можно отнести и къ артиллерійскимъ лошадямъ.

Еще можно раздѣлить войско, по сей системѣ устроенное, на регулярное и на ополченіе, и въ послѣднемъ могутъ служить отчасти сами помѣщики.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій**.

Редакторъ-Издатель **С. Зыковъ.**

Журн... ...й Союз
Московской об... ...отеки

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1904 г.

ТОМЪ СТО ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина. 117—130, 306—320

II. 1-ая Московская гимназія въ 50-хъ годахъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній) . . . . 167—199

III. Воспоминанія педагога. В. Г. фонъ-Бооля. 213—227, 287—305, 578—593

IV. Записки Василія Антоновича Инсарскаго. 241—266, 481—504

V. Записки Михаила Чайковскаго (Мехметъ-Садыкъ-паши). Перев. В. В. Тимощукъ. 267—286, 628—642

VI. Выписка изъ журнала главнаго училищъ правленія. Октября 23 дня 1818 г. о покупкѣ въ казну наборщика Степанова . . . . —531

Портреты.

I. Портретъ ген.-лейт. Николая Ѳедоровича Дубровина и два рисунка вида Алексѣевскаго равелина. (При 7-ой книгѣ).

II. Портретъ генералъ-маіора фонъ-Бооль. (При 9-й книгѣ)

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	А. А. Фуксъ и казанскіе литераторы 30—40-хъ годовъ. Проф. Евг. Боброва.	5—35
II.	О возобновленіи въ церквахъ моленій по случаю военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ. 6-го іюня 1815 г.	36
III.	Польская конституція 3-го мая 1791 г. и отношеніе къ ней Россіи. В. В. Тимощукъ.	37—59
IV.	Замѣтка Николая Дмитріевича Быкова о Т. Г. Шевченко	60
V.	Бытовые очерки В. П. Лободовскаго	61—85
VI.	Письмо гр. А. А. Аракчеева М. М. Сперанскому. 24-го марта 1819 г. Спб.	86
VII.	Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ . . 87—112	457—480
VIII.	Алексѣевскій равелинъ. Ал. Маркевича . .	113—115
IX.	Пожертвованіе гр. Н. П. Румянцова	116
X.	Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка. В. В. Тимощукъ . . . . . 131—149,	385—412
XI.	Тульскому гражд. губерн. Иванову 16-го сент. 1801 г. О производствѣ въ полковничій рангъ Петра Еропкина	150
XII.	Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ . . . . . 151—166,	413—442
XIII.	Изъ жизни поволжскихъ раскольниковъ. Сообщ. Александръ Успенскій	200
XIV.	Мнѣніе А. С. Шишкова о цензурѣ и книгопечатаніи въ Россіи 1826 года	201—211
XV.	Донесеніе изъ Фридрихсгама отъ 25-го марта 1795 г. о государственномъ переворотѣ въ Швеціи. Сообщ. Александръ Успенскій. . . .	212
XVI.	Осквернѣніе православнаго храма евреемъ. Сообщ. А. Мердеръ.	228
XVII.	О Шведской могилѣ и капиталѣ Судіенка. И. Фр. Павловскаго	229—239
XVIII.	Взысканіе за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія. 10-го августа 1827 г.	240
XIX.	Нѣкоторыя обстоятельства жизни Владиміра Ивановича Даля. (По поводу статьи «В. И. Даль» (по воспоминаніямъ его дочери)—«Русск. Вѣстн.» 1879 года, іюль). Дмитрія Завалишина.	321—339
XX.	«Дѣло» о философіи Круга. (Къ характеристикѣ казанскихъ профессоровъ эпохи Магницкаго). Сообщ. П. Головачевъ.	340—352

стран.

XXI. Изъ русской военно-уголовной старины (высочайшія конфирмаціи императора Павла I по военно-суднымъ дѣламъ). Сообщ. Михаилъ Соколовскій . . . . . 353—368
XXII. Изъ переписки по освобожденію крестьянъ Сѣверо-Западнаго края. Сообщ. А. Миловидовъ. . 369—384
XXIII. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской. (Біографическій очеркъ по матеріаламъ, собраннымъ для исторіи лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка). Б. Адамовича. . . . . 443—456
XXIV. Замѣтка о Константиновскомъ межевомъ институтѣ. Викторина Павлова . . . . . 505—506
XXV. Тарговицкая конфедерація. В. В. Тимощукъ. 532—552
XXVI. И. С. Тургеневъ въ Берлинскомъ университетѣ (1838—40 г.г.). Сообщ. Н. Гутьяръ . . . 553—577
XXVII. П. А. Плетневъ и его отношенія къ Жуковскому и Пушкину. Вячесл. Каминскаго . . . 594—627
XXVIII. Изъ бумагъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго . . . 643—667
XXIX. Изъ архива А. В. Никитенко. . . . . 668—687
XXX. В. А. Жуковскій и А. И. Тургеневъ въ 1812 и 1814 годахъ. Сообщ. И. А. Бычковъ. . . 688—690
XXXI. Изъ рескриптовъ императора Павла I. Сообщ. Александръ Успенскій . . . . . 691—700
XXXII. Къ біографіи В. Н. Каразина. Сообщ. В. И. Срезневскій и Н. А. Мурзановъ. . . 701—707
XXXIII. Карлъ Карловичъ Зейдлицъ. П. Висковатаго. 708—714
XXXIV. Проектъ генералъ-интенданта Канкрина о новомъ способѣ поселенія войскъ. Сообщ. Мих. Соколовскій . . . . . 715—716

Библіографическій листокъ.

1. Д. Ѳ. Самаринъ. Собраніе статей, рѣчей и докладовъ. Томъ первый. Крестьянское дѣло. Москва. 1903 г.—Н. Кашкадамова (на оберткѣ іюльской книги).

2. Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Эпоха обличительнаго жара (1857—64 гг.). Эпоха цензурнаго террора (1814—55 гг.). Русское „Bureau de la presse". Ѳаддей Булгаринъ. Съ 19 портретами и 81 карикатурой. Спб. 1904.—Н. Кашкадамова (на оберткѣ августовской книги).

3. Упрощенная русская азбука правописаніе. К. А. Сорокина.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ сентябрьской книги).